

Российская Академия Наук
Институт философии

И.А.БЕСКОВА

ЭВОЛЮЦИЯ И СОЗНАНИЕ
(КОГНИТИВНО-СИМВОЛИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)

Москва
2001

УДК 100.32
ББК—15.11
Б 53

В авторской редакции

Рецензенты:

доктор филос. наук *И.Т.Касавин*
доктор филос. наук *Е.А.Сидоренко*
доктор филос. наук *В.П.Филатов*

Б 53 **Бескова И.А.** Эволюция и сознание (когнитивно-символический анализ). — М., 2001. — 268 с.

Монография посвящена исследованию вопросов, связанных с проблемой сознания. В частности, анализируется логика его возникновения, а также тех когнитивных средств, которые основаны на его использовании. В этой связи затрагиваются некоторые вопросы формирования человека как вида. Показывается, на каком этапе эволюции и в ответ на какие процессы, связанные с трансформацией человека, происходит рождение сознания. Рассматривается природа бессознательного. Специальное внимание в монографии уделяется проблеме происхождения естественного языка, а также языка символов. Показывается, как последний функционирует в символических текстах и в сновидениях.

Результаты исследования представляют интерес не только для философов, но и для специалистов в области психологии, лингвистики, культурной антропологии.

ISBN 5—201—02053—4

© И.А.Бескова, 2001

© ИФ РАН, 2001

Введение

В книге анализируются проблемы эволюции и сознания. Темы настолько сложные, что иной раз кажется, что к ним и подступиться-то невозможно. Что бы ни было предложено читателю в качестве моделей, по существу, ничем не может быть доказано: например, что бы позволило доказать, что человек, как вид, не происходит от обезьяны и, в то же время, именно обезьяна была предшествующим формированию человека этапом работы эволюции? Или что реликтовое мировосприятие характеризовалось такими-то параметрами? Или что современный этап эволюции человека и сознания начался именно в тот момент, который в Библии символически представлен как грехопадение?

Тем не менее, все эти вопросы, а также многие другие, не менее сложные, не менее абстрактные, на мой взгляд, имеют непосредственное отношение к пониманию природы эволюционного процесса в целом и эволюции человека в частности.

Что же делать? Отказаться от рассмотрения подобного рода вопросов или делать лишь такие обобщения, которые более или менее близки по уровню абстрактности к тем, которые предлагаются конкретными науками, а потому – пусть и не в полной мере, и не непосредственно – все же могут быть подтверждены их данными? Но ведь философия тем и отличается от всех прочих областей человеческой культуры, что позволяет говорить о таких запредельных вещах, затрагивать проблемы, которые другими дисциплинами – по определению – не будут даже рассматриваться. Кроме того, как мне кажется, очень интересно и очень полезно попытаться понять, какова самая общая природа наиболее значимых для человека (как вида) вещей, какими силами они направляются, по каким принципам изменяются и т.п.

Поэтому я все-таки попытаюсь рассмотреть эти вопросы, хотя отчетливо сознаю уязвимость своей позиции в связи с этим.

Теперь следующая трудность. Если нельзя доказать те вещи, которые я буду предлагать на суд читателя, то как же избежать ничем не ограниченной произвольности и полного субъективизма? Как не впасть в грех бесплодного теоретизи-

рования? Это и в самом деле очень серьезная опасность. Точного выхода из этой ситуации я не знаю. Единственное, что я могу предложить в этой связи — следующее: процессы, с которыми человек сталкивается в самых разных сферах существования живого, *в глубинных своих тенденциях — одной и той же природы*. Разные сферы, разные формы проявления жизни, несмотря на кажущуюся несвязанность, составляют *границы, стороны, аспекты общего процесса эволюции жизни*. Более того, те особенности, с которыми мы сталкиваемся в каждой конкретной области, если рассмотреть их под определенным углом зрения (например, задать вопрос, почему они происходят так, а не иначе, что обеспечивает возможность именно такой их реализации и др.), многое могут рассказать об общих закономерностях эволюции. (Хотя, конечно, и здесь будут «запредельные» области, касающиеся вопросов целей эволюции живого на Земле, механизмов, обеспечивающих эту эволюцию, закономерностей, которыми обусловлены эти механизмы и т.п. Я не вижу возможности их хоть в какой-то степени аргументированно обсуждать, поскольку здесь открывается сфера уж очень большой произвольности. Для меня это служит некоторым утешением, т.к., по сравнению с этими вопросами, те, которые я собираюсь затрагивать, все-таки более приземленны).

Итак, поскольку то, с чем человек сталкивается в разных сферах своей жизнедеятельности и в разных формах проявления, представляет собой выражение *общей картины эволюционного процесса*, постольку данные самых разных дисциплин могут помочь в понимании интересующих нас вопросов. В этой связи будут использованы результаты из культурной антропологии, психологии, лингвистики, логики, психопатологии, зоопсихологии и др. В частности, будут привлекаться данные о параметрах мировосприятия и мироощущения представителей т.н. «примитивных культур», особенностях их языка и мышления. Будут использованы результаты, относящиеся к психологии животных и касающиеся некоторых форм восприятия, которые, когда они встречаются у человека, чаще всего оцениваются как экстрасенсорные. Будут привлечены исследования некоторых особенностей восприятия и мышления левшей при определенных патологиях мозга. Будут учитываться данные, касающиеся изменения параметров восприятия и

мышления в измененных состояниях сознания (например, обусловленных экстремальными условиями или же особыми психотехниками).

На что хотелось бы обратить особое внимание и ввести в рассмотрение, так это использование культурных символических текстов в материале данной книги. Сам характер вопросов, которые я предполагаю обсуждать, на мой взгляд, напрямую адресует нас к символической репрезентации знания (мифы, сказки, притчи). Дело в том, что символический язык как раз и является тем средством, с помощью которого обычно обсуждаются вопросы подобной степени общности, сложности и абстрактности. Это достаточно известный прием. Однако обычно культурные тексты выступают или как объект исследования, или как иллюстрация позиции автора.

Я же попробую использовать символический язык как *инструмент анализа*. И вот в чем здесь разница. Когда символизм (язык символов или символические образы) выступает в качестве объекта исследования, то логика анализа в этом случае такая: выявляются разные смысловые грани данного символа (языкового или изобразительного) в разных культурах в разные исторические времена. Предлагаются разные реконструкции глубинных аспектов смысла символа. На этой основе нередко предпринимается попытка расшифровки или новой интерпретации иногда ранее неразгаданных, иногда уже включенных в ткань культуры, но настолько важных символов, что новые попытки их понимания только обогащают человеческую мысль.

В том случае, если символические тексты или изображения используются *для иллюстрации* уже сложившейся авторской позиции, они обычно также перетолковываются, т.к. впрямую, непосредственно, символ не может ни подтвердить, ни опровергнуть ничто из того, что формулируется с использованием, так сказать, «поверхностного языка» (в частности, научного)¹.

Я же попробую использовать символические тексты как *инструмент анализа* тех сфер *эволюции человека, которые не поддаются непосредственному изучению* (они находятся за пределами человеческого опыта не только в плане отсутствия взаимодействия с ними — например, удаленность во времени, — но и недоступности непосредственному переживанию — например, альтернативная реальность).

Но для того, чтобы использовать подобные пласты человеческой культуры в качестве инструмента анализа, следует, как мне кажется, сначала изучить саму эту форму репрезентации человеческого опыта, чтобы отчетливо понимать те возможности, которые предоставляются такой формой знания. Поэтому, хотя книга посвящена проблемам эволюции и сознания, в ней имеются главы о символах, логике их возникновения, способах и формах их постижения.

Итак, монография посвящена проблемам эволюции и сознания. Существенным для меня является то, что традиционный подход к пониманию эволюции человека (и в частности, логики формирования и развития его когнитивных способностей), на мой взгляд, несвободен от серьезных внутренних противоречий. По крайней мере, в той части, которая касается концепции естественного отбора, а еще конкретнее, предпосылок репродуктивного поведения. В связи с этим, в первой главе я анализирую эти трудности, а также намечаю возможные варианты решения проблемы.

Поскольку современное состояние мыслительной сферы человека не может быть понято в отрыве от логики ее формирования, в монографии рассматриваются вопросы, связанные с выявлением параметров реликтового мироощущения, а также тех внутриличностных основ, которые обуславливают такое взаимодействие человека и мира.

В рамках анализа эволюционного процесса выделяются два аспекта эволюционных изменений. При этом то, что традиционно понимается под эволюцией, на мой взгляд, представляет собой лишь последовательность *заключительных* сцен множества отдельных спектаклей, разворачивающихся на уровне действия универсальных сил. На основе рассмотрения этих процессов предлагается модель эволюции, которую я назвала «объемной», имея в виду, что традиционная концепция, по своей природе, является плоскостной.

Анализируя проблемы сознания, я выделяю два смысла этого понятия. Один — сознание как универсальная сила, участвующая в создании человека как вида. Второй — специфически человеческое сознание, производное от сознания как универсальной силы и формирующееся в результате попыток человека приспособиться к среде, в которой он оказался на

одном из этапов своего эволюционного развития. Я рассматриваю параметры каждого из этих феноменов, опираясь на концепцию «инь-ян» китайской традиции.

Переходя к анализу природы современных когнитивных способностей, я стараюсь показать, что тот тип мыслительной активности, который сегодня демонстрирует человек, является *естественным* результатом *внутренней трансформации*, которую он пережил на переломном этапе своей истории. Этот момент, на мой взгляд, символически представлен в библейском сюжете о грехопадении. Поэтому специальное внимание уделяется его рассмотрению.

Язык представляет собой одно из важнейших и, быть может, наиболее развитых воплощений когнитивных возможностей человека. В монографии я стараюсь показать, что его формирование осуществлялось на собственной основе, в ходе *естественной эволюции* человека как вида. Для этого предлагается объяснительная модель, где возможность именованья как выражения *сущности именуемого* связывается с феноменом *звукоподражания внутреннему ощущению*, возникающему у субъекта при глубинном постижении объекта. Здесь используются свидетельства, полученные в ходе экспериментов с психоделиками.

В монографии отдельная глава посвящена пониманию природы бессознательного психического. В ней, в свете метафоры, полученной в сновидении, предлагается определенное расширение понятия «бессознательное» на основе введения в рассмотрение тех аспектов психических содержаний, которые производны, а точнее, являются *другой формой выражения энергетических процессов*, протекающих в человеческом теле.

Как видим, вопросы, которые затрагиваются в данной работе, достаточно разнообразны. Однако темы эволюции и сознания являются сквозными. Можно сказать, что, кроме тех глав, которые посвящены им *непосредственно*, они рассматриваются применительно *к каждому* из обсуждаемых вопросов. Это связано с тем, что и *феномен эволюции* человека как вида, и самые разные аспекты, относящиеся к проблематике *сознания*, настолько значимы, что имеют те или иные выходы, практически, на любую сферу человеческой жизнедеятельности. Этим объясняются некоторые перекрещивания и повторы, которые встречаются в тексте.

Я хочу поблагодарить всех тех людей, которые в той или иной форме способствовали появлению этой работы. Это Смирнова Е.Д., Шкуричева Н.А., Кашпар А.В., Сидоров В.Е., Ивкина Н.А., Медоева Л.И., Шабалов К.П., Никишова И.С. и Силаева О.Л.

Особую благодарность приношу сотрудникам сектора эволюционной эпистемологии, работы которых оказали стимулирующее влияние на формирование моей позиции. Это Меркулов И.П., Князева Е.Н. и Герасимова И.А.

1. ЭВОЛЮЦИОННАЯ ПАРАДИГМА

1.1. Противоречия концепции естественного отбора

Существуют различные варианты сжатого изложения базисных параметров дарвиновской эволюционной парадигмы. Я бы предложила такой: эволюция направляется случайностью, плюс удачным стечением обстоятельств, плюс необходимостью. Что я имею в виду?

Когда я говорю о *случайности* как об одном из определяющих факторов эволюции в дарвиновской парадигме, то имею в виду случайные мутации генов, которые обуславливают возникновение адаптивно ценных качеств. Упоминая *удачное стечение обстоятельств*, являющееся необходимым элементом реализации идеи отбора, я подразумеваю последующее рождение разнополых детей и их скрещивание между собой², приведшее к появлению здорового потомства³. Ссылаясь на *необходимый* фактор, я имею в виду последующее давление естественного отбора, выражающееся, в частности, в том, что носители благоприятной мутации, обеспечивающей возникновение адаптивно ценного качества, оказываются более привлекательными для особей противоположного пола, а также то, что они лучше приспособлены к условиям окружающей среды.

Вряд ли особь противоположного пола может оценить преимущество формирующихся предпосылок зарождения, допустим, зоны Брока⁴. Ощущения *когнитивного превосходства* особи-носителя адаптивно ценной

мутации у представителей противоположного пола тоже, по логике вещей, не может быть, т.к., хотя многие когнитивные способности имеют генетические привязки, тем не менее, никто даже из сторонников данной парадигмы не утверждает, что адаптивно ценное когнитивное качество появляется *сразу вслед* за случайной мутацией. Речь всегда идет о *длительном* процессе формирования когнитивных способностей в процессе естественного отбора носителей адаптивно ценной мутации. Но если это процесс длительный, растягивающийся на многие поколения, то как особь-носитель еще не сформированного качества по *этому основанию* может оказаться предпочитаемой при спаривании? Спаривание будет происходить на каком-то другом основании, но тогда и отбираться будет то качество, которое было основанием непосредственного предпочтения в сексуальном контакте, а не то, которое *потом* должно сложиться.

Преимущества «социального статуса» тем более не могут проявиться у особи-носителя случайной мутации, которая *когда-нибудь* приведет к формированию селективно ценного качества. О чем идет речь?

Известные авторы монографии «Генетика человека» Ф.Фогель и А.Мотульски пишут следующее: «Наиболее важный аспект эволюции человека – совершенствование его умственных способностей. Для того, чтобы этот феномен имел место, требовалось наличие репродуктивного преимущества индивидов, несущих соответствующие гены. Резонно предположить, что такие гены чаще встречаются у индивидов, занимающих высшую ступень в социальной иерархии своего селения, поскольку именно они выделяются своим умением организовать охоту, обеспечить жителей запасами пищи и уладить конфликты между членами общины.

Было показано, что племенные вожди действительно имеют по несколько жен и намного большее число детей, чем другие мужчины... При изучении племени шавантов оказалось, что 16 из 37 женатых мужчин состо-

яли в полигамных браках; 65 из 89 выживших детей родились от полигамных брачных союзов. Вождь вступал в брак не менее пяти раз (больше, чем любой другой член группы) и имел 23 ребенка, т.е. доля его детей в группе составляла приблизительно одну четвертую.

Если большое число детей у мужчин, имеющих высокий социальный ранг, — общая особенность популяций первобытных людей и если умственные способности, позволяющие достичь высокого положения, действительно определяются генетическими факторами (по крайней мере, частично), механизм сравнительно быстрой эволюции такого специфически человеческого признака, как уникальные умственные способности, становится понятным»⁵.

Здесь я бы не согласилась с авторами, хотя несоответствие в их рассуждениях, на первый взгляд, не бросается в глаза. Более того, кажется очевидной и неоспоримой логика их аргументации. Но проблема в том, что они анализируют *современные* сообщества, представители которых, хотя и находятся на примитивном, по сравнению с человеком технократической цивилизации, уровне эволюции, тем не менее, имеют вполне развитые и сформированные когнитивные способности. Иначе говоря, те самые когнитивные способности, *возможность возникновения* и эволюции которых в *результате* давления естественного отбора и *должна обосновываться* бóльшим процентом детей у лиц с высоким социальным статусом и которые на ранних этапах эволюции как раз-то и не были еще сформированы.

Не будем забывать, что вся эта красивая, замечательная аргументация с преимущественным оставлением потомства вождями племени направлена на то, чтобы доказать, что когнитивные способности *могли развиваться* в результате отбора по признаку высокого социального статуса. Иначе говоря, что был высокий социальный статус, основанный *не на* более высокоразвитых когнитив-

ных способностях, поскольку последние *еще только должны сформироваться* в результате предпочтения таких людей женщинами данного племени. Но если высокий социальный статус на чем-то основан и это что-то — не когнитивные способности, которые еще только когда-нибудь разовьются вследствие давления отбора, то и отбор, ориентированный на высокий социальный статус, проходил по какому-то другому основанию. А точнее, по тому, которое и лежало в основе выдвижения кого-то вождем.

Но в любом случае, это были не когнитивные способности, если им еще только предстояло развиваться на основании предпочтений в репродуктивном поведении носителей некой ценной мутации.

Кстати говоря, замечу в скобках, что исследователями поведения животных установлено, что наименее склонны к новациям самцы высокого ранга. Так, например, известная исследовательница поведения животных в естественных условиях, Джейн Гудолл, подсчитала, что из 11 случаев орудования палкой⁶ 8 раз ее держали детеныши и 3 раза молодые самочки. Не правда ли, такая картина плохо согласуется с идеей выдающегося уровня развития когнитивных способностей у так называемых «альфа-самцов»⁷? Это — косвенное свидетельство того, что социальными лидерами далеко не всегда становятся члены сообщества с наиболее развитыми когнитивными способностями. Поэтому, даже если бы не было того возражения, которое я сформулировала выше и которое имеет чисто логическую природу, аргументация Ф.Фогеля и А.Мотульского в плане обоснования логики когнитивной эволюции была бы все равно неэффективной.

Получается, что идея естественного отбора, кажущаяся вполне очевидной при рассмотрении ситуации на огромных временных промежутках, оказывается логически не адекватной, если мы пытаемся замкнуть случайную мутацию, обуславливающую селективно ценное качество, и отбор *на одну и ту же особь*. И это ставит под

сомнение всю идею такого обоснования логики эволюции когнитивных способностей, потому что, как может стать *предпосылкой (основанием)* отбора то, что должно сформироваться в *результате* отбора?

Единственной возможностью разрешить указанное логическое противоречие, на первый взгляд, остается фенотипический отбор, т.е. отбор, основанный на предпочтении особями одного пола особей другого пола на основании большей *внешней* привлекательности именно тех, кто является носителем будущих селективно ценных качеств. Это кажется возможным, поскольку именно в фенотипической специфичности особи-носителя может сразу же проявиться генетическая мутация.

Иначе говоря, мы имеем случайную мутацию X, которая привела к тому, что ее носитель стал выглядеть для самок более физически привлекательным (не важно, что это конкретно: необычный рост или особая волосистость, или наоборот, безволосость, или еще что-то). Тогда понятно, что самка предпочтет такого самца, и у него повышаются шансы передать потомству большее число генов, в том числе и мутацию, интересующую нас. Т.е. связь между генетической мутацией и фенотипическим признаком (в отличие от когнитивных способностей или социального статуса) *может быть замкнута на самую первую особь-носителя* благоприятной мутации. Тогда и естественный отбор по этому основанию, вроде бы, оказывается возможным. Теперь дело за малым. Надо всего лишь допустить, что когнитивные способности оказываются побочной формой проявления той или иной фенотипической специфичности, и идея эволюции когнитивных способностей на основании дарвиновского естественного отбора как будто бы реализуема. Потому что данная фенотипия будет устойчиво отбираться, т.е. особи-носители будут предпочитаться и оставлять больше потомства. Потомство, имеющее те же внешние признаки, тоже окажется в числе предпочитаемых и оставит

свое потомство. Так представленность исходной мутации будет увеличиваться от поколения к поколению. А поскольку она же — в основе некоторого *когнитивно* ценного качества, то, отбирая определенную фенотипию, будут отбирать и соответствующее ей когнитивное качество. Так и окажется возможной когнитивная эволюция на основе идеи естественного отбора в *традиционном* его понимании.

Конечно, приведенная аргументация — это всего лишь ментальная уловка, которую я предложила в качестве примера того, как легко доказать любую общую теорию. Но она же — свидетельство того, как трудно это сделать, потому что на самом деле она ничего не доказывает. И сейчас я покажу почему.

Если мы посмотрим немного глубже и задумаемся о *предпосылках*, которые могли бы лежать в основании *устойчивого* предпочтения особями одного пола особей другого, то обратим внимание на один существенный вопрос: *почему* данный фенотипический признак (не важно, что это: рост, вес, особый цвет волос, особый тип лица и т.п.) может *устойчиво* стать основанием для физиологического предпочтения (т.е. желая спариться именно с этой особью и именно потому, что она выше, ниже, сложена так, а не иначе и т.п.)? Ведь отдельные предпочтения могут вылиться в физиологически выраженную тенденцию эволюции вида только в том случае, если это предпочтение *стабильно, в массе своей*, демонстрируют особи противоположного пола. Но тогда возникает вопрос: а почему некоторое внешнее качество⁸ может оказаться устойчиво предпочитаемым большинством членов данного сообщества?

Здесь, как мы видим, переплетаются два фактора: выдающаяся внешняя привлекательность, делающая особь предпочитаемой в сексуальных взаимодействиях (что и позволяет ей оставлять большее потомство) и отбор за счет этого какого-то адаптивно ценного призна-

ка. Поскольку всех в данном случае интересует эволюция *когнитивных* способностей или *психологических* характеристик человека как вида, то таким адаптивно ценным признаком, каким-то *неслучайным образом* связанным с почему-то предпочитаемой фенотипией, должны быть определенные качества (или определенное качество), развитие которых *когда-нибудь* приведет к формированию искомым когнитивных или психологических характеристик. Как это возможно?

1.2. Социобиология и эволюционная психология в подходе к проблеме репродуктивного поведения

Сейчас пришло время рассмотреть отличие социобиологического и эволюционно-психологического подхода к пониманию проблемы «передачи собственных генов потомству».

Социобиология как направление в настоящее время уже широко известна. Ею постулируется наличие взаимосвязей различных уровней жизнедеятельности человека, начиная от биологического (генетические особенности организма) и кончая социальным (разные социальные и культурные институты человека). В ее основе — дарвиновская парадигма понимания возникновения и закрепления признаков, современная модификация которой связана с введением в научный оборот представления о генетической обусловленности огромного числа когнитивных и поведенческих особенностей.

В рамках этого подхода действительно были получены некоторые интересные результаты. В частности, было показано, что генетические вариации обуславливают изменения в когнитивных способностях, поведении, восприятии. Это касается цветового зрения, остроты слуха,

способности различения запахов и вкусов. Это имеет отношение к психомоторным навыкам, экстравертированности-интровертированности, времени овладения языком, письмом, времени прохождения стадий Пиаже, а также к некоторым формам неврозов, фобий, психозов и т.п. Удалось также выявить единичные генетические вариации, которые обуславливают определенные когнитивные способности. Было показано, что мутации в отдельном локусе могут выразиться в глубоких, но очень специфичных изменениях в архитектуре мозговых тканей. Эти изменения не только модифицируют поведение на локомоторном и перцептивном уровнях, но влияют и на такие высокоуровневые функции, как осуществление выбора и принятие решения⁹.

Широко известные в настоящее время разработки в области социобиологии предлагают расширить круг интерпретируемых на этой основе явлений за счет включения в число генетически обусловленных также и многочисленных форм социальной жизни: это касается, например, организации поведения в сообществе (в частности, было установлено, что подчинение интересов индивида интересам сообщества является селективно ценным признаком¹⁰), эволюционной значимости различных форм представлений и верований (не только отдельного индивида, но и сообщества в целом¹¹) и т.п.

Еще одним параметром, базисным для эволюционно-эпистемологической модели, является представление о невозможности наследования благоприобретенных признаков, независимо от их ценности¹².

Но если полезные приобретенные признаки не наследуются, как же в рамках социобиологических представлений объяснить эволюцию каждого данного вида организмов?

Считается, что это можно сделать следующим образом: случайные мутации приводят к появлению различных комбинаций генов, некоторые из которых обуслов-

ливают адаптивно ценные качества. Эти качества обеспечивают более высокую выживаемость особей-носителей. Те же, в свою очередь, оставляют более многочисленное потомство, что означает возрастание частоты соответствующей комбинации генов, а следовательно, и обусловливаемых ими адаптивно ценных качеств, в популяции. А поскольку гены задают функционирование нервной, гормональной системы человека, работу его органов чувств, они влияют и на процессы научения. Существующие ограничения на формирование некоторых видов поведения имеют физиологический базис, а он, в свою очередь, генетически обусловлен. Из этого делается вывод, что духовный выбор испытывает влияние цепочки взаимосвязей, которые ведут от генов, через физиологию, к ограниченному научению в течение отдельной человеческой жизни¹³.

Конечно, в таком упрощенном варианте данный подход довольно уязвим, поэтому используются многочисленные оговорки и опосредования, смягчающие предложенный вариант детерминации. В частности, предлагается ввести понятие первичных и вторичных эпигенетических правил¹⁴. И если первичные правила определяют возможные направления развития систем, простирающихся от периферических сенсорных фильтров до восприятия, то вторичные регулируют функционирование внутренних ментальных структур, включая сознательно осуществляемую оценку и принятие решений¹⁵.

Эти и подобные им модельные конструкторы (культурген, геннокультурная коэволюция, ментальный эпигенез и т.п.) используются для того, чтобы расширить класс свойств, качеств, способностей, интерпретируемых в рамках эволюционной парадигмы, также и за счет сложных высокоуровневых форм поведения и мышления, которые не имеют очевидной генетической привязки. Так, введение в научный оборот понятия эпигенетических правил позволяет, по мнению сторонников, говорить

также и о генетической обусловленности пусть и не самих качеств, но хотя бы предпочтений, в рамках развития которых могли бы появиться сложные высокоуровневые способности¹⁶.

Но так ли это на самом деле? Когда мы говорим о действии механизма в рамках популяции в целом и на протяжении длительных исторических периодов, когда, как предполагается, формирование соответствующей интеллектуальной способности происходило, такая модель выглядит довольно привлекательно. Но если мы задумаемся о том, может ли реализоваться подобного рода подход в действительности, все оказывается не столь очевидным. Ведь для того, чтобы некоторая тенденция проявилась и тем более закрепилась в процессе эволюции, необходимо, чтобы предложенная модель была реализуема хотя бы для одной, отдельно взятой особи. В противном случае, если она оказывается нереализуемой для отдельного представителя популяции, как она окажется реализованной для сообщества?

И вот здесь, как представляется, возникают значительные трудности.

Как я уже отмечала, наиболее сложные и интересные с точки зрения понимания эволюции человека когнитивные способности рассматриваются в рамках обсуждаемого подхода как формирующиеся в процессе длительного исторического развития вследствие давления естественного отбора: селективно ценный признак увеличивает адаптивные возможности индивида-носителя, который, в силу своей большей приспособленности, оставит больше потомства, что, в свою очередь, приведет к возрастанию частоты данной комбинации генов в популяции. А поскольку носители такой комбинации также будут более адаптированными, ее частота (в результате действия естественного отбора) еще более увеличится и т.д.

Но как возможно давление естественного отбора, в основе которого лежит предпочтение носителя интересующего нас качества особями противоположного пола

(иначе ни о каком преимущественном оставлении потомства и возрастании частоты данной комбинации генов в популяции и речи быть не может), если само это качество *сформируется через многие тысячелетия* (что и постулируется в отношении эволюции высокоуровневых интеллектуальных способностей)? Только мутации, *непосредственно* проявляющиеся фенотипически (например, рост, количество растительности на теле, цвет глаз и т.п.), имеют шанс (да и то при определенных оговорках) стать основанием для подобного предпочтения особями противоположного пола, что и обусловит возможность реализации механизма естественного отбора. Если же какая-то мутация и в самом деле *через многие тысячелетия обеспечит* формирование некоторой адаптивно ценной когнитивной, социальной, поведенческой способности, то как она может служить основанием для сегодняшнего предпочтения потенциального носителя данного качества?

Но допустим, что сторонникам рассматриваемого подхода в результате еще каких-то дополнительных оговорок удалось эти два процесса замкнуть на одну особь. Решит ли это проблему? Как представляется, нет. Само по себе обладание генетической комбинацией, обуславливающей селективно ценное качество, автоматически не влечет возрастания репродуктивной способности. Ведь в конце концов, как справедливо заметил М.Рьюз (правда, в противоположном по смысловой направленности контексте¹⁷), Коперник, Декарт и Ньютон — эти гиганты научной революции — умерли бездетными!

Таким образом, несмотря на кажущуюся перспективность в плане возможности объяснения природы высокоуровневых способностей, подход, основывающийся на идеях социобиологии, — в том виде, в каком он существует на сегодняшний день, — на мой взгляд, сталкивается с весьма значительными трудностями.

Эволюционные психологи расходятся с эволюционными биологами в нескольких моментах. Во-первых, они полагают, что требует уточнения *сама основа понимания причин репродуктивного поведения*. Если для биологов характерно представление о том, что его целью является передача собственного генетического материала потомкам¹⁸, то эволюционные психологи ищут причины поведения человека в *особенностях психологических механизмов*, сформировавшихся как средство адаптации к условиям (или, как часто говорят, к вызовам) окружающей среды.

Во-вторых, эволюционные биологи полагают, что, хотя идеи, верования, чувства необходимо принимать во внимание при анализе эволюционной картины, основной упор они делают на *поведении*, считая, что именно оно вносит основной вклад в репродуктивную программу человека, а идеи, чувства и верования важны в той мере, в какой они воздействуют на поведение¹⁹.

В-третьих, поскольку в эволюционной биологии акцент делается на изучении поведения, а индивиды рассматриваются, как имеющие всегда и везде сходные цели, различие между предковой и современной средой становится не принципиальным²⁰.

Теория, базирующаяся на этих положениях, стала известна как дарвиновская антропология или дарвиновская социальная наука²¹. Она критикуется эволюционными психологами, подход которых может быть представлен следующим образом. Во-первых, хотя соответствующие адаптации были в свое время отобраны, т.к. они максимизировали репродуктивный успех предков, это не значит, что они максимизируют его сегодня. Например, поиск пищевых ресурсов, содержащих сахар, действительно мог когда-то вносить свой вклад в репродуктивный успех предков. Однако неверно говорить, что индивидам нравится сладкое, потому что это помогает им делать вклад в их текущий репродуктивный успех.

Во-вторых, эволюционные психологи считают, что поведение само по себе не вносит определяющего вклада в привлекательность. Их тезис состоит в том, что «фокусом научного интереса должны стать психологические механизмы, которые продуцируют поведение. В центре научного интереса должно находиться не поведение, ориентированное на поиск сладкого, но возникший в результате естественного отбора рисунок (дизайн) психологических механизмов, делающих вкус сахара сладким. В-третьих, они утверждают, что в фокусе эволюционной психологии должны находиться специализированные психологические механизмы. Естественный отбор не может обусловить возникновение общецелевых ментальных механизмов, поскольку не было общих проблем в предковой окружающей среде. Наконец, учитывая эти три аргумента, различие между предковой и нынешней окружающей средой становится очень существенным, поскольку специализированные психологические механизмы, которые формируют человеческую психику, были отобраны для функционирования в конкретных условиях предковой окружающей среды. Если эти условия изменяются, психологические механизмы не могут функционировать так, как они были предназначены функционировать. Люди эволюционировали так, чтобы находить сахар сладким, потому что сладкий вкус побуждает индивидов совершать работу, которая необходима, чтобы получить его. В наше время сахар может быть получен за счет небольших усилий, и поэтому его сладкий вкус может мотивировать нас съесть его больше, чем это полезно для нашего здоровья, и тем самым снизить наш репродуктивный успех.

Подход эволюционных психологов становится доминирующей парадигмой эволюционного изучения поведения»²².

В эволюционной психологии меня привлекает то, что она позволяет, на мой взгляд, более точно оценить мотивы происходивших с человеком изменений. В част-

ности, как уже отмечалось, психологи полагают, что корни трансформаций надо искать не в стремлении человека к репродуктивному поведению для увеличения представленности собственных генов в следующих поколениях, а потому, что «это приятно». А вот *почему* сложилось так, что репродуктивное поведение приятно, что есть сладкое приятно, что много других вещей делать приятно — это особый вопрос. В этом, собственно, и состоит задача эволюционной психологии: понять, почему психологические механизмы, которые по своей природе адаптивны, имеют тот или иной рисунок.

Итак, сопоставляя свою позицию с представлениями социобиологов, эволюционные психологи пишут следующее: «Как и провозглашает само название, социобиология совершает объяснительный прыжок непосредственно от уровня биологических механизмов к уровню социального поведения. При этом психологические механизмы, которые продуцируют поведение, игнорируются. Эволюционные психологи, напротив, считают психологические механизмы центральными для понимания человеческого поведения...»

Социобиологи рассматривают поведение, как призванное служить выполнению биологических функций,.. т.е. повышающее вероятность репрезентации генов данной особи в будущих поколениях. Например, социобиологи подходят к сексуальному поведению в терминах репродуктивной потребности или «компульсии воспроизвестись». Действительно, биологический результат — оставление потомства, но на психологическом уровне потребность обычно коренится в сексе самом по себе, а не в том, чтобы реплицировать наши гены. Мы делаем это, потому что нам это приятно»²³.

Подтверждением такого понимания источников репродуктивного поведения, которое и лежит в самом основании естественного отбора, является ситуация с контрацепцией: «Если механизм, который ведет к сексуально-

му поведению – желание воспроизвести себя, появление контрацепции привело бы к исчезновению сексуального интереса. Тем не менее, этого не происходит. Напротив, устранение удовольствия, производного от сексуального поведения, драматически уменьшило бы вероятность сексуального взаимодействия, даже если бы репродуктивная возможность осталась»²⁴.

Все эти выводы интересны не только сами по себе. На мой взгляд, они позволяют нащупать уязвимые места в понятии *репродуктивного поведения, как одного из механизмов естественного отбора, обеспечивающего эволюцию человека*. Эволюция человека – это, главным образом, эволюция его когнитивных способностей (поскольку биологически человек изменился мало, основной же акцент пришелся на его когнитивные средства и возможности, которые лежат в основе всей человеческой культуры и цивилизации). Поэтому, если нам удастся понять логику когнитивной эволюции, ее движущие силы и механизмы, мы сможем достаточно адекватно представить значительный отрезок эволюционной истории человека.

До этого я доказывала, что внутреннее противоречие лежит в основе логики обоснования эволюции когнитивных способностей путем ссылок на предпочтение особями противоположного пола тех носителей случайной благоприятной мутации, которые являются более когнитивно продвинутыми или социально лидирующими.

1.3. Парадоксы предпочтения фенотипии

Теперь я хочу показать, что даже понятие большей *внешней привлекательности* особи-носителя благоприятной мутации не так уж очевидно соотносится с традиционным пониманием отбора. На первый взгляд, здесь вообще не может возникнуть никаких сомнений. В отличие от ранее рассматривавшихся вариантов обоснования

эволюции когнитивных способностей, во *внешнем облике* генетическая мутация может выразиться сразу же. Поэтому совершенно естественной кажется идея предпочтения особи-носителя на основании специфики ее внешности (фенотипических признаков). А это, вроде бы, означает, что отбор по этому признаку не вызывает возражений.

Однако и здесь не все ясно. Обратим внимание на отмечаемое эволюционными психологами отличие их подхода от биологического: люди демонстрируют репродуктивное поведение не для того, чтобы обеспечить максимальную передачу их генов потомкам, а потому что «это приятно». Почему приятным может оказаться предпочтение особи-носителя адаптивно ценной мутации (причем устойчиво приятным, не только для данного, первого, носителя, но и для его потомков, в том случае, если они унаследуют от него благоприятную – в плане будущего формирования желательных когнитивных способностей – мутацию)? Иначе говоря, возможность объяснения будущих благоприятных качеств на основе фенотипической специфичности носителя мутации возможна только в том случае, если нам удастся найти основания, для того, чтобы обосновать устойчивое предпочтение носителя мутации (а также его потомков) особями противоположного пола.

Ведь что, фактически, означает, что особи противоположного пола устойчиво предпочитают определенную фенотипию? Это значит, что почему-то сексуальное взаимодействие с партнером *такой* внешности для них (причем устойчиво, не для отдельного персонажа, а для большинства), оказывается особенно желательным, особенно приятным. С чем это может быть связано? Как объяснить это устойчивое спонтанное предпочтение?

Если мы примем во внимание позицию эволюционной психологии в отношении причин, обуславливающих репродуктивный успех особи-носителя благоприятной

мутации, то вспомним, что речь идет об особом рисунке (дизайне, схеме) *психологических* механизмов, *делающих* ее в глазах других устойчиво привлекательной. Иначе говоря, в основе ее предпочтения особями противоположного пола — специфика психологических механизмов, обеспечивающих восприятие этой особи как исключительно привлекательной. Но сами психологические механизмы формируются как адаптации²⁵ к условиям среды, в которых находится данный вид.

Итак, ключевой вопрос проблемы естественного отбора как *условия формирования и развития когнитивных способностей, в моем понимании, следующий: как возможно устойчивое предпочтение особи-носителя благоприятной мутации на стадии, когда она еще не привела к оформлению будущего благоприятного свойства (признака)?*

Иными словами, ситуация такая: если мы предпочитаем рассматривать явления (в том числе и когнитивную эволюцию), как совершающиеся на собственной основе, без допущения вмешательства высших или неведомых сил в этот процесс, понятие естественного отбора совершенно необходимо. Именно оно позволяет определить такие механизмы, которые сами по себе, в соответствии с *логикой собственного функционирования*, приведут к тем результатам, объяснить которые нам было бы желательно. Эти механизмы — спонтанная лучшая приспособленность особи-носителя благоприятной мутации к условиям (вызовам) окружающей среды и спонтанная же предпочитаемость данной особи в сексуальных взаимодействиях, что, собственно говоря, и позволит ей оставить больше потомства.

Но здесь возникают определенные методологические трудности, которые обычно не фиксируются теми, кто использует это понятие в своих теоретических построениях. О том, каковы они в том случае, если мы непосредственно пытаемся увязать отбор и будущую *ког-*

нитивную успешность особи-носителя изначальной благоприятной мутации или же отбор через *социальную* успешность особи, я уже говорила.

Кажется, что наиболее прозрачный вариант – это отбор на основании *фенотипической* специфичности особи-носителя. Посмотрим, так ли это на самом деле.

Допустим, что среди представителей сообщества (популяции) появляется некая особь А, являющаяся носителем мутации Х. При этом случайная мутация Х такова, что изменяет фенотип особи и обуславливает появление определенного качества Р²⁶. В рамках традиционных представлений, относительно Р можно сказать, что оно влияет на качество жизни членов сообщества таким образом, что делает А более приспособленным к тем условиям, в которых живут представители данного вида. В результате А получает возможность лучше и дольше жить, оставляя больше потомства. Его потомство, унаследовав благоприятную мутацию, в свою очередь, станет лучше и дольше жить, оставив пропорционально большее число потомков и т.д. Так и происходит распространение качества Р в популяции в результате случайной мутации и давления естественного отбора.

На первый взгляд, это вполне логичное рассуждение. Однако так ли это на самом деле? Чтобы оставить большее число потомков, даже самый приспособленный представитель сообщества должен быть успешен в репродуктивном поведении. В противном случае даже хорошо питающийся и долго живущий член сообщества не сможет передать свои гены, включая случайную благоприятную мутацию, следующим поколениям. Действительно, лучшая приспособленность дает возможность оставить больше потомства. Но не будем забывать, что это возможность чисто потенциальная: ведь если бы по какой-то причине представители противоположного пола избегали особь-носителя ценной мутации в брачном взаимодействии, или случайная благоприятная (в

плане когнитивной эволюции) мутация отрицательно влияла бы на репродуктивные способности особи-носителя, ни о каком большем оставлении потомства и речи бы не могло идти. Значит, вопрос устойчивого спонтанного предпочтения особи-носителя благоприятной мутации в брачном поведении не снимается фактом ее, возможно, лучшей приспособленности самим по себе. Все равно необходимо принять во внимание психологические механизмы, которые обуславливают то обстоятельство, что благополучная (в плане будущих полезных свойств) особь окажется и репродуктивно более успешной. Иначе говоря, необходимо объяснить, как возможно, что особь-носитель ценной мутации, которая *впоследствии* приведет к формированию важных когнитивных особенностей, уже сегодня оказывается предпочитаемой в брачном взаимодействии лишь на основании своей фенотипической специфичности.

Аргумент, что отбор будет происходить за счет того, что те члены популяции, которые не являются носителями интересующей нас мутации (и соответственно, не обладают адаптивно ценным качеством Р) просто вымрут из-за своей неприспособленности, не кажется мне убедительным по двум причинам. Во-первых, маловероятно, что изменение фенотипии, последовавшее за случайной мутацией, было значительным. Вернее так: возможно, что отдельная мутация одновременно вызовет резкие изменения фенотипа, но чаще всего такие изменения оказываются неблагоприятными для особи-носителя, приводя к гибели организма, а не к его экологическому процветанию. Во-вторых, если бы эволюция происходила путем значительных изменений, то тогда мы имели бы очень быстрые процессы: одно радикальное изменение, предпочтение особи-носителя на этом основании, другое радикальное изменение, — и новое качество сформировано.

Но известно, что эволюция — это длительный процесс, растягивающийся на многие поколения, иной раз на тысячелетия. Значит, вероятнее всего, изменения, совершающиеся в результате изначальной мутации X незначительны и очень постепенны. Но если это так, то как может быть, что особь, отличающаяся от своих сородичей *незначительно*, получает *значительные* преимущества по сравнению с ними (и на этом основании предпочитается в брачном взаимодействии)? Аргумент, что не столько особь-носитель выигрывает, сколько «не носители» проигрывают, также сомнителен: если отличие несущественно, то почему проигрыш «не носителей» может быть так велик, чтобы послужить основанием для их вымирания?

Итак, вернемся к прежнему рассуждению. Пропорционально бóльшая успешность в репродуктивном поведении связана с устойчивым предпочтением особи-носителя благоприятной мутации в брачных взаимодействиях. Иначе говоря, представителям противоположного пола такая особь почему-то должна казаться особенно привлекательной, причем именно на основании внешних особенностей, поскольку именно о них мы сейчас говорим (вопрос с когнитивным и социальным превосходством рассматривался раньше). Но почему вдруг некая особенность внешности большинством членов сообщества устойчиво и спонтанно может восприниматься как особенно привлекательная?

Мне кажется, что устойчивое предпочтение, которое способно привести к эволюционному закреплению тенденции, возможно только в том случае, если буквально все члены сообщества (или, по крайней мере, большинство) спонтанно стремятся к тому, чтобы выбрать данную особь своим брачным партнером. Но с чего бы такое единодушное предпочтение возникло, если соотносительное преимущество в результате обладания качеством Р, получаемое особью-носителем (по сравне-

нию с ее непосредственным предком), невелико, а значит, и то экологическое преимущество, на которое делает упор стандартная интерпретация, незначительно?

Таким образом, складывается следующая ситуация: идея естественного отбора весьма полезна, поскольку позволяет объяснять эволюционные процессы на их собственной основе. В основании обсуждаемой формы отбора лежит более высокая репродуктивная привлекательность особи-носителя благоприятной мутации. Но что может обеспечивать эту устойчивую более высокую привлекательность? И вот здесь ключевой момент: это не может быть доминирующая успешность особи – ни когнитивная, ни социальная, ни фенотипическая, поскольку ее преимущество – по сравнению с непосредственными предшественниками (в соответствии с самой идеей эволюционных изменений) – не может быть подавляющим. Оно будет, если вообще будет, небольшим. Значит, должно быть какое-то другое основание для объяснения того, почему особь-носитель благоприятной мутации может *устойчиво предпочитаться* в брачных отношениях остальными членами сообщества.

Мне кажется, что можно предложить следующее объяснение. Устройство психологических механизмов, обеспечивающих эволюцию, таково, что особь, оказавшаяся носителем благоприятной мутации, которая *в будущем* (подчеркнем это!) может привести к формированию селективно ценных качеств, остальными членами сообщества *спонтанно воспринимается как сексуально привлекательная*.

Что может лежать в основе такого предпочтения? Это самый сложный вопрос. И сложность здесь заключается в том, что надо обосновать возможность предварительного знания, а точнее, ощущения, перспективных для данного вида путей развития. Причем сделать это надо *на рациональной основе*, иначе все преимущество использования понятия «естественный отбор», как объяснительной модели эволюции, будут утрачены.

Итак, как возможно спонтанное предощущение членами сообщества (особями данного вида), что та или иная фенотипически представленная у данной особи мутация является благоприятной для сообщества (вида) в целом²⁷?

Как мне кажется, для того, чтобы предложить рациональные обоснования такой возможности, надо постулировать, во-первых, что на каждом этапе эволюции структуры ее будущий оптимум уже представлен. И во-вторых, что во внешних параметрах (выражение лица, мимика, жесты, характерные позы, телодвижения, осанка, асимметрии лица и тела и т.п.) не только могут быть, но и действительно оказываются выраженными внутренние (психологические, мыслительные, эмоциональные) характеристики.

В этом плане интересны идеи, которые формулируются в рамках динамического структурализма. Это подход, который использует некоторые идеи синергетики, делая акцент на понятии «операциональной замкнутости» структур, поскольку именно наличие определенной замкнутости (прежде всего, организационной, структурной) обеспечивает возможность динамики в открытой нелинейной среде.

Представители этого направления пытаются выявить роль, которую играет замкнутость в объяснении возникновения, развития и эволюции структурно стабильных систем на разных уровнях организации – химическом, биохимическом, биологическом, психологическом и культурном²⁸.

В частности, они показывают, что наличие структуры свидетельствует о том, что «не все, что угодно, может происходить в середине океана поверхностных взаимодействий. Существует сердцевина стабильности, которая ограничивает и канализирует динамики, сердцевина, которая, более того, позволяет глобальным и осмысленным взаимодействиям осуществляться между системой и средой. Тождество динамически структурированных

систем не может быть определено только в терминах пертурбаций, ведущих к определенным и всегда изменяющимся рамкам активности. Напротив, тождество определяется в терминах результатов взаимодействия между структурой и изменениями. Иными словами, оно определяется в терминах взаимодействия между, с одной стороны, внутренней иерархической организацией и характерными для нее свойствами сцепления, и, с другой стороны, пертурбациями, которые влекут динамику системы, но сущность которых в равной мере зависит от структуры системы. Это та разновидность тождества, которая определяет рамки активности и ситуативную осмысленность пертурбаций для системы. Таким образом, структуры – не есть платоновские формы, в которые нам следует просто верить; это формы, внедренные на определенных уровнях, отмеченные историей и, в определенных пределах, склонные к изменениям»²⁹.

Идея представленности возможных вариантов будущего структуры на каждом этапе ее эволюции является одной из ключевых в синергетической картине мира: «В нелинейной среде (системе) скрыт, предсуществует как непроявленное спектр «целей» развития, будущих возможных структур. Отнюдь не любой произвольный путь эволюции может быть реализован в данной среде, а только определенный набор путей эволюции. И этот набор «целей», или спектр структур-аттракторов эволюции, определяется исключительно внутренними, собственными свойствами открытой нелинейной среды (системы). Это – «молчаливое знание» самой среды... Система строится из будущего. Элементы настоящего довольно жестко выстраиваются в соответствии с определенным грядущим порядком... Сегодняшнее положение дел конструируется из будущего и посредством него»³⁰.

Эти идеи, на мой взгляд, проясняют, как возможно, что эволюционный оптимум представлен в каждом данном варианте реализации структуры. А это, в свою оче-

редь, позволяет понять, что у членов сообщества *действительно* может существовать неосознаваемое ими спонтанное предощущение движения данной конкретной структуры (конкретного носителя благоприятной мутации) в направлении видового оптимума.

Средством распознавания динамики к эволюционному оптимуму могут служить фенотипические признаки. Ведь известно, что внутренние, сущностные, глубинные параметры находят выражение во внешних формах³¹.

Проекция ментальных характеристик на фенотипические параметры человека имеет в своей основе следующий механизм: рождаясь, ребенок еще не обладает сформированным психическим аппаратом, и первое время его взаимодействие с миром осуществляется исключительно посредством тела. Психика ребенка формируется на базе и под влиянием его первичного телесного опыта. Таким образом, уже на первых этапах развития человека как личности ярко проявляется связь внутреннего и внешнего, тела и психики. Затем в процессе дальнейшего роста, развития, социализации, у индивида создаются устойчивые паттерны реагирования. Формируясь на ментальном уровне, они выражаются в поведении, в двигательной, мышечной активности³².

Поскольку однотипная часто повторяющаяся реакция затрагивает определенную группу мышц, мышечный аппарат человека развивается неравномерно: некоторые участки тела находятся в постоянном напряжении, другие, наоборот, имеют пониженный тонус. Костная структура человека развивается до 25 лет, да и после этого она способна изменяться. В процессе роста индивида мышечные контрактуры, связанные с устойчивыми паттернами поведения, вызывают деформацию костной ткани, таким образом, формируя, помимо генетических предпосылок, индивидуальность человека на уровне его скелета, а также мышечного каркаса³³.

Мы видим, что неразрывная связь между телом, внешностью человека, и его психологическими характеристиками — не вымысел. Все это говорит о том, что во внешнем облике *действительно* представлены внутренние (психологические и ментальные) особенности личности. И если психологические механизмы сформированы таким образом, что внешность особи-носителя благоприятной мутации устойчиво воспринимается как особенно привлекательная, действительно возможно, что в ходе отбора на основании фенотипических признаков будут отбираться ценные когнитивные качества.

Итак, если сформулировать проблему, касающуюся идеи естественного отбора в общем виде, то можно сказать следующее: необходимо понять, каковы были параметры среды (в историческом, психологическом, ситуационном выражении), обусловившие такой рисунок (схему, дизайн) психологических механизмов, который делает носителя фенотипии, соответствующей благоприятной мутации, привлекательным для членов сообщества? Это возможно в том случае, если удастся выявить: а) *параметры среды*, в качестве адаптации к которым формировались психологические аспекты репродуктивного поведения человека; б) *за счет чего* психологические механизмы делают *особенно привлекательным* сексуальный контакт с носителем *благоприятной* мутации; в) как члены сообщества *по фенотипическим* признакам *распознают* носителя такой мутации, если сама мутация имеет отношение к *будущему когнитивному свойству*.

Как видим, каждый из этих вопросов представляет собой отдельную полноценную программу исследования. Я сознаю ограниченность своих возможностей, поэтому даже не буду пытаться детально анализировать их. Тем более, что для цели моего исследования в данном случае важно другое. А именно: а) что задача объяснения эволюции человека (в том числе и когнитивной) на основании *традиционного подхода* мало реалистична из-за противо-

речивости аргументации и целого ряда неясностей; и б) что возможность решения проблемы связана с анализом зависимостей, лежащих в основе *понимания человеком мира, себя и своих отношений с миром*.

Вариант решения первой задачи может быть получен в рамках формулируемой в монографии модели эволюции, которую я называю «объемной».

В качестве варианта решения второй задачи я предлагаю анализ внутренней природы человека, того, каким был его психологический (ментальный) статус на ранних этапах эволюции, как он менялся по мере трансформации глубинной природы человека, как на этой основе возникали и эволюционировали его когнитивные способности. В том числе и способность сознания.

2. ГРЕХОПАДЕНИЕ В ФИЛОГЕНЕТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Итак, я попытаюсь приступить к анализу логики *формирования* человека как вида, его эволюции и развития у него тех *когнитивных способностей*, с которыми сегодня мы связываем представление о человеческой культуре. В частности, способности *сознания* и базирующихся на нем средств и стратегий мышления. Но поскольку все это – вопросы, корни которых в необозримо отдаленных временах человеческой истории, невозможно избежать формулирования гипотез, создания мыслительных реконструкций и объяснительных моделей. Что же может служить базисом для подобного рода реконструкций и моделей?

Как я отмечала во Введении, для решения проблем высокой степени абстрактности и общности я собираюсь привлекать материал символического характера. Я делаю это, так как полагаю, что в символических сакральных текстах нам рассказывают не поучительные сказки, а пытаются донести до нас какую-то *жизненно важную информацию*, имеющую отношение к *глубинным аспектам* человеческой истории. В частности, мне думается, что миф о сотворении человека, его грехопадении и изгнании из Рая в символической форме репрезентирует значимые аспекты картины эволюции *человека как вида* в те отдаленные времена, о которых мы очень слабо освещ-

домлены. Причем библейское описание особенно ценно в том плане, что, на мой взгляд, позволяет сделать некоторые предположения не только о природе происшедших с человеком процессов, но и динамике его *мыслительных* возможностей, а также о причинах, лежавших в основе *такого* течения эволюционных процессов.

Вот почему в некоторых важных случаях *отталкиваться я буду от символических текстов*, а дальше для *подтверждения* предлагаемых в книге моделей и реконструкций буду использовать данные самых разных дисциплин.

Основным для меня в этом плане оказывается *миф о грехопадении*, который, как представляется, и выражает в символической форме тот важнейший этап человеческой истории, когда с человеком произошла внутренняя трансформация, *изменившая* направление эволюции вида (а можно сказать «*обусловившая* направление эволюции», — это зависит от общей оценки происшедшего. Тем не менее, сами процессы, по-моему, в библейской традиции представлены вполне отчетливо.).

Но сначала необходимо некоторое внимание уделить анализу специфики отношений человека и мира на ранних этапах эволюционного развития.

2.1. Реликтовое мироощущение

Гармония, в моем представлении, — это состояние, когда одно и то же действие приносит удовольствие и А, и В, где А и В составляют целое.

На ранних этапах эволюции человек находился в гармонии с миром. Он имел *средства* для *распознавания* (проживания в себе) процессов, происходивших в мире. Его *энергетическое функционирование* было оптимальным: он имел заряда и разрядки столько и тогда, сколько и когда испытывал в этом потребность³⁴. При этом от него

не требовалось усилий для обеспечения такого режима³⁵, поскольку, по определению³⁶, отношения с миром регулировались *ощущением* удовольствия³⁷.

В результате чего происходит разрыв подобного рода взаимоотношений?

Если исключить вмешательство извне (т.е. исходить из логики развития процессов на собственной основе), то отказ от гармоничных отношений может проистекать только из логики развития самих же этих отношений. Иначе говоря, по той причине, что в ходе их эволюции накапливалось нечто, что на определенном этапе развития привело к трансформации одного из составляющих единства (а может быть, и обоих) и тем самым разрушило их гармонию.

Что это была за сила и в результате какой эволюции отношений человека и мира она возникла и накопилась? Рассмотрим некоторые параметры, связанные с функционированием *энергетической системы* человека, которая является *базисной* для его отношений с миром.

Именно эта система, и в частности, меридианы движения энергии в теле, на мой взгляд, обеспечивает инструмент для «чувствования-проживания-в-себе» мира человеком.

Говоря о меридианах (каналах) движения энергии, я имею в виду представления, сложившиеся на этот счет *в китайской традиции*, где вопросы циркуляции энергии (*ци*), ее природы, разных ее вариантов (иньская и янская ци, ци огня и воды, небесная и земная ци и т.п.), а также форм управления этими энергиями и связанными с ними процессами, являются ключевыми и хорошо разработанными.

В основе китайских представлений о природе человека лежит концепция жизненной энергии — ци («чи», «ки» в разных транскрипциях). О ней можно говорить много, но сама она мало доступна непосредственному восприятию. Лишь в определенных условиях неподготовленный человек способен ощутить циркуляцию этой энергии. В целом же мы ее не замечаем, хотя постоянно

сталкиваемся с последствиями ее благополучного или затрудненного функционирования. Иногда ци уподобляют жидкости: она *течет* по каналам, *омывая* все внутренние органы и ткани человека. Иногда ее сравнивают с электрическим (биологическим) *током*: разность потенциалов — необходимое условие динамики ци. Иногда ее рассматривают как *магнитную силу*, образующуюся в человеческом организме³⁸. Но в любом случае важно знать, что это живая и животворящая субстанция, не тождественная ни крови, ни нервной энергии, и циркулирующая по собственным каналам, не совпадающим ни с кровеносной, ни с нервной, ни с лимфатической системами. Эти каналы называют меридианами, на них расположены биологически активные точки, воздействуя на которые мы получаем возможность влиять на внутренние органы и на процессы перераспределения ци в организме.

Меридианы имеют наименования: «канал почек», «канал печени», «канал сердца» и т.п. Это не значит, что там всего лишь один орган. Просто упоминаемый в названии орган рассматривается как определяющий для данного меридиана, на самом деле проходящего по всему телу и связывающего между собой участки самых разных отделов: головы, рук, ног, туловища, лица.

Ци имеет как бы две разновидности — *инь* и *ян*. На концепции инь-ян нет смысла останавливаться — в настоящее время она широко известна. Упомяну лишь, что упрощенным является широко распространенное убеждение, что нечто является раз и навсегда иньским или янским. Одно и то же может быть инь или ян в зависимости от того, по отношению к чему рассматривается³⁹.

В каждом предмете, явлении, процессе представлено как иньское, так и янское начало. Когда инь достигает своего максимума, начинает нарастать ян и наоборот. И если из всего многообразия связей с объектом или миром мы отобрали только иньское (янское) начало, то можем не сомневаться, что в определенный момент неизбежно

столкнемся с игнорировавшейся ранее стороной. Поэтому обычная стратегия человека выбирать в окружающем его мире то, что ему удобно, выгодно, приятно, обязательно поставит его лицом к лицу именно с теми аспектами, которых он до недавнего времени успешно избегал. Причем, чем большей была ориентация на один из аспектов, тем плотнее затем придется соприкоснуться с другим. В связи с этим в даосской традиции рекомендуется принимать происходящее в его целостности, включающей как те моменты, которые человек оценивает как позитивные, так и те, которые кажутся ему негативными.

Китайские внутренние техники позволяют решать задачи саморегуляции комплексно. Работая со своей энергией, человек учится, во-первых, ощущать ее, во-вторых, — разумно распоряжаться ею, не только не нанося себе вреда, но и создавая условия, в которых организм мог бы успешно развиваться и гармонично взаимодействовать с миром.

Почему я думаю, что у человека роль инструмента, позволяющего глубинно воспринимать мир, постигать происходящее в нем, как «в-самом-человеке-совершающееся», играет именно энергетическая система?

Во-первых, система подобного взаимодействия *не могла не существовать*. Она была обязательно, т.к. иначе человек *не мог бы жить* в мире на ранних этапах эволюции, когда тип сознания, характерный для современного человека, и основанные на нем средства еще не сформировались. Во-вторых, подобного рода инструмент взаимодействия-проживания мира вряд ли бесследно исчез. Скорее, он был «законсервирован»: т.е. активно в настоящее время не используется, но возможность его использования в особых случаях или в особых состояниях сохраняется⁴⁰. И, наконец, еще один аргумент: в соответствии с бритвой Оккама, не следует изобретать такую систему, а лучше поискать среди известных на сегодняшний день.

Итак, я полагаю, что *глубинной основой раннереликтового взаимодействия человека с миром выступала его энергетическая система*, т.е. система каналов (меридианов), по которым движется энергия, известная как ци у китайцев, прана у индусов, мана в некоторых других культурах (например, у аборигенов Австралии)⁴¹. Именно она, на мой взгляд, обуславливает некоторые особенности восприятия представителей сегодняшних примитивных культур (например, бушменов⁴²), левшей при некоторых патологиях мозга⁴³, людей, сознание которых по тем или иным причинам молчит⁴⁴, а также тех, кого сегодня принято называть экстрасенсами.

Так что же мы можем сказать о том, каким было мировосприятие человека на ранних стадиях эволюции?

На первый взгляд, это вопрос, дающий большой простор для произвольных истолкований. Однако это не совсем верно. Некоторые предположения могут быть сделаны на основании данных, которыми различные отрасли научного знания располагают сегодня. Например, изучение поведения животных позволяет понять, какие формы восприятия присутствуют уже на *до-человеческих* стадиях эволюции и, значит, не являются чем-то исключительным и неправдоподобным. Разумеется, мы не будем рассматривать *все* формы поведенческой и познавательной активности животных. Нас будут интересовать лишь те из них, которые могут помочь в понимании особенностей восприятия, зафиксированных у ныне живущих представителей примитивных этносов и не наблюдаемых в обычных условиях у современного человека технократической культуры.

Например, бушмены способны получать информацию иными путями и раньше, чем это становится доступным западному человеку. Так, один бушмен узнал, что к нему в гости должен прийти отец, а из соседней деревни возвращается жена, не прибегая к информации других, а также не видя и не слыша этого (т.е. без помощи

обычных органов чувств и не через третьи руки). В первом случае это знание явилось следствием того, что он ощутил в своем теле боль от старой раны отца, а во втором — почувствовал, как в его плечи впились ремни, на которых жена несет за спиной ребенка. Еще не видя антилопы, бушмен может правильно определить, что она появится в таком-то месте и что он ее убьет, т.к. у него возникает ощущение, что он тащит на спине тушу антилопы, и по его ногам стекает теплая кровь, собираясь во впадинках под коленками⁴⁵.

Как видим, источником своего рода «пред-знания» человека в этих случаях выступает ощущение происходящего как *в-нем-самом-совершающегося*. И интересно, что сами бушмены не рассматривают эту способность предзнания (заметим: предзнания по отношению к *нашей* способности получать информацию о мире), основанного на таком вчувствовании во внутренний мир другого, как сверхъестественную. Напротив, они не видят в ней ничего удивительного, утверждая, что если бы ее не было, они бы просто не выжили⁴⁶.

Взаимодействие человека технократической культуры с миром таково, что подобного рода возможности кажутся нам мистическими. Однако данные о поведении животных, возможно, позволят нам взглянуть на вещи более широко. У животных к таким формам «экстрасенсорного» восприятия могут быть отнесены электрическое чувство угря⁴⁷, боковые линии у рыб, позволяющие контролировать направление и плоскость движения, люминесценция глубоководных обитателей (как единственно доступный практически в полной темноте способ коммуникации), чувствительность к направлению движения (миграции у некоторых видов животных и птиц), синхронные действия некоторых видов гусениц и рыб (движение «как по команде»), эхолокация и многое другое. Как соотносятся все эти данные с современной картиной мира?

Известно, что мир, с которым человек сталкивается в повседневной жизни, — это мир средних размерностей. Соответственно, органы чувств человека адаптированы к восприятию именно этих диапазонов. Так, он видит в интервале, лежащем между ультрафиолетовым и инфракрасным излучением. Но пчелы, например, обладают способностью воспринимать в ультрафиолетовом диапазоне (поэтому цветок, каким его видит человек, будет отличаться от того, каким его видит пчела). Это позволяет им безошибочно находить нектар. Зато красный и черный цветок будум для них неразличимы.

Верхний предел частоты восприятия человеческого уха в среднем составляет 14000 колебаний в секунду. А летучие мыши издают и слышат звуки с частотой до 100000 колебаний (ультразвуковой диапазон). Поэтому, наблюдая за их охотой на бабочек летним вечером, мы будем наслаждаться тишиной. На самом же деле, в это время воздух пронизан пронзительными очень короткими криками, продолжительностью менее сотой доли секунды, мощность которых такова, что если бы мы могли их слышать, то воспринимали как звук двигателей реактивного истребителя с близкого расстояния. Долгое время было не известно, что летучие мыши издают подобные звуки. Но и сейчас, хотя установлено, что их звукоизлучающий аппарат включает уши, рот, а у некоторых видов и нос (блокировка любого из этих органов приводит к тому, что животное теряет способность ориентации), тем не менее, остается тайной, как именно уши и мозг летучих мышей обрабатывают поступающую звуковую информацию⁴⁸.

Мы оцениваем восприятие *других* (будь то люди или животные), как экстрасенсорное или обычное, всего лишь в зависимости от того, что характерно *для нас*. Но, как справедливо отмечает Тинберген, все животные — от низших на эволюционной лестнице до высших, — хотя и живут в одном мире, но «можно сказать, что они живут в разных мирах, т.к. каждое животное лучше воспринима-

ет ту часть окружения, которая помогает ему процветать... Мир выглядит для нас таким, каким позволяють увидеть его наши органы чувств. Восприятие разных животных не одинаково, т.к. диапазоны чувствительности их органов чувств различны»⁴⁹.

Известно, что угорь, защищаясь или атакуя, производит мощный электрический разряд (в лабораторных условиях он зажигает одновременно более 200 неоновых ламп). Однако лишь недавно электрический орган угря стали рассматривать как крайнее выражение гораздо более распространенных электрических органов, «играющих роль своеобразных органов чувств. Они создают очень слабые электрические токи, используемые для обнаружения препятствий и добычи. Другими словами, «шестое чувство» таких рыб – это очень высокая чувствительность к электрическому полю.

Любопытна в этом отношении африканская пресноводная рыба нильский гимнарх, на хвосте которой находится ряд мышц, утерявших способность сокращаться. Вместо этого они испускают непрерывный поток слабых электрических разрядов с частотой приблизительно 300 импульсов в секунду. Во время разряда хвост на мгновение становится по отношению к голове рыбы заряженным отрицательно. Таким образом рыба создает в окружающем пространстве электрическое поле и ощущает слабые искажения его. Органы чувств сосредоточены в голове и вблизи от нее и представляют собой поры в толстой коже (сама кожа электричества не проводит). Поры ведут в каналы, наполненные желеобразным веществом. Дно каналов выстлано группами чувствительных клеток, которые связаны нервными волокнами с мозгом. Такую рыбу можно приучить отличать тело, не проводящее тока, например, подвешенный в воде кусок стекла, от проводящего, но той же формы (например, пористой трубки, наполненной раствором соли или кислотой). Тела по-разному искажают электрическое поле,

и рыба *поверхностью тела* (курсив мой. — *И.Б.*) ощущает эти искажения. Физиологический принцип действия таких органов чувств еще совершенно неизвестен, но уже четко доказана их высокая чувствительность»⁵⁰. Некоторые морские животные реагируют на слабые различия в степени солености воды, другие — влажности воздуха. Многие низшие морские животные, по-видимому, отличают весенние приливы от всех прочих, т.к. только в это время откладывают икру, или же приливы в новолуние от приливов в полнолуние. Как они это делают, пока совершенно не ясно.

Итак, что же можно сказать относительно ощущений, которые выходят за пределы возможностей известных нам органов чувств, на основании имеющихся сегодня данных об особенностях поведения животных? Вот что пишет об этом Н.Тинберген: «Это так называемое экстрасенсорное (внечувственное) восприятие — явление, не ясное по многим причинам, и прежде всего из-за нечеткости терминологии. Если определить орган чувств как нечто, поставляющее животному информацию о внешнем мире, то тогда никакого внечувственного восприятия не может быть. С другой стороны, если этот термин применять к процессам, нам еще не известным, то тут следует сказать о широком распространении среди живых существ экстрасенсорного восприятия. Фактически, эхолокация летучих мышей, функции боковой линии рыб и способ, которым электрические рыбы обнаруживают добычу, основаны на процессах, о которых мы ничего не знали, и которые, следовательно, были в этом смысле «внечувственными» всего 25 лет назад»⁵¹.

Кроме того, что животные демонстрируют способность воспринимать информацию в ином по отношению к возможности человека диапазоне или с иной интенсивностью (например, нюх собаки намного тоньше нашего обоняния, а зрение орла острее, чем наше), интересно еще и другое: в животном мире мы встречаемся с форма-

ми восприятия и органами чувств, вообще нетипичными для человека (или, по крайней мере, такими, относительно которых не известно, что они присущи и человеку).

Итак, можно сказать следующее: то, что у современного человека установлены и изучены традиционные органы чувств (зрение, слух, вкус, обоняние, осязание), — еще не основание для того, чтобы считать, что другими каналами поступления информации он не располагает. Животный мир демонстрирует гигантское разнообразие неизвестных нам ранее форм восприятия и ощущения. И даже если многие из них не представлены у человека, *в принципе* они возможны. И то, что современная наука пока не понимает, как они организованы и функционируют, вовсе не порочит их и не служит основанием для их отвержения.

Я не буду гадать, какие именно каналы поступления информации функционировали на ранних стадиях филогенеза. Важно, что они, вероятнее всего, существовали и обеспечивали особый тип мироощущения и мировосприятия. Чтобы как-то говорить о них, я назову их, условно, кожным чувством. Почему именно так? Во-первых, на мой взгляд, это реликтовое ощущение-чувствование было слабо дифференцированным, обеспечивая мгновенную и целостную реакцию организма на изменение значимых для выживания параметров среды. А кожа — это как раз та структура, которая находится на границе соприкосновения человека с миром (вспомним, что уже у животных известны такие формы ощущений, которые иначе, чем «чувствование всем телом» не назовешь — например, нильский гимнарх). Во-вторых, в языке до сих пор сохранились многочисленные выражения, в которых отражена особая роль кожного ощущения (причем не в плане осязания, а как некой слитой комплексной характеристики): «всем телом почувствовать», «кожей ощутить опасность», «затылком (спиной) почувствовать чей-то пристальный взгляд» и др. И поскольку человек очень

буквален и точен в выражении своих ощущений⁵² (хотя внешне мы воспринимаем многое как иносказание), постольку, вполне возможно, за этими метафорами стоит нечто вполне реальное.

Почему происходит разрыв человека и мира?

В процессе их раннеэволюционного гармоничного взаимодействия человеку весьма комфортно⁵³ и, скорее всего, преднамеренно он ничего и не стал бы менять. Но все происходит независимо от его воли и желания: просто поначалу дремлющий разум все время копит информацию и впечатления. В какой-то момент количество накопленного опыта переходит в качество новых возможностей, мозг просыпается и берет управление всем на себя. Такая возможность уже подготовлена предыдущим развитием человека: через нервную систему мозг информирован обо всех процессах в организме, связан со всеми структурами.

Функция самосознания-самоконтроля автоматически разрушает целостность чувствования-вживания⁵⁴. Поэтому, как только рождается самосознание, неотделимое от самоконтроля, разрушается прежний способ взаимодействия с миром. Рождение одного равносильно уничтожению другого. Или: рождение одного *и есть* уничтожение другого. Это взаимоисключающие режимы функционирования.

Однако «уничтожение» не значит, что утрачивается *способность* к реликтовому взаимодействию с миром. Это означает лишь, что разрушается прежний *способ существования в мире*, бытия в мире. И ему на смену приходит другой, тот, с которым мы имеем дело сегодня.

Итак, возникновение самосознания-самоконтроля — вот ключевое событие, переводящее стрелку эволюции на новый путь. Но как и почему появляется новая для человека способность? Чтобы ответить на этот вопрос, мы должны сначала попытаться понять природу

человеческого сознания, от каких взаимодействий оно производно, на каком этапе возникает и какими естественными причинами обусловлено его формирование?

2.2. Формирование человека как вида на уровне универсальных сил

Прежде всего, необходимо оговориться, что, используя термин «сознание», мы вынуждены говорить о двух разных, хотя и взаимосвязанных вещах: 1) сознание как *универсальная сила*, участвующая в формировании человека как вида⁵⁵, и 2) сознание как *специфически человеческая способность*.

Я сознаю, что такое пересечение терминологии затрудняет обсуждение проблемы, но изобретать новые термины мне тоже не кажется правильным. Поэтому там, где эти вопросы обсуждаются параллельно, я буду уточнять, какое из пониманий подразумевается в каждом конкретном случае.

На мой взгляд, не вполне верно убеждение, что в процессе эволюции материальных форм усложняется сознание (или же появляется сознание, тогда как раньше была лишь психика). Не происходит развития сознания в том виде, как иногда считают: поскольку амеба имеет одни возможности, червь — другие, обезьяна — третьи, то нарастание возможностей — свидетельство эволюции сознания. На самом деле это и так, и не так. Не так, потому что для каждого из эволюционирующих видов представленность разных форм проявления сознания *максимальна из возможных для данного уровня организации*. В этом смысле, эволюции сознания нет: оно имеет *высшие* (по отношению к потенциально возможным для данной формы организации материи) уровни реализации у каждого вида. Оно все время максимально выражено.

И в то же время эволюция сознания есть, поскольку спектр возможностей взаимодействия организма с миром увеличивается. Поэтому правильнее всего сказать так: усложняются и дифференцируются способности, которые в рамках современной научной парадигмы мы относим к категории «сознание» (внимание, научение, память), но не эволюционирует сознание, *как универсальная сила*, которое всегда, в любой живой структуре имеет высшую степень представленности, потенциально возможную для данной структуры (для данного вида организмов).

Результат действия универсальных сил — найденная структура-оптимум — в равной степени совершенна и в мире форм (идей, образцов), и в материальном (физическом) мире в обеих своих составляющих: телесной и психической.

Кстати, наше неполное принятие принципа единства души и тела проявляется и в этом: никому не придет в голову утверждать, что тело человека более совершенно, чем, допустим, тело орла или дельфина. Все понимают, что каждый из этих видов живых существ занимает свою нишу и по отношению к условиям собственной среды обитания тело их совершенно. Но в том, что касается сознания, мы так не думаем. Напротив, человек убежден, что именно его психика — вершина творения, остальное — лишь ступени к вершине пирамиды, которую он гордо занимает. А ведь если отказаться от дуализма души и тела, то и в отношении сознания мы должны допустить, что и оно совершенно на каждом этапе эволюционного процесса.

Еще один важный момент. Увеличение возможностей взаимодействия организма с миром, на мой взгляд, происходит не так, как мы обычно себе представляем: в процессе приспособления к каким-то новым условиям развиваются новые способности, или же (в терминах гипотезы преадаптации) — некая способность возникает как побочный продукт какого-то процесса, а затем мо-

жет быть использована для других целей. Чтобы понять, как происходит «эволюция сознания», что представляет собой «эволюция сознания», нужно по-настоящему принять положения, что душа и тело — *два разных уровня проявления одного и того же*, условно говоря, «две стороны одного листа бумаги». Чего «одного и того же»? Я думаю, энергетических процессов, протекающих в человеке. А они, в свою очередь, представляют собой форму воплощения в материальном мире параметров универсальных сил, творящих человека на уровне замыслов, энергии. Хочу обратить внимание: выражение «универсальные силы» я использую как метафорическое. Оно символически репрезентирует разного типа динамики жизненных процессов, имеющих место, как в природе, так и в человеке. Например, универсальная сила «дерево» будет репрезентировать такие параметры процессов: рождение и рост, гибкость; «земля» — плодородие, питание и превращение; «вода» — текучесть, холод, способность к движению назад. Вот как об этом говорится в древнем трактате «Щуцзин»: «Постоянная природа воды — быть мокрой и течь вниз; постоянная природа дерева — поддаваться сгибанию и выпрямляться; постоянная природа огня — гореть и подниматься вверх; постоянная природа земли — принимать посев и давать урожай; постоянная природа металла — подчиняться внешнему воздействию и выпрямляться»⁵⁶.

2.3. Логика формирования видов

Итак, усложняется и дифференцируется взаимодействие универсальных сил, участвующих в создании каждого нового вида живых организмов, осуществляемое не на уровне физического мира. Условно можно сказать, что процесс творения длится столько времени, сколько требуется для получения устойчивой, жизнеспособной структуры, своего рода структуры-оптимума.

Момент нахождения такой структуры (выхода на такую структуру) в Библии, как мне кажется, символически представлен выражением: «И увидел Бог, что это хорошо». Причем интересно, что подобное выражение используется только для характеристики творения *живых* существ. Создание стихий не сопровождается такой фразой. Может быть потому, что в сотворении тверди, воды, неба, земли участвует только одна какая-то стихия (универсальная сила), и она, естественно, совершенна. И лишь тогда, когда универсальные силы начинают *взаимодействовать, сочетаться* для формирования каких-то неоднородных структур, возникает потребность поиска наилучшего, наиболее жизнеспособного варианта. И только в момент выхода на структуру-оптимум сотворенное обретает проявленность в физическом мире. Интересный момент. Я полагаю, что процесс творения новой структуры (уровень универсальных сил) в материальном мире не сопровождается какими-либо доступными восприятию человека событиями. Игра сил, подготавливающих рождение нового, не имеет проявленности в физическом мире. Только *момент выхода* на жизнеспособную структуру, т.е. *достижение конечного* продукта, манифестируется в физическом мире. Но зато потом мистерия сотворения новой формы в свернутом виде воспроизводится в процессе индивидуального рождения *каждого существа* этой формы. Иначе говоря: процесс рождения нового вида живых существ, т.е. последовательность и пропорции взаимодействия универсальных сил, в физическом мире будут представлены (в ключевых моментах) в формировании и рождении каждого нового существа этого вида. Применительно к человеку это будет выглядеть так: взаимодействие универсальных сил в ходе создания человека как вида (какие силы включаются в процесс, в какой последовательности, на какой стадии и др.) репрезентировано *в эмбриогенезе* (какие структуры организма формируются в первую очередь,

какие развиваются на их основе, как они взаимодействуют и т.п.), но *ни в коем случае не* в неких «промежуточных формах» между разными видами живых существ (допустим, человеком и обезьяной), в которых эволюция, как иногда говорят, «отыскивает» оптимальные формы будущих новых видов.

Итак, энергетическая структура, найденная на уровне замысла (уровень действия универсальных сил), в нашем, физическом, мире предстает, является нам уже автоматически облеченной в материал, характерный для нашего мира (то, что мы называем веществом). Здесь важно обратить внимание: *не требуется никаких дополнительных усилий, никаких дополнительных действий по воплощению получившегося на уровне универсальных сил (на уровне замысла) в физическом мире.* Достижение совершенной (жизнеспособной) структуры в мире универсальных сил в физическом мире как раз и *предстает* как возникновение нового вида живых существ.

Иначе говоря, то, что формируется на уровне замысла (на уровне универсальных сил), и то, с чем мы повседневно сталкиваемся в нашем физическом мире, — *это одно и то же*: не фигурально, не метафорически, не в том смысле, что первое является прообразом, прототипом второго (т.е. по логике происхождения). Это *буквально* одно и то же, одна и та же сущность. Но в первом случае в том виде, как она явлена в мире форм (универсальных сил, замыслов, сакральных образцов — назовите как угодно), во втором — как она явлена в физическом мире.

Поскольку это два разных мира, причем первый обычно именуют «тонким», «духовным», а второй — «грубым», «физическим», то и формы воплощения (проявленности) в них разные. Первые обычно называют «идеями», «образцами», «структурами», а вторые — вещами, предметами, хотя по природе своей, как я уже сказала, эти конструкты — *совершенно одно и то же.*

Понятно, где корни такого представления: человек интуитивно ощущает различие, условно говоря, «в степени жизненности» того, что он может потрогать руками, и того, что можно лишь помыслить, вообразить, представить себе. Поэтому он их и наделяет разной степенью «наполненности жизнью», оценивая одни как реальные, другие как воображаемые, иллюзорные, гипотетические (в зависимости от мирозерцания каждого конкретного индивида). На самом же деле *реальны и те, и другие*, и еще не известно, какие в большей степени. Просто миры их функционирования различны, и, соответственно, различны формы их воплощения в этих мирах. Скажем так: на уровне действия универсальных сил любая структура-оптимум *столь же материальна*, как для нас ее воплощение в веществе нашего физического мира. Просто субстанции этих миров различны.

Итак, то, что мы в нашем физическом мире воспринимаем как *новый вид существ*, — это структура универсального мира, которая была получена в процессе взаимодействия универсальных сил и оказалась устойчивой и жизнеспособной. И именно вследствие этого проявилась в физическом мире. Совершающийся в энергетическом мире выход на структуру-оптимум в физическом — предстает как рождение нового *вида* живых существ, телесные и психические параметры которого представляют собой *воплощение качеств структуры-оптимума* в субстанции нашего мира.

Теперь возникает вопрос о природе субстанции, которая служит веществом энергетического мира и мира человека.

Если учитывать те представления, которые сложились в самых разных традициях, осмысливающих трансцендентные вопросы, то есть все основания предполагать, что «*материей*», *веществом энергетического мира является универсальная сила «сознание»*. На это прямо указывают и разные эзотерические учения, и мифологические сюжеты, где

мир предстает творимым из мысли, замысла Творца. Какова природа этой универсальной силы мы, вероятно все-го, не сможем определить, поскольку человеческое мышление ограничено не только в плане своих возможностей, но и в плане выразительных средств, находящихся в распоряжении человека. И язык, и мышление дуальны, а универсальное сознание, судя по эзотерическим учениям, имеет базисную характеристику *недвойственности*. Поэтому оно *в принципе* не может быть адекватно представлено с опорой на когнитивные возможности человека.

Указывают, что оно может быть *пережито* как составная часть внутреннего личностного опыта каждого отдельного человека⁵⁷. Но такое указание, хотя и является очень ценным, оставляет много вопросов открытыми. Например: почему человеческая природа такова, что трансцендентные вещи могут *переживаться*, но не могут *умопостигаться*? Почему такой опыт внутреннего переживания (несмотря на свою принципиальную возможность) в настоящее время оказался доступен лишь очень немногим, специально подготавливающим себя людям, или людям, находящимся в пограничных ситуациях или в измененных состояниях сознания? Обладали ли когда-либо ранее люди способностью спонтанно, устойчиво и на регулярной основе взаимодействовать с этим миром универсального сознания и если да, то что должно было произойти, чтобы они эту способность утратили?

Понятно, что все эти вопросы имеют отношение к пониманию природы сознания человека, поэтому в той или иной степени я попытаюсь их затронуть позднее. Хочу обратить внимание: я не предполагаю анализировать *природу универсальной силы «сознание»*, составляющей «материю», «вещество» тонкого мира (я попыталась объяснить, почему это сделать невозможно). Я попробую предложить варианты ответов на те вопросы, которые непосредственно касаются *сознания человека*, т.е. той субстанции, которая дана нам в нашем мире.

2.4. Объемная модель эволюции

Итак, на мой взгляд, ни эволюции материи, ни эволюции сознания не происходит в том виде, как это обычно считают (например, такая вера выражается в поисках «промежуточных видов» между обезьяной и человеком). Я же полагаю, что «промежуточных видов» для *некоторых этапов эволюции* (а именно тогда, когда создаются принципиально новые формы), просто не существует. Поясню, что я имею в виду.

Об эволюции, как и о сознании, мы также можем говорить в двух смыслах. Эволюцией мы назовем и *возникновение принципиально новых видов* живых существ, и *видоизменение старых*, уже существующих (даже если оно является принципиальным, в прежней терминологии, «революционным»).

Эволюция (в том, что касается появления *новых* видов живых существ), как представляется, имеет место на уровне действия *универсальных сил*. Именно там отыскиваются жизнеспособные комбинации. Эволюция во втором смысле, безусловно, осуществляется на уровне физического мира, и именно она, на мой взгляд, является сферой приложения идей естественного отбора.

Итак, то, что мы обычно рассматриваем как подлинную, исчерпывающую картину эволюции видов, на самом деле — лишь *этап, одна из сфер манифестации* эволюционных процессов. В этой сфере мы обычно выделяем эволюционные и революционные периоды: первые, когда совершенствование видов происходит зримо, когда мы можем в материальной, вещественной форме проследить усложнение или упрощение (в зависимости от оптимума) отдельных функций, отдельных структур и отдельных способностей. Вторые, — когда изменения происходят скачкообразно: было одно, *вдруг* стало другое. Промежуточных вариантов не можем найти, изменение вызвано неизвестно чем и произошло неизвестно как.

Действительно, на поверхности все так и обстоит. Мы видим примеры и эволюционных, и революционных изменений, и не всегда понимаем, в чем те и другие связаны и почему совершились.

Но если мы посмотрим «подложку» материальной эволюции, то, я думаю, мы увидим еще один слой процессов, анализ которых может помочь в объяснении многих вещей.

Говоря о «подложке процессов материальной эволюции», я имею в виду уровень действия универсальных сил, формирующих наш мир. Древнегреческие философы универсальными силами называли огонь, воздух, воду, землю — стихии. В китайской традиции — это дерево, металл, огонь, почва, вода. Взаимодействие этих сил приводит к порождению структур разной степени сложности. Наиболее простые — те, которые созданы действием одной стихии, наиболее сложные — всех, в разной степени представленности и на разных этапах формирования структуры.

На этом базисном по отношению к нашему миру уровне и создавались структуры, некоторые из которых были достаточно совершенны для того, чтобы оказаться способными к самостоятельному существованию в физическом мире. Процессы в них были настолько хорошо отлажены и гармонизированы, что структура с подобными параметрами была способна обеспечивать свою жизнедеятельность только за счет собственных ресурсов и обмена со средой. И хотя в последующем универсальные силы продолжают влиять на нее, но это уже лишь модификация условий ее жизнедеятельности, а не средство жизнеобеспечения.

Здесь важно следующее: *при таком понимании логики эволюционного процесса любая из имеющихся в физическом мире структур по определению совершенна, т.е. оптимально приспособлена для жизни в тех условиях, в которых она находится.* Важное следствие из такого понимания: материальная эволюция и происходит, и не происходит.

Не происходит в том смысле, что все воплотившееся в материальном мире уже совершенно. Можем ли мы говорить об эволюции, если ее этапы выглядят примерно так: переход от совершенной формы к совершенной форме и далее снова совершенная форма?

И в то же время эволюция, безусловно, имеет место. Но в каком смысле? Формируются новые виды живых существ, по-новому взаимодействующие со средой, обеспеченные новыми возможностями регуляции параметров такого взаимодействия. Но такая эволюция — каждый раз — лишь *последний акт* развернутой драмы сложного взаимодействия порождающих эти структуры универсальных сил. Т.е. мы видим спектакль, который состоит только из последних сцен каждого акта пьесы. В таком варианте просмотра происходящего действительно видна определенная динамика — ведь каждый раз это новая картинка, где персонажи узнаваемы, сюжет, в самых общих чертах, тоже может быть намечен. И, кстати говоря, возможно, такой просмотр — это и есть единственно доступное человеку по природе его зрелище. Но даже если мы не можем видеть весь спектакль целиком, все же правильнее будет хотя бы сознавать, *что именно* доступно нашему восприятию.

Таким образом, мне представляется, что в отношении понимания логики эволюционных процессов можно сказать следующее.

Формирование новых видов живых существ (и в том числе человека) осуществляется на уровне действия универсальных сил. Это та реальность, которую мы можем называть альтернативной и которая иногда оказывается доступной восприятию людей специально для этих целей себя готовивших или оказавшихся в измененном состоянии сознания, или в особых жизненных условиях (сильный стресс, усталость, сенсорная депривация, электростимуляция и др.).

Сам процесс поиска, вызревания новой формы (новой структуры) *не имеет непосредственной репрезентации* в материальном мире. Лишь в момент получения устой-

чивой, жизнеспособной структуры происходит ее проявление в материальном мире. Эти две сущности – та, что создавалась на уровне «подложки», и та, что теперь явлена в нашем мире, – не просто генетически связаны между собой («одна порождает другую», «одна является прообразом, сакральным образцом другой»). Это *буквально* одно и то же. Нами они воспринимаются по-разному (одна – как идея, образец, другая – как реальная вещь) просто потому, что принадлежат они разным мирам: одна так называемому «тонкому», другая – нашему, «грубому». Вещи нашего мира – одной природы с нами, *поэтому* и оцениваются нами как единственно реальные, подлинные. Их «прообразы», «образцы», глубинные структуры принадлежат альтернативному по отношению к нашей реальности миру, поэтому нами воспринимаются как не вполне реальные, выдуманные, сконструированные созданием человека. На самом же деле, реальны и те, и другие. Более того, фактически, нет «тех и других». Есть одни и те же сущности, воплощенные в разных мирах, *средствами* разных миров, *в субстанции* разных миров.

Все это относится к формированию и рождению *нового вида*. Именно *этот* период поиска новой жизнеспособной сущности не имеет *непосредственной* репрезентации в событиях нашего мира. Но впоследствии он бесчисленное количество раз опосредованно воспроизводится в процессе формирования и рождения *каждого отдельного* существа данного вида. Таким образом, я полагаю, что именно период *эмбрионального развития* репрезентирует в основных моментах логику взаимодействия универсальных сил, однажды приведших к порождению новой жизнеспособной структуры. *Онтогенез* же (в ключевых своих моментах) воспроизводит основные этапы *филогенетической эволюции*, т.е. того течения событий, которое имело место уже после возникновения нового вида.

Именно в таком соотношении (взаимодействии) двух миров – сакрального и профанного – видится мне причина того, почему в традиционных сообществах суще-

ствовала (а кое-где и сейчас сохраняется) традиция регулярного ритуального воспроизведения тех или иных сюжетов космогонических мифов. Я понимаю это следующим образом. Взаимодействие универсальных сил, однажды приведшее к желательным для человека событиям, должно регулярно воспроизводиться в ритуалах, чтобы обеспечивалось сохранение (или же новое рождение) искомого в мире людей. Т.е. существование желанной структуры (сущности, события) *глубинного* уровня *поддерживается* регулярным рождением каждой новой такой структуры (сущности, события) *физического* уровня. Это подобно тому, что *новый вид* живых существ, созданный на уровне действия универсальных сил, существует в материальном мире до тех пор, пока рождаются *новые и новые представители* этого вида. Если они не будут появляться в нашем мире, прекратит свое существование сам вид. Это будет означать *исчезновение соответствующей структуры универсального мира*, мира глубинных структур. Точно этой же цели поддержания жизни искомого для человека в *нашем* мире служат обычаи (практика) ритуального воспроизведения мистерии когда-то происшедшего на уровне *форм* (сакральных образцов).

Таким образом, получается картина, несколько отличная от той, которую рисует М.Элиаде. Он, как известно, считает, что ритуальное воспроизведение в профаном мире сакральных мистерий служит цели «поддержания жизни» сакрального образца, поскольку *в мире форм прообраз искомого события вновь и вновь творится*. Я же думаю несколько иначе. Раз рожденная форма сохраняет жизнь на уровне глубинных структур до тех пор, пока в физическом мире продолжают «рождаться» ее манифестации. Однажды сотворенное больше не нуждается в повторном творении на уровне универсального мира. Но оно нуждается во все *новых и новых воплощениях* процесса творения в событиях *нашего* мира (подобно тому,

как вид сохраняется до тех пор, пока рождаются новые особи, но повторного творения вида и не происходит, и не требуется).

Это, на первый взгляд, незначительное отличие в трактовке взаимодействия сакрального и профанного миров приводит к интересным следствиям. Человеку не надо заботиться о том, чтобы обеспечивать все новое и новое рождение желаемого на уровне идеального мира. Однажды сотворенное будет жить до тех пор, пока в физическом мире будут рождаться (физически, в случае природных событий, ритуально, в случае социальной сферы) представители этого вида: для живых существ – живые существа, для социальной сферы – ритуальные заместители события.

Итак, каждый раз мы видим спектакль, который состоит только из последних сцен множества других спектаклей, которые разыгрываются на другой сцене, невидимой для нас. И мы совершенно справедливо характеризуем явленное нашему взору как «эволюция видов». Но поспешно считаем последние сцены множества спектаклей самостоятельным законченным (исчерпывающим) действием, хотя в каком-то смысле это так. Просто содержание происходящего неизмеримо богаче видимого нами.

Иначе говоря, в рамках существующей традиции понимания эволюции мы имеем дело со своего рода *линейной моделью*. В лучшем случае – плоскостной (если мы отслеживаем боковые линии, ответвления эволюции). Но *глубины, объема такая картина не имеет*. Если же мы все видимое нами будем рассматривать как скол, срез, манифестацию последовательностей других событий, то наше миропонимание не только *обретет объем*, но и по-зволит по-иному взглянуть на многие процессы.

В частности, это касается природы универсальной силы «сознание». При таком понимании эволюционных процессов нельзя считать, что сознание, как универсальная сила, возникает тогда-то и тогда-то. Оно (если мы

придерживаемся представления о том, что материя и сознание — неразрывное целое) так же вечно, как телесная организация живых существ. И так же, как совершенна телесная организация каждого вида, так же совершенно и его сознание.

2.5. Природа универсальной силы «сознание» в нашем мире

Параметры проявления универсальной силы «сознание» в нашем мире таковы: во-первых, в том случае, если существо воспринимает происходящее на основе использования сознания *как универсальной силы*, понимание достигается не за счет анализа и размышления, а за счет концентрации. Во-вторых, сознание, как универсальная сила, даже в случае его представленности в каждом отдельном живом существе, простирается далеко за пределы физического тела. Фактически оно не имеет границ. И, наконец, окружающее — той же природы.

Сознание, как универсальная сила, по своей природе достаточно серьезно отличается от, так сказать, специфически человеческого сознания. Чем конкретно, об этом я буду говорить позднее. Пока лишь отмечу, что сознание, *как универсальная сила*, несет в себе *оба вида энергии* — ян и инь. Как я уже отмечала, понятия «ян» и «инь» многогранны: это мужское и женское начало, горячее и холодное, небесное и земное и т.п. Однако в данный момент, я хочу обратить внимание на такой аспект: ян — жесткий, проникающий вид энергии, олицетворяющий дух; инь — мягкий, обволакивающий, овеществляющий. Поэтому *сознание как универсальная сила, на мой взгляд, представляет собой овеществленный дух*. В некотором приближении ту же самую идею можно было бы передать словами «сознание, как универсальная сила, материаль-

но». Но это слишком огрубленная формулировка. Я же имею в виду следующее: сознание, как универсальная сила, участвующая в создании человека как вида, объединяет в себе характеристики «быть веществом» и «быть духом», поскольку в нем присутствуют оба вида энергий — инь и ян. Человеческое сознание, сформировавшееся на одном из этапов эволюции, как я постараюсь показать, имеет лишь одну характеристику: «ян». С чем это связано и из чего следует, будет рассмотрено позднее.

Итак, роль сознания как универсальной силы, участвующий в сотворении человека, не исчерпывается стадией нахождения оптимальной жизнеспособной структуры на уровне альтернативной реальности. И после того, как такая структура найдена и обрела проявленность в физическом мире, сознание, как универсальная сила, продолжает функционировать. Именно на основе этой универсальной разлитой способности человек ориентируется в мире тогда, когда специфически человеческое сознание еще не сформировалось.

Концентрация *сознания, как универсальной силы*, на чем-либо приводит к тому, что субъект как бы проникает внутрь (вглубь) объекта, *становится* объектом⁵⁸, переживает его как состояние внутри себя. Результатом такого взаимодействия является знание мгновенное, непосредственное и точное, не искаженное присутствием и влиянием эго. Теперь человек постигает другого не извне, примериваясь, сопоставляя, анализируя, а изнутри. Друг и последователь Шри Ауробиндо, известная по книгам Сатпрема как Мать, характеризует такое знание как осязательное зрение, внутреннее видение. Она говорит, что при таком типе взаимодействия предмет как бы зажигается внутренним светом в ответ на обращение на него *такого* осязающего взгляда, и не важно, одушевленный это объект или нет⁵⁹.

Итак, схема взаимосвязей примерно такова: внутренняя природа человека (гармония, целостность или расщепленность, диссонанс) обуславливает соответствующую

щие ей параметры сознания (фактически, это излучение или вибрация, — в зависимости от избираемой физической модели). В ответ на направление излучения с *такими* параметрами в мир отзовется мир тех размерностей, которые резонансны по отношению к *такому* излучению. Это определит характер взаимодействия с *таким* миром, что, в свою очередь, обусловит параметры внутреннего состояния субъекта: гармония, эмпатия или вражда, борьба, диссонанс.

В момент эволюционной истории человека, который представлен в Библии как грехопадение, происходит мгновенное постижение добра и зла. Коренное изменение внутренней природы человека обуславливает трансформацию параметров его излучения. Это, в свою очередь, приведет к тому, что резонансными по отношению к излучению с *такими* параметрами *окажутся новые объекты*. А это, по существу, будет равносильно тому, что человек обнаружит себя в *другом мире*, потому что вместо одних объектов, ранее резонансных по отношению к его излучению-вниманию, окажутся совсем другие объекты. Те же, которые воспринимались спонтанно и без усилий раньше, окажутся вообще как бы невидимыми, не ощущаемыми, не воспринимаемыми. В результате *внутреннее ощущение* у субъекта будет такое, как если бы он попал в другой мир: выпал из своего привычного и ввергся в другой, непривычный, чуждый, опасный. Именно такое самоощущение, на мой взгляд, и лежит в основе библейской метафоры изгнания из Рая.

Если мы задумаемся над символикой этого мотива, то увидим, что предложенная интерпретация характера происходящих с человеком трансформаций в процессе его эволюции довольно точно соответствует тому, что говорится в Библии. Во-первых, то, что человек оказывается взаимодействующим с миром других параметров излучения, как я попыталась показать, внутренне будет ощущаться-переживаться как попадание в другой мир:

один исчез, обнаружился (явился, открылся) другой⁶⁰. Это подобно тому, как если бы в результате смены линзы оказывались способными вместо мира горизонтальных размерностей видеть мир вертикальных размерностей. Внутренне такая трансформация будет переживаться как попадание в другой мир, хотя физически человек будет продолжать находиться в одном и том же мире.

Вновь открывающийся мир будет переживаться негативно, и вот почему. Поскольку «впадение» в него явилось следствием изменения восприятия человека, его внутреннего ощущения, когда все распалось, раскололось на противоположности, постольку и параметры нового излучения будут соответствовать такому новому расколотому сознанию. Но в ответ на направление внимания вовне отзовутся те параметры объектов внешнего мира, которые резонансны таким характеристикам. Иначе говоря, несмотря на внутреннюю целостность отвечающего объекта, *расколотым сознанием* он будет восприниматься как *расколотый, поделенный на противоположности*. Поэтому мир, который откроется в ответ на излучение сознания с такими дисгармоничными параметрами, будет миром дисгармоничных параметров. (Еще раз подчеркну: не потому, что *на самом деле* изменились параметры объектов или их природа. Все осталось прежним за исключением самого человека. Но именно это последнее и обусловит взаимодействие только с той частью спектра возможного, которая дисгармонична и противоречива. Понятно, что *так* открывающийся мир будет восприниматься как противоречивый, поделенный на противоположности.).

Членение изначально целого на части будет сопровождаться ощущением, что эти части противостоят друг другу, исключают друг друга. В результате внутреннее ощущение гармонии, целостности, сопровождавшее взаимодействие с миром целостности, сменится ощущени-

ем напряжения и борьбы. Кроме того, вновь открывающийся мир незнаком человеку, непривычен. А само изменение характера мировосприятия приведет к тому, что он станет восприниматься как враждебный, угрожающий: когда между двумя частями целого проводится граница, они начинают восприниматься как конфликтующие⁶¹.

Итак, что же получится в результате? Мир, в котором человек обнаруживает себя после трансформации параметров сознания, оказывается (а на самом деле — видится) противостоящим ему, расколотым на конфликтующие противоположности, незнакомым и враждебным. Тот же, который человек утратил, имел совсем иные характеристики: был целостным, гармоничным. Человек его понимал, т.к. имел непосредственное знание-переживание всего происходящего в нем.

2.6. Филогенетические корреляции грехопадения

Моменту низвержения из Рая (символический аспект), пробуждению самости (онтогенетический) филогенетически, на мой взгляд, соответствует стадия, когда человек начинает изготавливать орудия труда. Бог сказал: «Будешь в поте лица добывать хлеб твой». Иначе говоря, с этого момента придется серьезно потрудиться, чтобы прокормить себя. Но, по-моему, человек не потому начинает изготавливать орудия труда, что поумнел или стал более умелым, а до этого их не изготавливал не потому, что был глупым или менее умелым, а потому что *не испытывал в этом потребности*.

Как известно, не только использовать орудия труда, но и производить их способны уже обезьяны. Например, в условиях эксперимента шимпанзе может удлинить палочку, чтобы из клетки дотянуться до банана, составить

пирамиду из ящиков, чтобы достать приманку. Но еще интереснее, что и в *естественной* среде обитания они иногда изготавливают орудия труда. Известный натуралист Дж. Гудолл многие годы наблюдала за жизнью обезьян в природном заповеднике. И ей доводилось неоднократно видеть, как обезьяна, чтобы достать термитов из муравейника (любимое лакомство) срывала удобную по упругости веточку (а ходы в термитниках длинные и изогнутые, поэтому не всякая подойдет), очищала ее от листьев, облизывала и засовывала в муравейник. На палочку налипали термиты, которых она съедала. Еще шимпанзе собирают воду листьями. Для этого они измочаливают лист, и когда он становится хорошо впитывающим, собирают им воду, а затем высасывают ее. Они чистят зубы, размягчая для этого палочку. Дж. Гудолл однажды видела, как запачкавшаяся в навозе обезьяна с выражением безразличия на лице отерла свою шерсть пучком собранных листьев, и еще многое другое. Причем интересно, что новации используют молодые самки и детеныши. Из большого числа случаев, когда обезьяна использовала палку в качестве орудия, в трети всех случаев ее держали молодые самки, а в двух третях — детеныши. Обычно первенцы.

Итак, высшие приматы не только способны *использовать* орудия труда для достижения искомой цели, но и могут *изготавливать* их. Причем делают это как в экспериментальных условиях, так и в естественной среде обитания. В этой связи любопытно, что исследователи иной раз высказывают недоумение, почему же обезьяны не используют свои возможности систематически⁶². Думается, причина в том, что им это *не нужно*.

Точно также и человек, пока его потребности в питании и защите удовлетворялись простым собирательством, мог не заботиться о том, чтобы изготавливать кремневые наконечники к стрелам, рубила и ножи. Зачем, если то, что ему необходимо, он и так имеет? И толь-

ко ситуация, в которой он оказался *вынужден* как-то по-новому добывать пищу, могла заставить его прилагать новые усилия.

А почему могло случиться так, что традиционное собирательство больше не позволяло удовлетворять насущные потребности? Обычно говорят об изменившемся климате, о возросшем количестве людей — в общем, об истощении природных ресурсов. Вероятно, эти факторы действительно значимы. Но, на мой взгляд, они являются *внешними* по отношению к человеку, как предмету анализа. Ссылаясь на них, мы ищем причину происходящих радикальных изменений не в логике эволюции самого человека, а в случайных по отношению к нему событиях. Например, если бы не изменился климат, человек так и не стал бы заботиться о независимом от капризов дня пропитании? Или, если бы было меньше людей, он точно не занялся бы выращиванием хлеба?

Вот интересный момент. Как известно, группы, занятые охотой и собирательством — наиболее примитивная форма общественного объединения у *Homo sapiens*. Она встречалась не только в древности, но и сейчас сохраняется кое-где. Например, племена шошонов и алгонкинов в Северной Америке, бушменов и негритосов в Африке, коренных жителей Австралии и Тасмании и др. живут именно по такому принципу. В состав подобной группы входит от 20 до 100 человек, образующих ряд семей, в которых имеются оба родителя. «Группа занимает определенную территорию и защищает ее. Ее члены собирают в пределах этой территории пищу, которую им удастся найти и которая варьирует в зависимости от времени года. В сборах участвуют как мужчины, так и женщины. Ни запасов пищи, ни каких-либо других накоплений не существует»⁶³.

А вот интересно, почему они не делают запасов, ведь не может быть, чтобы им не случалось встречать места, где слишком мало или, наоборот, слишком много пищи? С точки зрения современного человека, в первом случае

страх остаться голодным должен подтолкнуть к запасанию продуктов, во втором — то же самое побуждение должно возникнуть из-за их избытка: удовлетворил сиюминутные нужды, позаботиться о завтрашнем дне. Почему же они этого не делают? Как мне кажется, причина — *в ином мироощущении* этих людей, ином отношении к миру. Стремление что-то запасти только кажется нам таким естественным и самоочевидным. На самом же деле оно связано со вполне определенной стратегией поведения: *стремлением контролировать течение событий, брать ответственность на себя.*

А ведь есть и совершенно другая стратегия: позволить «событиям течь», жить в режиме «здесь и теперь», не заботиться о завтрашнем дне, т.к. «он сам о себе заботится». Как видим, первые две рекомендации принадлежат восточной традиции, последняя — встречается в Библии, где Господь укоряет маловеров, пытающихся обо всем позаботиться самостоятельно.

Тогда что же мы видим? Такая элементарная вещь, как запасание продуктов впрок, оказывается проявлением настолько серьезного диссонанса с миром, что попадает в разряд тех положений, которые регламентируются духовными традициями, причем единодушно: не только восточными, но и западными. (И, кстати говоря, линия поведения современного человека расценивается как неверная.).

Именно это обстоятельство и заставляет меня усомниться в том, что причина перехода от собирательства к земледелию — только в изменении климата, или росте населения, или в чем-то другом, подобном же. Я полагаю, что фундаментальное изменение образа жизни, предполагающее не просто *запасание* лишних найденных продуктов впрок, а огромный цикл работ, *предшествующих* такому запасанию, не могло не быть связанным с какими-то коренными изменениями в самом человеке и в его мироощущении.

Что же могло произойти с ним такого, что вынудило его от ощущения «о тебе позаботятся» перейти к убеждению «сам не побеспокоишься, никто не побеспокоится»? Как видим, первое является выражением чувства защищенности, когда ответственность о твоём благополучии лежит на ком-то, кто сильнее тебя и чьи возможности больше твоих. На мой взгляд, именно при таком мироощущении человек, живущий собирательством, не будет запасать продукты впрок. Это жизнь в режиме «здесь и теперь»: нет будущего, о котором надо думать, нет прошлого, которое могло бы научить тому, что о будущем лучше позаботиться. Человек просто «позволяет событиям течь». (Хотя для нас это очень непросто.) Он берет то, что дает ему природа и не думает о том, что будет, если она по какой-то причине перестанет это делать. У него есть сейчас. Ни завтра, ни вчера нет⁶⁴.

Напротив, мироощущение, выражаемое как «сам не позаботишься, никто не позаботится», совершенно противоположно вышеописанному. Первое, что бросается в глаза, это, конечно, понятие «сам». В его основе — *самость, самосознание*. Представление о себе — как об отдельном независимом существе. Второе — это чувство *ответственности*: должен «сам о себе позаботиться». Такое мироощущение, на мой взгляд, предполагает: а) существование границы между человеком и миром (в противном случае понятие самости не могло бы сложиться); б) внутреннюю расщепленность, дисгармоничность человека, самопринуждение (иначе никакого долженствования бы не было, а только одно «хочу»)⁶⁵; в) временное членение континуума (иначе откуда взялась бы идея обеспечить свое *будущее?*).

Итак, человек, начинающий огромный цикл работ, совершаемых в условиях *отсроченного удовольствия*, ради *будущих* целей и *без упования* на то, что кто-то за него обо всем побеспокоится, такой человек, как мне кажется,

должен был пережить какую-то *радикальную внутреннюю трансформацию* по сравнению со своим предшественником. Что это могло быть?

Я полагаю, именно эта трансформация символически представлена как грехопадение. Какие основания у меня для этого?

Как мы помним, библейский человек после сотворения жил в Раю, ни в чем не нуждался, не знал никаких запретов, кроме одного: не вкушать от древа познания добра и зла. Питался он плодами, которые собирал. Правда трудно представить себе, что такой человек решил сделать запасы на будущее? Он их и не делал. Жил совершенно гармонично: имел то, в чем нуждался, и тогда, когда нуждался, о будущем не заботился. Таково мироощущение человека в Раю.

Но вот он вкушает от древа познания. И что же происходит дальше? Он прячется от Господа. И чем он это объясняет? Как ни странно, не тем, что нарушил запрет, а тем, что «мы наги». Иначе говоря, нагота приводит его в большее смущение, чем нарушение Божьего запрета. Случайно ли это? С чем это может быть связано? Смущение от сознания наготы может возникнуть в том случае, если у человека есть представление о том, что это — нечто неподобающее. Почему оно возникает? Самый простой ответ: получил, потому что вкусил от древа познания. Но здесь возможны два варианта: а) человек получил колоссальный готовый набор конкретных сведений (ну, как если бы он отучился в школе) и б) он получил нечто такое, что позволило ему теперь по-иному видеть все окружающее. Второй вариант мне кажется предпочтительнее. Но что же тогда он получил?

На мой взгляд, в нашем восприятии истории эволюции все поставлено с ног на голову. Мы считаем, что человек *потому* начал изготавливать орудия, что какие-то потенции (когнитивные, двигательные) достигли такого уровня развития, что *сделали это возможным*. А раньше

этого не происходило (орудия не изготавливались) *потому, что не было возможности* (ума не хватало, двигательные навыки были недостаточными, окружающие условия не располагали и т.п.).

Мне думается, что к систематическому изготовлению орудий человек переходит потому, что это становится для него *потребностью*, что по-другому он *уже больше не может* удовлетворить свои нужды. А это, вероятно, связано с тем, что его внутренний мир — и, как следствие, отношения с внешним миром — претерпели какую-то серьезную *трансформацию*. В результате этого то, что было ранее лишь *потенциально возможным* (а мы видели, что уже обезьяны способны изготавливать примитивные орудия, тем более это мог делать человек, даже и на ранних стадиях эволюции), становится *актуально реализованным*. Таким образом, развитие когнитивных и новых двигательных возможностей, скорее, *обусловлено* новыми потребностями и новыми формами активности человека, чем *обуславливает* их. Именно новое положение человека в мире (в результате чего оно возникло и в чем заключается, рассмотрим позднее), на мой взгляд, является тем толчком, который и вызывает лавинообразное нарастание мыслительной и поведенческой активности человека.

Точно также, мы обычно думаем, что *Homo habilis* потому больше похож на обезьяну, а *Homo erectus* на современного человека, что у первого из них ум и способности — примерно на уровне обезьяны, а у второго — уже на уровне человека. А на самом деле? Поскольку физическое и психическое — всего лишь две разные формы проявления одних и тех же базисных параметров структуры, большее сходство с обезьяной или с человеком, на мой взгляд, является следствием того, что отношения с миром и с самим собой у первого из них ближе к тем, которые существуют у животных, а у второго — к человеческим.

Универсальные силы создали устойчивую структуру, для поддержания жизнедеятельности которой не требовались усилия извне. После диссоциации материи-созна-

ния структура оказалась неустойчивой, и сохранение внешней формы стало невозможно без введения в действие некой дополнительной силы, призванной компенсировать деструктивные тенденции в рамках целого. Причем эта новая сила должна была быть сопоставима по мощи воздействия на структуру с универсальными силами, ее формировавшими. (В противном случае было бы невозможно сохранить внешнюю целостность структуры в условиях действия внутренних центробежных тенденций.)

Думается, что эта центрирующая компенсаторная сила есть «Я — позиция», т.е. самость, эго, самосознание, самоконтроль, способность видеть себя со стороны. Все перечисленное, несмотря на определенное несходство, в своей основе имеет нечто общее. А именно: а) расчленение целостного универсума на две взаимоисключающие части — Я и иное; и б) помещение «центра тяжести» в Я. С этого момента все происходящее начинает рассматриваться с точки зрения «Я», которое оказывается функционально подобным выделенному миру в семантике возможных миров.

Итак, на определенном этапе своего развития человек начал систематически изготавливать орудия и использовать их для жизнеобеспечения потому, что *изменилась его внутренняя природа*, изменилось его видение самого себя, мира, своих отношений с миром. Именно это было подлинной причиной того, что существо, располагавшее уж по крайней мере не меньшими возможностями для саморазвития, чем обезьяна, перешло от пассивного потребления дававшегося миром (собирачество, жизнь без систематического производства и использования орудий) к активному взаимодействию с ним. По сути говоря, здесь был осуществлен переход от животного к собственно человеческому уровню: ведь как известно, многие животные живут группами, обезьяны способны производить и действительно иногда производят орудия, добывают пропитание собирательством и

мелкой охотой. В таком образе жизни нет ничего специфически человеческого. И сами по себе *способности* к определенным видам деятельности не обеспечивают их *реализации*. То, что является *подлинно человеческим*, — это функционирование в условиях *отсроченного удовольствия*, когда значительный объем действий совершается в надежде на *будущий* успех, даже в тех случаях, когда сиюминутное подкрепление оказывается не просто нейтральным, но даже *отрицательным*. Как оценивать такую особенность — другой вопрос, причем достаточно сложный. Но то, что на это способен только человек, причем находящийся на определенной стадии развития, — это действительно так.

2.7. Неотения

Интересно явление неотении: наличие во взрослом организме таких черт, которые у другого вида присутствуют только у детенышей. Так, у взрослых людей есть многие характерные черты, которые имеет *детеныш* шимпанзе, но утрачивает в зрелом возрасте. «Как и у людей, у детенышей шимпанзе тело покрыто редкими волосами. Как и у нас, у них сравнительно крупный мозг, защищенный выпуклым черепом. Кости их черепа, как и нашего, тонкие и не имеют ярко выраженных надглазничных валиков и затылочных гребней. Лицо у них еще не развилось, и поэтому оно не выступает вперед; челюсти и зубы небольшие, но подбородок выдвинут вперед. У детенышей шимпанзе, как и у человека, мозговой ствол соединяется с головным мозгом через отверстие, расположенное под средней частью черепа, и таким образом при ходьбе на двух ногах череп находится в равновесии над спинным хребтом... Таким образом, крупный мозг, маленькие челюсти и прямостояние — все эти наиболее

характерные черты, которые, как считается, отличают нас от обезьян, являются, по крайней мере частично, результатом неотении»⁶⁶.

Итак, явление неотении рассматривается как предпосылка последующей эволюционной специфичности человека. Это интересное и важное заключение. Однако, как мне кажется, оно не исчерпывает объяснительных возможностей феномена неотении. В частности, на его основе мы можем несколько полнее представить себе происходящее в ходе эволюции видов. А именно, поскольку филогенетическая эволюция включает этапы *порождения структуры* на уровне универсальных сил, ее *воплощения* в материальный мир и последующее *самостоятельное развитие*, постольку мы можем рассмотреть происходящее со структурой на разных стадиях ее эволюции.

Так вот, применительно к проблеме неотении, мне думается, можно сказать следующее: *в момент создания* (т.е. на уровне альтернативной реальности) структура, соответствующая в нашем мире шимпанзе, по своим параметрам была достаточно близка *воплощенному* человеку (т.е. структуре, уже реализовавшейся в физическом мире). Но после своего овеществления она стала серьезно отличаться от последнего. О чем это может говорить? На мой взгляд, о том, что *сам процесс воплощения* усиливает в созданной структуре животное, материальное, отягощающее начало. Поэтому, чтобы взрослая структура имела искомые свойства, в детеныше они должны быть «усилены», чтобы и в результате воплощения в *физический мир*, т.е. своего огрубления, они все же сохранились бы. И это так и есть: если мы посмотрим на человеческого детеныша, то увидим, что некоторые черты, отличающие человека от животных, утрированы, выражены гораздо сильнее, чем у взрослого организма. Это очень высокий лоб, совсем незначительно выступающая вперед средняя часть лица, маленькая челюсть. Взрослый чело-

век утрачивает такую степень выраженности этих черт и приобретает те внешние особенности, которые нам хорошо известны.

Тогда получается, что уже у шимпанзе на уровне действия универсальных сил была получена структура, которая, если бы она сохранила свои параметры в процессе воплощения в физический мир, обеспечивала чисто человеческие возможности. Однако в ходе ее материализации усилилось животное начало. Это, разумеется, проявилось на всех уровнях функционирования структуры: и внешне (взрослый шимпанзе имеет черты, которые сближают его с более примитивными обезьянами, а не с человеком), и в плане когнитивных возможностей (они у самого умного шимпанзе на уровне маленького ребенка), и в поведенческом плане (несмотря на хорошие задатки, в реальной жизни шимпанзе их, практически, не использует). Но, как оказывается, на детеныша шимпанзе похож взрослый человек.

И теперь, если мы мысленно представим себе динамику фенотипов: зародыш шимпанзе, взрослый человек, зародыш человека, — то увидим чисто внешнюю линию эволюции вышеупомянутых особенностей. Но не будем забывать, что они — форма выражения *базисных* параметров структуры. Другим же их проявлением являются когнитивные, психологические, поведенческие черты. Большой по объему мозг связан с большей ролью мыслительной сферы в жизни существа, выдвинутый подбородок — с возможностью противостоять давлению окружающего мира, прямостояние — с большей энергетической заряженностью организма, большим градиентом энергии на двух концах тела (голова и низ туловища)⁶⁷. Как видим, эти параметры личности действительно были в числе тех, с которыми оказалась связана эволюция человека как вида.

Таким образом, феномен неотении, как мне кажется, позволяет понять, в каком направлении изменялась работа универсальных сил в ходе формирования новой структуры — человека.

Чрезвычайно интересный момент: анализируя механизмы, «превратившие обезьяну в человека», Д.Ламберт отмечает, что они «вероятно, состояли просто в изменении наборов генов, которые то подключались, то отключались, регулируя темпы и величину роста различных систем организма. Эти изменения в основном влияют на организм через такие гормоны, как соматотрофин, стимулирующий рост костей, и мелатонин, который способствует достижению половой зрелости. В ходе естественного отбора *просто* (! — И.Б.) сохранялись те детские черты, которые способствовали выживанию наших предков»⁶⁸.

В каком плане мне кажется примечательным это предположение? Д.Ламберт, по существу, говорит о том же механизме, который имею в виду я, рассматривая логику порождения видов, но только в качестве действующих начал упоминает «наборы генов», реализующих свое воздействие на организм через гормоны. Может быть, и в самом деле «включение» и «выключение» наборов генов на разных стадиях формирования организма можно рассматривать как *материальный аналог действия универсальных сил в процессе порождения нового вида?*

3. СОЗНАНИЕ КАК ИЗЛУЧЕНИЕ

Все живое излучает. Я бы даже сказала, что наличие излучения — это признак того, что перед тобой находится живое существо. Излучение информативно в отношении излучающего объекта⁶⁹. Но это только одна сторона проблемы. Другая — то, что *посредством излучения* существо получает информацию о мире. Как и почему?

3.1. «Все, что мы воспринимаем, поистине, заслужено нами»

Все, адресованное миру, направленное в мир, встречая на своем пути объекты, частично поглощается ими, частично отражается от них, возвращаясь к источнику излучения. Понятно, что параметры *вернувшегося* излучения будут несколько иными, чем изначальные, поскольку они *трансформировались* в ходе взаимодействия с объектами окружающего мира. И именно по этой причине оно *несет информацию* о мире. Это подобно тому, как некоторые животные, например летучие мыши, испуская ультразвуковые сигналы высокой частоты, ориентируются в окружающем пространстве, узнают о наличии тех или иных объектов, а также о том, пригодны

ли эти объекты в пищу. Мотыльки же, воспринимая это же излучение, получают информацию о том, где находится хищник. Причем средства распознавания сигналов настолько точны, что позволяют мотыльку очень тонко дифференцировать свое поведение в зависимости от полученной информации⁷⁰.

Таким образом, оказывается, что излучение, являющееся *качеством живого*, информативно в двух отношениях: а) в отношении *источника* излучения и б) в отношении *объектов*, встретившихся на его пути.

Применительно к приведенному примеру с летучими мышами и мотыльками мы говорили о *генерируемом* излучении, т.е. о сигналах (ультразвуковых), которые преднамеренно испускаются живым существом для решения насущных жизненных проблем. Но я полагаю, у всего живого есть форма излучения, которое генерируется *не преднамеренно*, не потому, что существо *приняло решение* послать в мир сигнал, а просто потому, что это существо *есть* на свете, потому, что оно *живо*. Параметров этого излучения я не знаю, а гадать не вижу смысла. Может быть, это биоэнергетическое излучение, которое, как было показано еще известным русским биологом начала века А.Г.Гурвичем⁷¹, окутывает все живые объекты, а может быть, и какое-то другое. Но, судя по свидетельствам адептов, такое излучение существует. Причем оно, на мой взгляд, будет еще более информативно в обоих упоминавшихся отношениях, чем преднамеренно излучаемое. Почему я так думаю?

Я полагаю, что *непреднамеренно генерируемое излучение* представляет собой всего лишь *иную форму* выражения природы, *существа объекта*. Иначе говоря, это *оно же* — сущность, существо объекта, но только выраженное (представленное) в форме излучения.

Как я уже сказала, излучение — это *качество живого*. Поэтому, когда появляется живое, будь то человек или клетка, появляется излучение. Изменение состояния

живого проявляется в изменении параметров его излучения. Все это совершенно понятно и не нуждается в длительном обсуждении. Но вот интересный момент: как изменяется мир живого существа в зависимости от изменения параметров его излучения?

Итак, излучение взаимодействует с объектами, которые встречаются на пути. Вероятно, в зависимости от параметров излучения и от природы объектов, некоторыми из них оно будет преимущественно поглощаться, другими — отражаться. Через третьи оно, возможно, пройдет вообще беспрепятственно (это зависит от характера объектов и от типа излучения). Но в любом случае, *резонансно отзовутся*, откликнутся в ответ на такое воздействие те объекты, внутренние параметры которых в каком-то отношении сходны с параметрами пришедшего излучения. Значит, его сигнал будет усилен и вернется к источнику излучения. Так человек узнает о существовании объекта и о его состоянии.

Но это означает, что данный предмет окажется *включенным в мир человека*, он окажется *для него* существующим. Те же объекты, которые никак не отозвались на пришедшее излучение (а это произошло потому, что их внутренние характеристики оказались в каком-то отношении несозвучными излучению человека), окажутся *для человека* как бы несуществующими. Т.е. на самом деле они есть, но для субъекта их нет, потому что они *никак не взаимодействуют* с параметрами его излучения. Это, как мне кажется, подобно самолету-невидимке, который в силу особенностей конструкции, не может быть обнаружен радаром. Только в случае самолета невидимость достигается в результате специальных усилий, а в случае с объектами, невидимыми для человека, — спонтанно, из-за отсутствия взаимодействия между ними и излучением человека. Тогда получается, что мир субъекта состоит из объектов, которые в каком-то отношении ему созвучны. А это происходит в том случае, если в их (субъекта и

объекта) природе есть *нечто общее*, ведь, как мы условились, параметры спонтанного излучения являются всего лишь *иной формой выражения сути* источника излучения. Вот так и выходит, что мир человека состоит из того, что созвучно его собственной природе, его сущности. Иначе говоря, по словам А.А.Ухтомского, «то, что мы воспринимаем, поистине, заслужено нами».

Но это, среди прочего, означает, что мир человека гармоничного, эмпатийного, светлого будет гармоничным, эмпатийным, светлым, а мир человека раздраемого противоречиями, закрытого, агрессивного будет борющимся, конфликтным, угрожающим. При этом оба они живут в одном и том же мире, а окружающий их универсум — физически — тот же самый. И в то же время в их мироощущении — это два различных мира. Вспомним арабскую притчу об учителе и ученике.

Однажды один муршид (учитель у суфиев) был в большом городе, и когда вернулся, сказал: «О, я переполнен радостью, я переполнен радостью. Это было так замечательно, возвышенно, в присутствии Возлюбленного». Тогда его мюрид подумал: «Там был Возлюбленный и восторг; как замечательно! Я должен пойти и посмотреть, смогу ли я найти их». Он прошел через город, вернулся и сказал: «Ужасно! Как ужасен мир! Все как будто готовы перегрызть друг другу горло; вот что я видел. Я не чувствую ничего, кроме подавленности, как будто все мое существо разрывается на куски». «Да, — сказал муршид. — Ты прав». «Но объясни мне, — сказал мюрид, — почему ты так восторгался после того, как вернулся, а я разрываюсь на части? Я не могу вынести этого, это ужасно». Муршид сказал: «Ты шел не в том же ритме, в котором я шел через город».

Хазрат Инайат Хан, так комментирует данную притчу: «И это означает... ритм, в котором движется ум, тот ритм, от которого наблюдение получает пользу: именно это создает разницу между одним человеком и другим; и это то, что приводит к гармонии между людьми»⁷².

Так получилось, что целостному, гармоничному человеку мир отозвался светлой, прекрасной стороной. А несовершенному и дисгармоничному — темной. Здесь, правда, возникает один пустой, на первый взгляд, вопрос: а как на самом деле, мир один и тот же или он действительно разный? Как будто бы очевидно, мир — один и тот же, просто его восприятие разное в зависимости от внутренней интенции воспринимающего. Здесь ничего неожиданного нет. Это само собой разумеется.

Можно предложить и такой вариант ответа: мир — и темный, и светлый, в нем присутствует и то, и другое, и каждый выявляет в нем то, что созвучно его натуре. И этот ответ тоже будет совершенно правильным. Но рассмотрим еще один вариант. Если помните, во второй главе речь шла о том, что жизнь существует «на всю глубину взаимодействия» энергий инь и ян: и тогда, когда инь максимальна, а ян минимальна, и тогда, когда ян максимальна, а инь минимальна, и на всех промежуточных стадиях. Другое дело, что мы в собственных ощущениях способны непосредственно воспринимать лишь *один из пластов* такой реальности. Соответственно, как живое нами видится только то, что принадлежит к *этому* пласту. А события на самом деле многомерны. Они «живут» сразу во многих пластах.

Это подобно тому, как если бы мы были существами двухмерного, плоскостного мира, а сам мир — объемным. Мы видели и воспринимали бы только двухмерную репрезентацию событий — просто потому, что мы так устроены, такова наша природа. Но события-то *оставались бы многомерными*, не зависимо от наших возможностей восприятия. И их подлинная природа отличалась бы от видимой нами. Но при этом неверно было бы утверждать, что мы видим то, чего нет. Ведь их двухмерная проекция тоже существует. Просто мы видим не всё, что на самом деле имеет место.

Точно также и здесь. Происходящее многослойно, существует на разных пластах реальности. Целостный человек, мне думается, способен к такому многослойному восприятию. А вот внутренне разделенный — нет. И это, как мне кажется, одно из следствий вбирания в себя, проживания в себе добра и зла, повлекшего диссоциацию вещества-носителя. В результате, как мы помним, человек утратил присущую ему по природе целостность, которая на разных уровнях его жизнедеятельности проявлялась по-разному: на личностном — как гармония, на когнитивном — как способность к многослойному восприятию, на уровне взаимодействия с миром — как вовлеченность, органическая включенность в него.

Диссоциация вещества-носителя привела к тому, что человек из существа, воплощенного в сознающей материи (или в материальном сознании) превратился в существо, одна часть которого стала обладать сознанием, полностью лишенным качества материальности, а другая — материей, утратившей способность сознать. И то, и другое для мира *неорганично*, т.к. всё несет в себе оба вида энергии: ян и инь. Пусть в разных пропорциях, пусть в зародыше, но всё же⁷³. Один лишь человек в результате грехопадения оказался такой уникальной «квазисущностью». Посмотрим, что из этого следует в плане особенностей его мировосприятия.

Как мы уже говорили, любое живое существо излучает, и не потому, что *решило*, что это нужно, полезно, информативно, а потому, что излучение — это *неотъемлемое свойство* живого. Излучает, потому что живет. Такое спонтанное излучение есть форма выражения сущностной природы объекта. Изменяется сущность, — изменяются параметры излучения. Совершенно естественно, что в результате радикальной трансформации сущности, которую пережил человек, радикально изменились и параметры его излучения. И прежде всего, оно стало неорганичным миру. В каком смысле?

Все в мире, хотя и многослойно, многоуровнево, воплощено в *разных* веществах-носителях, но при этом имеет нечто общее: во всех формах живого представлены *оба вида энергии* — пусть в зародыше, зачаточно, но оба. У человека же все стало по-другому: материя не сознающая, сознание не материальное. Понятно, что параметры излучения, обращенного к миру, существенно изменились. В новых условиях резонировать человеку стали не объекты целиком, как это было раньше, а какие-то *их части*, энергетическая составляющая которых оказалась созвучной *новым параметрам* трансформированного человеческого излучения. В результате и воспринимаемыми, точнее даже, *доступными восприятию человека, существующими для человека*, оказались не объекты целиком, целостные сущности, а какие-то их составляющие.

Но как мы помним, мир живого существа состоит из тех объектов, которые оказываются доступными его восприятию. И человек здесь не исключение. Его мир оказался составлен из восприятий отдельных сторон, аспектов реально существующих объектов, событий, явлений. Однако при этом сам он не сознает ограниченности своего опыта, расценивая его как единственный подлинно верный и отвергая все другие варианты, не типичные для рядового представителя технократической цивилизации. Оно и понятно: двухмерное существо, совершенно точно, абсолютно адекватно воспринимающее *двухмерную проекцию* событий, ни на секунду *не усомнится* в том, что оно имеет дело с *подлинным* событием. Ведь в его мире только такие сущности и бывают. Других просто по определению нет.

Итак, каков же город на самом деле: он такой, каким увидел его мюрид, или такой, каким он открылся муршиду? Я думаю, что ответить: для мюрида он такой, каким явился *ему*, для муршида — такой, каким открылся *ему*, — будет неверно. И вот почему. Муршид ведь *видел и то*, что увидел его ученик (он соглашается: «Да, ты

прав»). А вот мюрид не видел того, что было доступно муршиду. Это, как мне кажется, и свидетельствует о том, что восприятие учителя полнее. Он видел и ту двухмерную проекцию, которая воспринималась его учеником, но он видел и многомерный вариант событий. И вот в этом-то варианте, очевидно, оказывалось, что то, что при *двухмерном видении* выглядит как ужас, грязь, драма, в *многомерном варианте* открывает гармоничную прекрасную картину происходящего.

И дело здесь не в «розовых» и не в «черных очках». Дело в том, что при всем желании и при всех возможностях видеть объективный вариант *двухмерной проекции* многомерного события, ты увидишь именно *проекцию*, но не само событие. А думать будешь, что видишь событие. Причем интересно, обычно аргументируют, что видят, условно говоря, *событие*, а не проекцию, следующим образом: если бы это было не так, и человек видел и воспринимал не то, что есть на самом деле, то он просто не выжил бы. Ведь не случайно он оказался *приспособлен* к именно *так видимому* миру. Значит, мир *и есть такой*, каким мы его видим и воспринимаем в своем непосредственном опыте. Таким образом, наша приспособленность к миру, практическое умение выживать в нем, выступает как критерий того, что мы правильно воспринимаем мир, а точнее даже, что мир *и есть таков*, каким он дан нам в нашем восприятии.

Но ведь это неверно. Двухмерное существо *обязательно* будет адаптировано к двухмерному миру, потому что *его мир* действительно *такой и есть*. Но это не значит, что *мир вообще* и есть двухмерный. Просто *его мир* весь состоит из двухмерных проекций – вещей, событий, явлений. Другого в нем по определению нет. Но ведь это не значит, что другого *и на самом деле* не существует. Просто, чтобы увидеть это другое, надо попытаться справиться со своей двухмерностью. Тогда изменятся существенные параметры личности. Соответственно, изменятся

характеристики ее излучения, адресуемого миру. И если оно по своим параметрам будет соответствовать свойству целостности, то резонансными ему окажутся не отдельные стороны, аспекты существующего, а предметы, события, явления именно как *целостные феномены*. И в результате мир таким образом трансформировавшегося человека *автоматически* окажется иным: целостным, объемным, гармоничным.

Как видим, для того, чтобы понять природу мироощущения человека современной культуры, те конфликты и противоречия, с которыми он постоянно имеет дело, совсем не нужно предполагать вмешательства сверхъестественных сил, «наказавших» его. Особенность эволюции человека, на мой взгляд, как раз и состоит в том, что все в ней происходило *совершенно естественно*, в результате *собственной динамики* развития событий и *вытекало* одно из другого. При этом, поскольку любое качество не изолировано, а тем или иным образом связано с остальными характеристиками личности, постольку изменение сущности человека на каждом новом этапе его эволюционного развития имело проявления *абсолютно на всех уровнях* его жизнедеятельности. Единственное условие, на котором я вынуждена делать акцент, — это *объемность* предлагаемой эволюционной модели. Что же я имею в виду?

Во-первых, это постулат о том, что та «плоскостная модель» эволюции, которая на сегодняшний день наиболее распространена, представляет собой, условно говоря, спектакль, где зрители (т.е. мы с вами) видят лишь *последние сцены множества отдельных постановок*. Второе: жизнь существует не только в той тоненькой пленочке, которая образуется на одном из уровней взаимодействия энергий инь и ян, но *на всей глубине их взаимодействия*. И таким образом все, происходящее в мире, *реализуется сразу во множестве пластов*, а сами события, вещи и явления — *многослойны, многоуровневые и объемны*. Драму происшедшего с человеком и описываемого в Биб-

лии как грехопадение, я усматриваю в *утрате им объемности*, целостности и распадении на множество отдельных постоянно конфликтующих между собой сущностей (субличностей). В результате человек из существа — по природе своей многомерного — превратился в плоскостное, двухмерное, да еще и *неорганичное* окружающему миру, поскольку его сущность после трансформации оказалась *иной природы, чем всё встречающееся в мире* вокруг него. Остальные параметры моего понимания эволюции человека и его сознания, фактически, вытекают из этих постулатов.

3.2. Живое в многомерном мире

И еще один момент, на который я хотела бы обратить внимание. Люди, развившие в себе способность многослойного восприятия, свидетельствуют о том, что мир вокруг них как бы оживает, наполняется каким-то новым смыслом, озаряется внутренним светом. Что это, иллюзия или реально происходящая трансформация? Учитывая исключительные личностные качества тех, кто оставил подобные свидетельства, я склоняюсь к последнему. Но в таком случае, чем обусловлена подобная трансформация воспринимаемого мира?

Как я уже отмечала, специфика пережитого человеком кризиса состоит в утрате целостности, последовавшей за диссоциацией вещества-носителя, в котором была воплощена структура «человек». Другой формой выражения происшедшего является утрата «мерности» (то, что я метафорически выразила как превращение из многомерного существа в двухмерное) с последовавшей за этим потерей способности многослойного восприятия. При этом, как я пыталась показать, автоматически возникает *барьер между субъектом и миром* (т.к. теперь их внутренняя природа совершенно различна), и *мир перестает*

пониматься — поскольку теперь человек не может ощутить происходящее как в-нем-самом-совершающееся. С этого момента *единственно доступный способ постижения — рас-судочный*. Прежняя способность, как мне думается, в зачаточной форме сохраняется как интуиция. (Можно представить себе ее мощь, так сказать, при ее «полной включенности», если даже ее редуцированная форма может приводить к великим открытиям и глубоким прозрениям!)

Итак, у человека непосредственно после воплощения в мир был *единственный* способ познания — вбирание в себя, проживание в себе происходящего в мире как в-нем-самом-совершающегося. Когда он вкусил от древа познания, то использовал именно этот способ познания.

На ранних этапах эволюции те вещи, с которыми приходилось иметь дело человеку, были *целостными и объемными*. Их природа в точности *соответствовала его собственной внутренней природе*, поэтому они не были для него ни опасными, ни разрушительными.

Но то, с чем человек столкнулся по наущению змия, оказалось чем-то принципиально иным: это было *препарированной квинтэссенцией иного мировидения*. Что я имею в виду? Добро и зло — это, во-первых, абстрактные сущности, во-вторых, противоположности (крайние точки континуума), в третьих, — обобщенные понятия. Т.е. это, если так можно сказать, концентрированное выражение альтернативного (по отношению к тому, чем располагал человек) мировосприятия. А он для их постижения использовал *единственный имевшийся в его распоряжении* способ их присвоения — вбирание в себя (что в Библии, на мой взгляд, символически и представлено как вкушение⁷⁴).

В результате, с одной стороны, эти сущности (добро и зло) стали составной частью его внутреннего мира, с другой, — был разрушен сам такой способ постижения. Почему? Потому что в его основе — внутреннее, *сущностное единство со всем окружающим* (его предпосылка — в том, что все формы жизни содержат в себе оба вида

энергий инь и ян, хотя бы и в разных пропорциях). Диссоциация вещества-носителя структуры «человек» привела к появлению двух *не встречающихся в мире субстанций*: материи, лишенной качества сознательности, и сознания, утратившего материальность. Такой разделенной, раздробленной, диссоциированной, диссонансной всему окружающему стала новая природа человека.

Прожить в себе то, что принципиально противоположно твоей собственной природе, невозможно. Требуется хоть малая степень совпадения, созвучия, которая бы обеспечила хоть минимальное соприкосновение двух сущностей⁷⁵. В том же случае, если такого совпадения нет (а в отношении «нового» человека и мира – это вообще «антизвучание»), никакого *проживания в себе* происходящего в другом как в-самом-себе-совершающегося быть не может. Так оказался разрушен тот способ освоения мира, которым человек располагал в период своей целостности, т.е. на ранних стадиях эволюции. Вот почему я говорю о том, что грехопадение привело не только к изменению внутренней природы человека, его отношения с миром и с самим собой, но и *к утрате старого способа постижения мира*.

Таким образом получилось, что человек столкнулся сразу с несколькими абсолютно новыми для него, глобальными ощущениями: новым *ощущением самого себя* (вспомним стремление прикрыть наготу), совершенно *незнакомым миром* (вместо объемного мира теперь его окружали одни двухмерные проекции, да к тому же воспринимаемые как конфликтующие и взаимоисключающие), с тем обстоятельством, что он *больше не понимает* того, что происходит вокруг него. И это действительно драматическое переживание: старый добрый мир куда-то исчез, а вместо него – совершенно другой, незнакомый, в котором он ничего не понимает. А при этом еще и сам стал каким-то другим.

Это, я думаю, и есть момент, *непосредственно предшествовавший пробуждению самости, рождению самосознания*. Ведь что такое по своей природе самость и самосознание? (Под самостью в данном контексте я буду понимать то, что вкладывается в это понятие в восточной традиции: иллюзорное представление о собственной отграниченности от мира, об изолированности и самостоятельности «я». В отличие, скажем, от юнгианской традиции, где самость понимается в сугубо положительном смысле — как вершина развития целостности личности в результате духовного роста.) Это колоссальная сила, внутренний резерв человека, его «неприкосновенный запас», использованный для того, *чтобы выжить* в таких угрожающих и неблагоприятных глобально новых условиях, с которыми он столкнулся. За счет чего самость и самосознание обеспечивают человеку возможность хоть как-то выживать тогда, когда все в мире и в нем самом изменилось?

Я думаю, это связано с несколькими обстоятельствами. Человек, как структура, созданная на уровне универсальных сил, был устойчивой сущностью, в которой гармонично сочетались различные тенденции, и для поддержания жизнедеятельности которой не требовалось дополнительных усилий, направленных извне или изнутри. Изменение его природы, выразившееся в диссоциации вещества-носителя, привело, в частности, к тому, что структура стала неустойчивой, центробежные тенденции в ней больше не уравновешивались центростремительными, поэтому человек буквально «начал рассыпаться, разваливаться на куски» (метафорическое выражение, нередко используемое людьми для описания их самоощущения).

Чтобы выжить, этой глобальной тенденции разрушения целостности надо было что-то противопоставить. Причем сила, которая могла бы перекрыть действие цен-

тробежных тенденций, должна была быть по своей природе консолидирующей, собирающей, цементирующей распавшееся целое. Эту роль, как мне кажется, и сыграло самосознание, samость, эго.

Как возникает это новое качество личности — эго, новое свойство человека — samость, новая способность — самосознание? (Я потому говорю о них через запятую, что, на мой взгляд, в своей основе они имеют нечто фундаментально общее — создаваемую самим человеком силу, которая должна противостоять центробежным тенденциям, сохранив как целое то, что в новых условиях уже не может сохранять целостность без дополнительных усилий.)

После того, как внутренний мир человека распался на добро и зло, и зло ассоциировалось с телесным низом, а добро — в противоположность ему — с телесным верхом, у него появилось искушение отождествиться с «добрым» в себе и отречься от «злого». Из концепции иньян известно, что там, где наше внимание, там и энергия ци. Принятие телесного верха — головы, области диафрагмы и отвержение телесного низа — области гениталий привело, как мне думается, к осязтимому перераспределению энергетических потоков. В результате гармоничное циркулирование энергии в теле было нарушено: какие-то области стали «перегреваться»⁷⁶ из-за ее избытка, другие — страдать от ее недостатка. Это, в свою очередь, привело к тому, что внутренние системы организма перестали получать то количество и качество ци⁷⁷, которое требуется для нормального его функционирования. Иначе говоря, уже *внутри человека*, в его *собственном организме* возникает ситуация неблагополучия, конфликта. Существовавшее ранее ненасильственное гармоничное взаимодействие множества систем в рамках обеспечивающего благополучие целого сменяется стремлением отдельных систем выжить, хотя бы и в ущерб всем осталь-

ным. Ситуация усугубляется тем, что и целое отныне не столько способствует нормальной работе организма, сколько препятствует ей за счет искусственного и негармоничного перераспределения энергии.

Это – «энергетическая картинка» происходящего, так, как оно видится с точки зрения работы внутренних органов.

4. РОЖДЕНИЕ СОЗНАНИЯ

Почему рождается сознание? Почему появляется эго? Почему ощущение собственной самости, отделенности, отдельности, возникнув, является таким устойчивым?

Все эти вопросы имеют общий корень. Есть некая *функция*, которую сознание, эго, самосознание, самоконтроль, отделенность от мира — выполняют в *эволюции* человека. Причем эта функция — фундаментальная. Если бы это было не так, человек мог бы более или менее легко с этими аспектами своей личности расстаться. На самом же деле, сделать это очень непросто, хотя все духовные учения говорят о вреде и ложности представлений об изолированности, самости, отделенности «Я». Так, буддизм обращает внимание на иллюзорность «Я», на то, что на самом деле нет ничего устойчивого, что могло бы быть названо «Я». Дзэн-буддизм учит о необходимости избавления от самосознания, показывает, что дает не-самосознательность (му-син⁷⁸).

И тем не менее, человек никак не может отказаться от этих представлений. Так какую же фундаментальную роль в эволюции человека *как вида* и человека *как индивида* играют сознание, эго, самосознание, центрированность в «Я», отделенность?

Я полагаю, что это должно быть нечто такое, *опасность отказа* от чего для человека *больше* тех *выгод*, которые ему может принести отказ. (Хотя объективно это может быть и не так, но *ощущается* именно так: отказ от эго, от самосознания, отделенности, сопряжен с такой трансформацией природы человека, что ощущается им как чрезвычайно опасный, угрожающий самым основам его личности и потому бессознательно блокируется.).

Причем интересно, что даже если человек, знающий о потенциальных выгодах такого шага, сознательно и преднамеренно стремится трансформировать свое мировосприятие в подобном направлении, это удастся с большим трудом. Что-то в нем из всех сил сопротивляется даже сознательно принятому решению. Что же? И почему?

4.1. Эго-панцирь

Эго-панцирь призван стабилизировать нестабильную структуру (человека после грехопадения), возникающую вследствие диссоциации верха и низа, материи и сознания, добра и зла. За счет чего это достигается? Какова функция мышечных напряжений? С одной стороны, они обеспечивают движение, с другой, — блокируют импульсы, идущие от ядра к периферии. Т.е. позволяют поступать не в соответствии с принципом удовольствия (что захотелось, что приятно, то и сделал), а в соответствии с принципом реальности: что *считает полезным*, хотя может быть неприятным или безразличным, то и сделал.

Таким образом, система мышечного панциря, лежащая в основе Эго, расширяет сферу активного взаимодействия с миром: если раньше оно осуществлялось только на основе удовольствия-неудовольствия, то теперь еще и полезности. Раньше побудительным мотивом к действию могло стать: а) достижение приятного; б) избегание неприятного. Теперь это и а), и б), но еще и в) до-

стижение неприятного, но полезного; г) избегание приятного, но вредного; а также д) и е) — достижение или избегание безразличного, но полезного или вредного.

Иначе говоря, акцент во взаимодействии с миром и с самим собой переносится с приятного на полезное. А полезно или вредно оценивается с точки зрения существующих стереотипов, установок, норм. Мышечный панцирь может заблокировать «вредные», «опасные», «не полезные» действия. Человек напрягается и: а) или *не осознает* возникающее побуждение, или б) *удерживается от его реализации*.

А какие побуждения-импульсы должны таким образом сдерживаться? Те, которые, как считает индивид, могут нанести ему ущерб. Уже обезьяны способны удерживаться от подобного рода спонтанных действий. Например, шимпанзе зажимает рот ладошкой, чтобы остановить рвущийся наружу вопль страха (это дает возможность в ситуации столкновения казаться противнику менее запуганным)⁷⁹. Или еще: обезьяна-мать зажимает рот детенышу, который начинает шуметь в тот момент, когда стадо движется по границе своей территории, и вожак может наказать за нарушение тишины. Обезьяны обманывают «плохого» экспериментатора, который не делится с ними пищей, указывая ему руками неверное направление припрятанного лакомства и т.п.

Итак, уже животные пытаются — и на самом деле — *блокируют реализацию* некоторых импульсов. Что это дает? Это позволяет получать выигрыш или избегать проигрыша в определенных угрожающих ситуациях. Иначе говоря, повышает адаптацию.

Адаптируемость человека к условиям среды еще выше, чем у любых высокоразвитых животных. Он способен жить практически в любом климате и в очень широком диапазоне условий. Но за эту свою свободу он заплатил очень дорого: «Благодаря гораздо большей адаптируемости и способности поступать наперекор своим

животным инстинктам, он может подавлять эти инстинкты до такой степени, что становится невротиком, вследствие чего его личность как целое не способна более нормально функционировать. Такую высокую цену человек платит за свою бóльшую по сравнению с животными свободу. По этой причине и человеческое эго тоже постоянно оказывается перед искушением уклониться от следования инстинктам, что в итоге может привести к серьезным затруднениям в психической деятельности»⁸⁰.

Но, как и любое качество, так и данная способность (имеется в виду самоконтроль, позволяющий блокировать спонтанные импульсы) имеет свои плюсы и минусы. С плюсами понятно. А минусы? В случае злоупотребления этой способностью, человек превращается в систему, которая слишком много себе запрещает, слишком жестко себя контролирует, слишком ко многому себя принуждает, сводя до минимума объем действий, совершаемых ненасильственно, без самопринуждения, в соответствии с принципом удовольствия.

К чему это приводит? С одной стороны, субъект становится более успешным в социуме, который и базируется на этих постулатах (хорошо то, что полезно). Но с другой, — сама эта успешность непрочна и уязвима: слишком долгое и серьезное насилие над собой чревато срывом и тотальным выходом из-под контроля или уходом в болезнь⁸¹. Но даже если до взрыва дело не доходит, человек все увеличивает пропасть между собой и миром, в котором все построено на другом принципе (однако здесь следует заметить, что в гармоничной системе наибольшее удовольствие будет и наибольшей полезностью).

В чем же выход? Действовать по принципу удовольствия, не принуждать себя, и все будет хорошо? Совсем нет. Чтобы иметь право функционировать исключительно на основе *этого* принципа, *не нанося ущерб* ни себе, ни другим, нужно быть гармоничным существом. Толь-

ко в этом случае внутренние тенденции и побудительные мотивы будут созвучны общемировым процессам, не разрушительны ни для себя, ни для других, ни для мира.

Но, как мы уже отмечали, человек утратил внутреннюю гармонию из-за радикальной трансформации внутренней природы (символический аналог – грехопадение). Теперь следование собственным импульсам без внутренних и внешних ограничений может оказаться чрезвычайно разрушительным как для него, так и для окружающего, поскольку сами импульсы (побудительные мотивы) дисгармоничны. Поэтому, как мне кажется, многие эзотерические доктрины и религии (духовные учения) проповедуют отказ от желаний как необходимую предпосылку спасения (просветления, самосовершенствования).

Если же исходить из той модели, которую я предлагаю, опасны не сами по себе желания и побуждения, а желания и побуждения *дисгармоничной личности*. А поскольку дисгармония – это, можно сказать, родовое качество человека, вкусившего от древа познания, постольку проблема самосовершенствования в духовных учениях и обусловливается отказом от желаний. Мне же кажется, что если человеку удастся совершить «обратный» путь – от внутренней диссоциации и дисгармоничности к целостности и гармонии, – ничего препятствующего совершенствованию в его желаниях не будет.

Итак, проблему дальнейшего развития сознания (в направлении большей свободы и внутренней гармонии) можно решать как за счет тотального отказа от желаний и побуждений, так и за счет трансформации природы личности (избавление от внутренней расщепленности, осознание иллюзорности своего «Я»). И то, и другое сложно, но достигается по-разному. Первое – за счет еще большего *увеличения самоконтроля*, подчинения буквально всех сфер жизнедеятельности диктату Эго. Второе – за счет *трансформации природы личности*. Это, как мне

кажется, более мягкий путь. Конечно, и здесь отказ от определенных желаний и страстей будет происходить, но не за счет все большего самоограничения и зажимов, а за счет постепенного осознания пагубности, разрушительности некоторых желаний, страстей, побуждений *не вообще* для человечества, а *конкретно для тебя*. Разница в том, что в первом случае — это все то же самопринуждение. Во втором — это перевод действия по трансформации себя из сферы *волевого* управления в сферу действия *принципа удовольствия*, т.е. ненасильственного регулирования⁸².

При этом есть возможность не только не увеличивать зажимы в собственном теле и психике, блокирующие отвергаемые побуждения и действия, но и уменьшить их, уменьшив степень *принудительной регуляции*. Тем самым, вместо усиления давления Эго, которым сопровождается увеличение мышечных и психических зажимов, можно достигнуть уменьшения его диктата и, следовательно, большей естественности, большей гармонии личности. Это, в свою очередь, приводит к тому, что разрыв между «Я» и миром уменьшается, а не возрастает, и, тем самым, увеличивается возможность адекватного и в то же время ненасильственного функционирования в мире. Иначе говоря, *возрастает адаптированность человека без самопринуждения и самообособления*. А это означает одну очень интересную вещь: та тенденция эволюции, которая сложилась после вкушения от древа познания и состояла в том, что рост адаптации достигался за счет самоограничения и самоконтроля, увеличения своей изолированности в мире, может измениться на противоположную: рост адаптации оказывается сопряжен с высвобождением личности⁸³.

По отношению к дисгармоничному, расщепленному человеку современной культуры ожидать совмещения внутренней свободы и соблюдения социальных норм наивно. Мне это напоминает коллизию из рассказа В.Ардова о лунатике и управдоме⁸⁴. Там лунатик ночами хо-

дит по крыше, а управдом требует от него, чтобы он не нарушал общественного порядка. А уж если он никак не может обойтись без своей странной привычки, то пусть или подаст заявление о том, что в нынешнюю ночь он отправится гулять, или хотя бы не выходит на крышу в ночной рубашке, а заранее приготовит костюм, переоденется в него, а уж потом отправляется на крышу.

Конечно, аналогия здесь относительная, поскольку явление лунатизма в нашей культуре оценивается как нарушение нормального положения вещей, а человеческая эволюция, безусловно, является естественным процессом. Но вот с такой оговоркой этот пример довольно удачно иллюстрирует утопичность ожиданий управдома, который просто не понимает природы лунатизма. Так же и мы не в полной мере представляем себе природу эволюционного процесса, если ожидаем, что могут быть совмещены рост личностной свободы расщепленного, дисгармоничного человека современной технократической цивилизации и соблюдение социальных норм.

4.2. Буквальная интерпретация эпизода грехопадения

До вкушения от древа познания эволюция осуществлялась в условиях *внутреннего единства* человека с миром и исключала какие-либо формы самопринуждения, насилия над собой. Социализация – это, напротив, процесс *постоянного приведения* собственного поведения и мотивов *в соответствие* с социально приемлемыми. Совместить эти два типа отношений к миру так же нереально, как сомнамбулическую прогулку по крыше с предварительным облачением в костюм. Именно поэтому я думаю, что между двумя этими состояниями сознания – настоящая пропасть. Тем не менее, известно, что в своей эволюционной истории человек прошел именно этим

путем, т.е. испытал на себе, *прожил в себе*, оба эти состояния и оба типа отношения к миру. Как это оказалось возможным и что обусловило столь драматичную трансформацию мировосприятия?

Мне думается, что первый тип отношений с миром — единство, внутренняя гармония — свойствен человеку по природе. Иначе говоря, особенности структуры, созданной действием универсальных сил, таковы, что состояние растворенности в мире, не-самосознательности (дзенское му-син) естественны для нее, не требуют ни специальных усилий, ни самопринуждения. Поэтому сразу после воплощения в мир (появления нового вида — филогенетический аспект, рождения нового человека — онтогенетический аспект, вдыхания души — символический аспект) человек именно так и взаимодействует с миром (а точнее, с самим собой, поскольку себя из мира он пока не выделяет). Однако потом происходит нечто, символически представленное как грехопадение, и мировосприятие человека радикально меняется: начинается процесс социализации — филогенетический аспект, пробуждение самосознания — онтогенетический, изгнание из Рая — символический. Что инициирует подобную трансформацию? Это очень важный момент. Ответ на этот вопрос позволит понять существо процессов, происходящих с современным человеком, а также возможное направление развития событий в будущем.

Однако подойти к ответу на этот вопрос очень и очень непросто. Мы знаем, что символически происшедшее с человеком представлено как вкушение от древа познания добра и зла по наущению змия и вопреки Божьему запрету. В результате этого человек осознал, что он наг, и в смущении спрятался от Господа. Правда, странно? Нарушил *Божий запрет* и, уже *имея знание* о том, что есть добро и зло, смущен тем, что наг. Вряд ли правильно думать, что в Библии есть что-то случайное. Значит, осознание наготы выступает как *символ, квинтэс-*

сенция выражения происшедшей в человеке *трансформации*. (Причем трансформация эта сильнее проявляется в осознании наготы как смущающего обстоятельства, чем в осознании нарушения Божьего запрета.) Можно, конечно, интерпретировать ситуацию в чисто символическом ключе: нагота телесная как выражение наготы духовной. Тогда смущение по поводу телесной наготы — это смущение от осознания духовной наготы. При такой интерпретации все очень привычно: человек совершил плохой поступок — нарушил запрет, осознал все свое несовершенство, смущен этим, поэтому стыдится. Одно плохо: а вдруг описание не метафорическое, а буквальное? Тогда, интерпретируя его исключительно в метафорическом ключе, мы упускаем возможность понять какие-то неочевидные, важные вещи.

Итак, попробуем на ситуацию, представленную в символическом тексте, посмотреть буквально. Что мы тогда обнаружим? Что нагота, на момент первой после грехопадения встречи с Богом, является наиболее смущающим человека обстоятельством. Откуда берется смущение? От осознания того, что совершается что-то неприличное. Ну, понятно, представление о приличном и неприличном — из знания о добре и зле. Но почему сильнее всего травмирует *осознание наготы*? Не связана ли происшедшая с человеком трансформация с каким-то таким изменением самоощущения, что обнаженность области гениталий оказывается самым шокирующим новым опытом? Судя по всему, да. Однако не будем забывать, что и до этого человек был наг, и это его не беспокоило.

Иначе говоря, реальное положение вещей было одним и тем же. Изменилось их *восприятие*. А что послужило тому причиной: то, что он *узнал*, что это плохо, или все же что-то другое? Попробуем *почувствовать в себе*, что, вероятнее, приведет в такое состояние, что окажется страшнее нарушения Божьего запрета — *знание* о том,

что нагота — неподобающая вещь или *ощущение*, что в тебе что-то не так, причем сильно не так. Мне почему-то кажется, что ощущение. Когда мы привычно оцениваем эту ситуацию, отдавая предпочтение знанию, мы, скорее всего, рассудочно экстраполируем ценность знания *для нас* на *того* человека и *то* время, когда и человек, и мир *были другими*. Мне же кажется, что с человеком произошло что-то такое, внешним выражением чего явилось изменение *ощущения самого себя*. И то, что раньше воспринималось как совершенно естественное и не привлекало внимания, вдруг стало восприниматься-ощущаться-переживаться совершенно по-новому.

Из психологии хорошо известно, что внимание привлекает только *изменение привычного положения* вещей. Тогда как, чтобы обратить внимание на привычное, нужны специальные усилия. Например, психотехники, направленные на выработку навыка жить в режиме «здесь и теперь», рекомендуют избирать некоторые *внешние маркеры*, которые будут запускать процедуру отслеживания привычного положения вещей: допустим, всегда, когда я вхожу в двери, я буду задаваться вопросами «что я делаю?», «что чувствую?», «о чем думаю?», «как дышу?» и т.п. Иначе говоря, *заметить привычное трудно*. То, что человек не просто почему-то заметил наготу, а, скажем так, «заметил ее настолько», что смутился больше, чем от нарушения Божьего запрета, говорит о многом. В частности, о том, что это — на момент повествования — было для него самым сильным переживанием.

В результате чего могло такое случиться? Я предполагаю, а) что это связано с новым ощущением себя, и б) в этом новом ощущении область гениталий почему-то оказалась «выделенной». А что это за область в простанстве человеческого тела? Это низ туловища. Т.е. низ туловища в результате происшедшей с человеком трансформации стал ощущаться как-то по-особенному, не так, как раньше.

Теперь зайдем с другого конца. Если мы вернемся к особенностям реликтового мировосприятия, то вспомним, что «узнать нечто» равносильно «пережить в своем теле», «в себе самом», «как часть себя». Между прочим, сходное значение термина «познать» мы встречаем в Библии: «Адам познал Еву». Относительно же восприятия и мышления примитивных культур это установлено совершенно точно. Так, бушмен *знает* о приближении антилопы, т.к. в *своих* глазах *ощущает* появление черных крапинок, на *своих* ребрах *чувствует* прорастающую жесткую шерсть. О том, что старик-отец возвращается из соседнего селения, бушмен узнал, почувствовав в своем теле боль от его старых ран. О том, что жена идет домой, — ощутив, как в его плечи впиваются ремни, на которых она несет за спиной младенца и т.п.⁸⁵.

Итак, для человека ранней культуры познать нечто — значило *пережить в себе самом*, как часть самого себя. Тогда вкушение от дерева познания добра и зла вылилось не просто в проглатывание кусочка яблока, а стало *вбиранием* в самого себя, проживанием в себе добра и зла как *составных частей собственного существа*, самого себя. Иначе говоря, в результате вкушения от дерева познания наши прародители вобрали в себя добро и зло, сделали их составной частью себя самих, собственного внутреннего мира и, как ни парадоксально, собственного тела. Потому что мы отлично знаем, что психическое и телесное — лишь две разных формы проявления одних и тех же базисных параметров структуры. Таким образом, вкушение от дерева познания, скорее всего, привело к трансформации базисной структуры «человек», т.е. того образования, которое было сформировано действием универсальных сил.

В чем могла выразиться подобная трансформация? Человек, созданный и воплощенный как гармоничное целостное существо, функционирующее в единстве с миром, оказался внутренне расколот. Внутренняя рас-

щепленность привела к тому, что он обнаружил себя противостоящим миру. Универсум распался для него на «Я» и «иное». Причем «иное» стало восприниматься как непонятное, враждебное, опасное. Так случилось, что в один миг, *не меняя своего физического местонахождения*, человек оказался выброшен из одного мира — мира гармонии, целостности, любви и опеки — и оказался ввергнут в другой: мир разделения, борьбы и отстраненности.

Теперь, чтобы прокормиться, человеку нужно было приложить немалые усилия. Вот о чем говорит «Будешь в поте лица добывать хлеб свой». Мне почему-то кажется, что не следует понимать это как наказание, наложенное на человека Богом за его грех. Это не Бог наказал его. Он сам себя наказал, радикально изменив собственную природу, собственный внутренний мир и, как неизбежное следствие, свои отношения с внешним миром. Некоторые вещи невозможно совместить (например, хождение лунатика по крыше с предварительным облачением в костюм). Нельзя *вобрать в себя* добро и зло, пережить их как *составную часть своей личности*, расколоть свой внутренний мир *на противоположности* и при этом остаться в гармонии и единстве с миром.

Поэтому, как мне думается, то, что мы привыкли считать изгнанием из Рая, не было изменением *физического местоположения*, но было чем-то гораздо худшим. Человек действительно утратил один мир и обрел другой, но не путем перемещения, а в результате радикальной трансформации собственной природы. Почему я говорю, что это хуже? Потому что если есть такое место «Рай», то есть и надежда, что тебя в него переместят. Но если Рай — это и есть тот мир, в котором мы все живем, но только видим мы его *таким, каковы сами*, то никто тебя никуда не переместит. Только ты сам можешь открыть его, но для этого надо «победить первородный грех», иначе говоря, *изжить* то вбирание в себя добра и зла, которое произошло на заре человеческой истории, надо в обрат-

ном направлении трансформировать человеческую природу, преодолев ее расколотость и конфликт, вернувшись к утраченному единству, миру и гармонии.

Вернемся теперь к вопросу, почему человека так смущала его нагота? Я думаю, можно дать такой ответ. Вкушение от древа познания, т.е. *вбирание в себя, проживание в себе* добра и зла привело к тому, что тело человека, так же как и весь его внутренний мир, как и его психика, оказалось *расколотым* на «хорошее» и «плохое», которые, разумеется, *поляризовались* в утратившем единство и целостность организме⁸⁶. Оппозиции «хорошее» — «добро» — «верх» и «плохое» — «зло» — «низ» слились, и плохое, постыдное, отвергаемое оказалось *пространственно слито с низом* человеческого тела. Кроме того, если принимать во внимание разработки, указывающие на то, что все происходящее с человеком имеет энергетическое обеспечение и выражается в трансформациях энергетического статуса, то, я думаю, есть основания предполагать, что вкушение от древа познания сопровождалось изменением энергетического статуса организма. Возможно, произошла поляризация: верх (голова) оказалась положительно заряженной, низ (область гениталий) — отрицательно. Тогда попытка спрятаться, прикрыться могла иметь чисто физиологическую природу: стремление восстановить прежний энергетический статус в той области, которая стала ощущаться как смущающая, незащищенная. Ведь известно, что, в соответствии с китайской традицией, в центре ладоней находится точка *лаогун*, через которую человек может направлять энергию в искомое место.

Итак, смущение от осознания своей наготы вполне могло служить в качестве концентрированного выражения происшедшей с человеком трансформации, поскольку высвечивало следующие моменты: а) человек *получил* знание о том, что существует «хорошее» и «плохое»; б) он сделал добро и зло *составной частью своей собствен-*

ной природы, вобрав их в себя, прожив их в себе; в) его внутренний мир – и телесный, и психический – *расколотся на оппозиции*, при этом доброе, принимаемое, одобряемое оказалось связано с телесным верхом – головой, а злое, отвергаемое, то, чего следует стыдиться – с телесным низом, областью гениталий.

4.3. Включение самосознания-самоконтроля

Итак, в результате грехопадения человек обрел новое мировосприятие. Теперь мир виделся ему не единым, целостным, гармоничным, а расколотым, враждебным, чужим. Фактически, получив знание добра и зла = прожив в себе, как составную часть самого себя, добро и зло, он обрел новый взгляд на вещи. На самом деле произошла действительно грандиозная трансформация, которая включала несколько взаимосвязанных пластов: а) изменилась *внутренняя природа* человека, т.е. структура, созданная на уровне универсальных сил; б) изменилось *восприятие* мира; в) изменилось *отношение* с миром и с самим собой.

Первый пласт изменений был связан с тем, что человек вобрал в себя, сделал составной частью *самого себя* добро и зло, расколол свой внутренний мир на оппозиции, одна из которых стала желательной, принимаемой, другая – нежелательной, отвергаемой. Но на самом-то деле мир как был, так и остался единым, целостным, где нет хорошего и плохого, а есть разрушительные и созидательные силы или тенденции. Расколотый человек не властен изменить природу событий, и то, что должно реализоваться, все равно реализуется: что-то будет разрушено (в том числе и в нем самом), что-то создано. То обстоятельство, что он оценивает происходящее, как хорошее или плохое, в позитивном направлении никак не может повлиять на течение процессов. А в негативном – может:

через угнетение собственных жизненных сил (а оно обязательно последует, даже если на начальном этапе была достигнута их гиперстимуляция). Ведь бороться с миром — все равно, что бросать бумеранг в пустое пространство: там он никого не заденет, а, вернувшись, ударит человека.

Как бы негативно ни оценивали мы действие *разрушительных сил*, направленных против того, что нам хотелось бы *сохранить*, наше отношение не повлияет на естественное течение событий. Зато оно может повлиять на нас самих: бесплодная борьба истощает силы и подрывает веру в себя. Точно также, действие *созидательных сил* в тот момент, когда нам хотелось бы что-то *разрушить*, *устранить*, также может оцениваться негативно, как зло. Но и в этом случае, формируя отношение неприятия, мы никак не повлияем на ход событий (по крайней мере, в желательном для нас ключе). Таким образом, новый взгляд на вещи, который, с одной стороны, предполагал разделение сущего на *взаимоисключающие* компоненты, с другой — еще и *их оценку*, как желательных или нежелательных, — только расчленил внутренний мир человека, привнеся в него дисгармонию и конфликт.

Второй пласт изменений затрагивал трансформацию *глобального мироощущения* человека. Отношение принятия происходящего, *следование в потоке событий*⁸⁷ избавляло от бесплодной борьбы и внутренней неудовлетворенности. Происходившее не оценивалось как хорошее или плохое, оно просто принималось, и человек к нему подстраивался. Однако после того, как появилось «хорошее» и «плохое», «желательное» и «нежелательное», «принимаемое» и «отвергаемое», все изменилось. Мир, ощущавшийся раньше единым, оказался для человека поделен на оппозиции. Это само по себе уже серьезное огрубление реального положения вещей, ведь на самом деле континуум непрерывен. Но кроме того, все происходящее стало сопровождаться оценкой. А это еще боль-

ше искажает подлинную картину: ведь то, что хорошо с одной точки зрения, плохо с другой. Появилась проблема выбора: сначала фактологического, потом морального. А вместе с возможностью выбора — и чувство сожаления, вины и ответственности за «неверный выбор». Нетрудно видеть, как постепенно внутренний мир человека (безусловно, усложняясь) все больше обрастал аффективными проблемами. Так трансформация внутреннего восприятия влекла за собой изменение эмоционального фона жизнедеятельности человека. Причем, заметим, без какого-либо давления извне, исключительно в соответствии с внутренней логикой развития процессов.

Третий пласт — изменение *отношений с миром* и с самим собой. Первое, на что хотелось бы обратить внимание, — что для человека на ранних стадиях культурного развития не существует такого разделения: он и мир — одно целое (об этом свидетельствуют данные антропологии). Выделение себя из мира, противопоставление себя миру возникает позже, вследствие проживания в себе оппозиции добра и зла. Как видим, общее направление изменения жизни человека после грехопадения таково: граница сначала возникает в нем самом — между добрым в человеке (это обычно все, относимое к сфере духовности) и злым в нем же (это обычно то, что связано с телесностью). Затем она отодвигается немного дальше от «сердцевины», «ядра» (от только что *возникшего «хорошего»*) и оказывается помещенной между ним, как самостоятельно функционирующей сущностью, *и миром*. Так человек оказывается отделенным от мира и противопоставленным ему. Дальше она перемещается *в мир*, и теперь все, происходящее *там*, воспринимается как вечная борьба и конфликт.

Все это как бы *одна сторона* проявлений происшедшей в человеке трансформации. Но есть и *другая*: вновь образовавшиеся компоненты человеческого опыта — душа и тело, Я и мир, происходящее в мире, — снабжаются *оценочными маркерами*: «хорошо», «плохо», «без-

различно». Это очень важный момент: теперь уже человек не может просто плыть в потоке жизни, с благодарностью принимая все, посылаемое ему. Теперь он «видит» в происходящем хорошее и плохое; воюет с «плохим» и борется за «хорошее». Последствия такой борьбы и войн мы видим на примере сегодняшнего состояния человека технократической культуры, его внутреннего мира, его здоровья и состояния окружающей среды.

Таким образом, в самом общем виде, как мне кажется, мы можем сказать, что главный когнитивный итог того изменения природы человека, которое в Библии представлено как грехопадение, состоит в следующем: а) человек обрел *границу* (разграниченность, расчлененность) *как способ рассмотрения* всего существующего и б) все существующее он *снабдил оценками*.

Интересно, что в плане когнитивной эволюции этот этап развития мог бы, на мой взгляд, быть представлен как формирование абстрактных понятий (возникающих в результате приложения принципа оппозиции) и оценочных суждений.

Итак, до сих пор мы рассматривали те аспекты влияния грехопадения на последующую эволюцию человека, которые, если так можно сказать, связаны с *утратами*: утрата целостности, ощущения единства, слитости с миром, способности жить «здесь и теперь», не сожалея о прошлом и не планируя будущего, а *просто принимая* происходящее. Но ведь были и *обретения*, положительные или отрицательные – не будем судить, т.к. это опять получится результатом нашего «грехопаденческого» восприятия мира. Просто посмотрим, каковы они.

4.4. Человеческое сознание

Специфически человеческое сознание, т.е. то, с чем мы знакомы по нашему сегодняшнему повседневному опыту, а не универсальная сила, участвовавшая в созда-

нии структуры «человек», на мой взгляд, и является одним из приобретений человека после грехопадения. Что я имею в виду? Чтобы пояснить это, попробуем проследить, как из воплощения в физическом мире *универсальной силы* «сознание» рождается *человеческое* сознание.

Итак, мы помним, что после того, как Бог вылепил человека из глины и решил, что «это хорошо», он вдохнул в него душу. Мне думается, что этому символическому описанию истории человеческой эволюции соответствует возникновение человека как вида на земле. Еще один ключевой момент — это грехопадение. Ему в когнитивной эволюции соответствует такая трансформация мировосприятия, когда человек формирует представление о границе и начинает его использовать в рассмотрении всего существующего, а результаты такого рассмотрения еще и оценивает с позиции «хорошего — плохого», «доброе — злого», «принимаемого — отвергаемого». Как мы помним, в результате приложения принципов границы и оценки к самому себе формируется дихотомия «верха — низа», где «верх» оказывается слитым с понятием «добро».

Я думаю, что веществом нашего мира, которое играет роль субстанции, насыщающей жизнью структуру, созданную универсальными силами, является материя-сознание, или сознающая материя, или материальное сознание. Что имеется в виду? Если анализировать концепцию инь-ян, то мы поймем, что жизнеспособными являются структуры, созданные не только из пропорционально равновеликих объемов этих видов энергии, но и те, где содержится лишь малая толика одной из них и основная часть другой, а также все промежуточные варианты.

Иначе говоря, наличие всего двух универсальных сил делает возможным появление огромного богатства и разнообразия форм. Мы же, говоря о живом, фактически принимаем во внимание лишь тоненькую пленочку жизни, образующуюся *на границе* соединения энергии земли (инь) и неба (ян). Но, может быть, жизнь существует

на всю глубину взаимодействия этих видов энергии, т.е. и там, где энергия ян максимальна, а инь минимальна, и там, где они представлены в разных пропорциях, и там, где ян почти сошла на нет, а инь получила наибольшее выражение? Теоретически это вполне возможно, просто эти формы жизни не даны нам в непосредственном опыте, мы не можем их «потрогать руками». Но мы многое не можем ощущать: и ультразвук, и инфракрасное излучение, и радиацию. Это же не значит, что их не существует. Что же касается того, что знание об их существовании подтверждено наукой, так и это произошло совсем недавно. А до того, как это произошло, и мы ничего не знали о них, разве их не было?

Поэтому я считаю, что мы вправе формулировать предположения, которые, хотя и расходятся с общепринятым на сегодняшний день представлением, но непротиворечивы и позволяют лучше понять те вещи, которые по-другому объяснить не удастся, а приходится просто отрицать. Вот одним из таких предположений и является, на мой взгляд, допущение, что *формы жизни разнообразны не только по структурам, но и по субстратам их воплощения*. Что я имею в виду? Сейчас, всё, с чем мы знакомы и что признаем живым, оказывается сделанным из вещества, которое в философских построениях мы именуем материей. Некоторые системы (разумеется, идеалистические) признают существование такого субстрата, как дух, идея, сознание и, напротив, отрицают субстрат «материя», утверждая, что и она — дух; или же утверждают первичность сознания (духа) и вторичность материи (вещества).

Таким образом, я бы сказала, что сегодня в объяснительных концепциях мы имеем дело с двумя крайними формами воплощения энергий инь-ян: в первой инь максимальна (материя), а ян вообще отсутствует, во второй — наоборот, ян максимальна, а инь отсутствует (сознание). Я же говорю о том, что *ничто не запрещает су-*

ществования и таких субстратов, в которых *оба этих вида энергии представлены, но в разных пропорциях*. Разнообразие жизни, которое признается сегодня, оказывается проистекающим от обилия структур (идей, образцов), которые воплощены в этом одном-единственном веществе-носителе. Я же предполагаю, что возможно разнообразие жизни не только в плане вариаций по переменной «структура», но и по переменной «вещество-носитель». Как нетрудно видеть, при таком допущении неисчислимо возрастают вариации живого, которое содержит уже не только те формы, которые мы сегодня можем пощупать, увидеть, услышать, понюхать, попробовать, но и те, которые на сегодняшний день не даны нам в непосредственном ощущении⁸⁸.

Итак, я предполагаю, что существуют два параметра, обуславливающих разнообразие живого: а) то, какие универсальные силы участвовали в создании структуры (в какой пропорции, на каком этапе ее порождения); и б) то, какое вещество-носитель служит субстанцией воплощения полученной структуры. Мне думается, что форма жизни, с которой непосредственно соприкасается человек в обыденном опыте, представляет собой широкий спектр структур, воплощенных в веществе, которое условно я бы назвала материя-сознание (или осознающая материя, или материальное сознание). Почему я предпочитаю говорить об *осознающей* материи или *материальном* сознании, а не просто о материи или не просто о сознании?

Традиционные подходы имеют дело со взаимоисключающими противоположностями (материя – сознание), как базисными объяснительными субстратами. Поэтому чисто методологически, как мне кажется, следует ожидать, что и весь мир будет поделен на противоположности, будет состоять из необъяснимых скачков (например, переход количества в качество) и формой жизнедеятельности в нем будет борьба. А это, как я уже

пыталась показать, характеризует вполне определенную фазу развития человека как вида. А именно, диссоциированного, дисгармоничного, потерянного человека⁸⁹.

Действительно, очень много ценных и интересных вещей можно понять и объяснить на базе этих двух глобальных концепций (моделей мышления). Но сам факт, что за две тысячи лет ни одна, ни другая не смогла найти решающих аргументов для доказательства своего превосходства, и выбор одной из них (в качестве базисной) для каждого конкретного человека до сих пор является, скорее, мировоззренческим актом, говорит, на мой взгляд, о том, что обе они видят *лишь одну сторону происходящего*. Таково первое обстоятельство, стимулирующее к тому, чтобы признать широкий спектр (а фактически, континуум) субстратов воплощения (в зависимости от пропорциональной представленности энергий инь и ян). Этот континуум я и называю «материя-сознание».

Другое обстоятельство — опыт людей, соприкасавшихся с альтернативной реальностью. Например, подруга и сподвижница Шри Ауробиндо, которую последователи называли «Мать», многие годы жизни посвятила тому, чтобы попытаться *в собственном теле* понять, ощутить природу тех трансформаций, которые происходят с человеком, когда он отказывается от границ мировосприятия. Или, как она говорила, «выходит по ту сторону сетки, опутывающей мир». Она отмечала, что пребывание в этих двух так по-разному ощущаемых мирах — привычном и альтернативном, лишенном расщепленности и самости, — не сопровождается никаким физическим перемещением. «Так» — и ты здесь, «так» (ладонь повернута), — и ты там. Это, на мой взгляд, свидетельствует о том, что мир один и тот же, и человек один и тот же. Но иное *состояние сознания* позволяет все волшебным образом трансформировать настолько, что это ощущается как очень сильное и драматичное переживание: один мир полон любви, света и гармонии, другой — обмана и вражды.

Мать говорила, как, впрочем, и многие другие адепты, о том, что в «другом» мире все одухотворено, все как бы *светится внутренним светом*, живет *собственной жизнью*, — причем это касается не только живых предметов природного мира, но и созданных человеком объектов. Например, ванная комната начинает выглядеть по-другому, многие привычные предметы как бы раскрываются навстречу человеку. Но ведь на самом деле их природа не изменилась. Она какой была, такой и осталась. Это человек в результате личностной трансформации начал все видеть по-иному. А поскольку переживание такого альтернативного мира ощущается как счастье, радость, полнота знания и обладания, постольку, я думаю, можно считать, что именно такое видение является подлинным, незамутненным. О том же, на мой взгляд, говорит и то обстоятельство, что подобного рода видение сопряжено с преодолением собственной ограниченности и стремления судить (при таком альтернативном восприятии все просто принимается⁹⁰).

Здесь можно говорить о многих интересных вещах. Но главное — это то, что люди, развившие в себе способность альтернативного восприятия, свидетельствуют о том, что сознанием наделено все. Сама материя является сознающей. Нет ничего безжизненного, неодухотворенного. *Только в нашем расщепленном, диссоциированном состоянии окружающее воспринимается так.*

Таким образом, два обстоятельства: чисто теоретические соображения и практические свидетельства — склоняют меня в пользу того, чтобы допустить существование такого субстрата, как материя-сознание (или осознающая материя, или материальное сознание — в зависимости от степени представленности каждой из универсальных сил).

Тогда я сказала бы, что структура «человек», воплощаясь в нашем мире, автоматически облекается в «материю-сознание». Просто потому, что это — вещество-но-

ситель нашего мира. *Из него состоит все, встречающееся здесь.* И уже это обстоятельство обуславливает то, что ранний человек, человек до грехопадения, един, целостен, гармоничен и созвучен всему миру, который, как и он, составлен из того же вещества-носителя для разных, всевозможных структур. Именно это мироощущение, как мне кажется, очень органично выражается киплингвским: «Мы одной крови – ты и я». Причем оказывается, что это не просто красивая метафора, а буквальное описание существующего положения вещей. Почему же нам кажется это таким удивительным? Почему мы, как Адам или как Маугли, не можем понимать язык животных и растений? Потому что мы пережили ту трансформацию, которая представлена в Библии как грехопадение. С точки зрения эволюционной истории человека я уже рассматривала этот мотив. Посмотрим теперь на происшедшее с точки зрения проблемы сознания.

Здесь, как мне кажется, можно увидеть следующее. В момент вбирания в себя-проживания в себе добра и зла происходит не только диссоциация мировосприятия, о которой уже шла речь. Происходит нечто более фундаментальное, о чем я раньше говорила как о *трансформации природы человека*. Что это за трансформация? На мой взгляд, происходит *диссоциация единого вещества материя-сознание*, в котором воплощена структура «человек». Оно распадается на материю – и это уже несознающая материя, материя, лишенная сознания, и сознание, которое тоже теперь лишено качества материальности. Отныне это и будет тот мир, в котором живет человек. Именно эти его параметры гениально улавливаются двумя глобальными философскими концепциями. И именно поэтому оба эти направления «правы»: и материализм, признающий первичность материи, и идеализм, признающий первичность сознания. Мир действительно может быть рассмотрен, как с одной, так и с другой позиции. И мы действительно получим его хорошее описание с

очень мощными объяснительными возможностями, потому что *наш мир* — именно такой: расколотый, разорванный, поделенный на противоположности, которые *исключают* друг друга. Именно поэтому объяснительные сложности этих моделей видны только тогда, когда мы смотрим на него как бы *извне*. При взгляде *изнутри* все так и есть, как это принято считать.

Итак, *собственно человеческое сознание*, как способность, с которой мы имеем дело в повседневной жизни и особенности которой мы можем наблюдать и на самих себе, и на наших друзьях, — это человеческое сознание рождается в тот момент, когда человек вбирает в себя, проживает в себе то, что составляло Божественную тайну и что разрывает его внутренний мир настолько, что полностью изменяется его сущность за счет изменения вещества-носителя, в котором воплощена структура «человек». Отныне сам он состоит из материи *и* сознания, тела *и* души, доброго *и* злого. И мир вокруг него оказывается — для него — таким же: в нем есть одушевленные существа и неодушевленные предметы, в нем есть формы, а есть их содержания, в нем есть хорошее и плохое, принимаемое и отвергаемое. Вся последующая история эволюции человека — это эволюция вот такого *изначально трансформированного человека*. И вся культура, которая развивается, и наш привычный взгляд на вещи — это культура и взгляд *таким образом* трансформированного человека.

5. СОВРЕМЕННЫЕ КОГНИТИВНЫЕ СПОСОБНОСТИ

Итак, воплощенный человек (как вид и как индивид) наделен способностью материализующего сознания или сознающей материи. Параметры этой способности (которую Мать, по свидетельству Сатпрема, называла «телесным сознанием») таковы⁹¹:

- внутреннее видение (видение-осязание);
- отсутствие центральной оси упорядочения опыта (эго);
- отсутствие самосознания (у Д.Т.Судзуки данная способность упоминается как «му-син», Мать говорит о ней следующим образом: «как только осознаешь, все пропадает»);

- отсутствие ограничений пространства-времени. Доступно отдаленное прошлое и будущее. Все сосуществует в режиме «здесь и теперь»;

- постижение через проживание в себе. Стремясь понять объект, человек не анализирует и преобразует его, а *становится им*;

- человек понимает язык птиц и животных (символическое выражение данной способности мы встречаем у Адама; святые также были способны к такому взаимодействию с миром – вспомним Франциска Ассизского, устыдившего «Брата-Волка», который пожирал людей, а также то, как он общался с птицами – см. «Цветочки»; этой же способностью обладают шаманы).

Однако в результате постижения (проживания в себе) добра и зла изначальная субстанция воплощения структуры «человек» (материя-сознание) видоизменяется, распадаясь на противоположные составляющие – бессознательную материю и нематериальное сознание. Отныне эта прежде устойчивая структура теряет свою целостность и уравновешенность. Вместо гармоничного сочетания центростремительных и центробежных тенденций начинают преобладать последние. В результате структура, ранее не нуждавшаяся в дополнительных средствах поддержания целостности, оказывается на грани разрушения, распада. Чтобы выжить, каким-то образом восстановить утраченную целостность, компенсировать возникшее неравновесие и неустойчивость, человек вынужден преобладающим отныне центробежным тенденциям противопоставить некое объединяющее начало.

Эту функцию, на мой взгляд, и выполняет самость⁹², это, Я-тенденция⁹³. И именно в этом мне видится причина того, почему самость так укоренена в человеческой культуре, хотя многочисленные свидетельства – и духовные, и практические – убеждают в том, что «Я» – не более, чем иллюзия. Даже в том случае, если человек на уровне сознания принял это суждение, мысленно согласился с ним и пытается отказаться от этого затемняющего представления⁹⁴, ему очень трудно осуществить это на практике.

Итак, в результате грехопадения произошла трансформация параметров излучения, поскольку материя и сознания, составлявшие ранее одно целое, оказались оторваны друг от друга. Открывшийся человеку мир был совсем другим, новым, незнакомым, опасным. В прежнем мире материи-сознания все было понятно, т.к. существующее в нем имело те же параметры, что и вещество-носитель структуры «человек» («мы все одной крови – ты и я» Р.Киплинга). Поэтому способом постижения в подобных условиях было «вчувствование» в объект. Если опираться на свидетельства духовных подвижников, а также

данные культурной антропологии, то можно сказать, что подобное вчувствование предполагает следующие моменты: а) человек обращает внимание на объект, б) тот начинает как бы изнутри светиться в ответ (озаряется внутренним светом), в) человек как бы проникает внутрь объекта, становится им, переживает происходящее в нем, как в-самом-себе-совершающееся. Поэтому такое постижение мгновенно, точно, полно, ярко.

Не исключено, что именно такой тип восприятия-вчувствования лежал в основе эзотерического знания: когда человечество уже утратило эту способность постижения и всемерно развивало способность сознания, короли-священники⁹⁵, возможно, сохранили ее. И именно поэтому оказались способны извлекать знание той степени глубины, которая уже была недоступна рядовым членам сообщества. Отсюда и представление о «древней мудрости»: «древней» — потому, что она базировалась на той способности постижения, которая была свойственна раннему человеку. Кроме того, мне думается, что именно эта реликтовая способность знания-вчувствования лежит в основе *глубинных научных прозрений*. Данным обстоятельством может объясняться и характер внутренних переживаний в момент инсайта: мгновенное постижение, решение обнаруживается разом, во всей полноте, еще до того, как построена логическая цепочка объяснения, человек ощущает восторг, блаженство. И напротив, *рутинные* научные методы, на мой взгляд, основаны как раз на эволюционно более позднем способе постижения — методе проб и ошибок, когда человек в своем узнавании ориентируется на возможность непосредственного взаимодействия только с поверхностной стороной объектов.

Итак, в результате произошедшей трансформации человек оказался в чуждом и неведомом мире. Но самое неприятное заключалось в том, что он утратил способность постижения, которой спонтанно и ненасильствен-

но обладал ранее: он больше не мог *стать* каким-либо объектом, поскольку его природа теперь была *иной, альтернативной* по отношению к тому, чем он мог бы стремиться почувствовать себя (ведь параметры излучения мира остались прежними, изменился только человек).

Итак, мир, который *теперь* «отзывался», резонировал в ответ на это новое изучение, был совсем другим, чем прежде. Субъективно это переживалось как выпадение в совершенно новый, незнакомый, ранее неведомый мир. При этом была утрачена прежняя способность постижения через проживание в самом себе. В результате, как мне кажется, должна была сложиться довольно драматичная ситуация: выживание требует *понимания* происходящего и в некоторых случаях предсказания хотя бы ближайшего будущего, а человек утратил способность постижения, которой обладал вот только что. Он еще отчетливо помнит, как это делается. Он по-прежнему пытается использовать тот же прием. Но ничего не получается: в ответ на направление внимания объекты больше не озаряются внутренним светом, не раскрываются навстречу человеку. Он *пытается* стать объектом, *ощутить в себе* происходящее в нем, но ему это не удается, теперь он всегда *вне* объекта⁹⁶.

Но выживать необходимо. И человек оказывается *вынужден* искать какие-то другие способы постижения. Он начинает действовать вслепую, «методом проб и ошибок» (в просторечье, «методом тыка»⁹⁷). Постигание *глубинной* сути предметов в переживании-проживании больше не доступно. Отныне непосредственно воспринимается лишь *внешняя, поверхностная* сторона объектов. Понятно, что огромное количество предметов при этом *становятся неразличимыми*, или различаются несущественно (ведь их внутренняя, сущностная природа больше не ощущается, а чисто внешне многие предметы сходны). Это, на мой взгляд, и есть *основа, предпосылка* обобщений, категоризаций, формирования в языке общих

понятий. Не случайно у примитивов каждое дерево, каждый кустик, каждый пригорок имеет свое название⁹⁸. Мы этому удивляемся, мы не понимаем, как можно так изнурять свою память. Мыслимое ли дело помнить сотни индивидуальных имен предметов, которые вообще-то все — «дерево»! Нам не понятно, зачем им это нужно. А они просто так видят, так ощущают и переживают мир. Они *спонтанно и без усилий* воспринимают глубинную природу каждого конкретного дерева, поэтому для них все они различаются так же, как для нас различаются наши знакомые. Ведь для нас они не просто — люди, а Иван Петрович, Тамара Сергеевна, Николай Александрович. Мы их помним под собственными именами не потому, что не способны к категоризации, а потому что для нас они все разные: каждый со своим характером, привычками, пристрастиями. Примерно то же, я думаю, верно и в отношении представителей примитивной культуры. Только они еще не обладают способностью к обобщению, поскольку не имеют предпосылок к этому. Их восприятие окружающего таково, что затрудняет «неразличение» деталей. Они слишком отчетливо видят их своеобразие, неповторимость.

Потом общее понятие начинает восприниматься как признак, качество: «дерево» — быть деревянным, «камень» — быть каменным. На этой основе уже возможно формирование абстрактных понятий — «деревянность», «быстрота», «краснота», «пустота».

Что лежит в основе подобной динамики когнитивных средств? На мой взгляд, специфика жизненной ситуации, в которой человек оказался вслед за проживанием в себе добра и зла. Как я уже отмечала, это, с одной стороны, «выпадение» в совершенно новый, *неведомый мир*, с другой, — *невозможность его узнавания* с помощью ранее имевшихся средств постижения. В этих условиях поиск и всемерное развитие каких-то альтернативных средств познания оказался в буквальном смысле вопросом жизни и смерти.

Почему когнитивные средства развивались именно в том направлении, в каком это характерно для современной технократической культуры?

А по-другому, скорее всего, просто и не могло быть. Поскольку человек утратил способность спонтанного, глубинного постижения сущности объектов, но сохранил возможность взаимодействия с их *поверхностными* структурами, он мог опираться лишь на эту возможность. Что это означает? Это и означает развитие тех средств, которые основаны на использовании пяти органов чувств, обеспечивающих взаимодействие именно с *таким* уровнем реальности. Сущность определенным образом *представлена* в своих поверхностных проявлениях, и теперь, добираясь до сущности, человек оказывался вынужден идти именно *от поверхностных проявлений* (и от *собственных средств восприятия* этих поверхностных проявлений) к глубинным.

Однако совершенно очевидно, что этот путь (от восприятия поверхностных проявлений на основе использования собственных органов чувств — к постижению сущности) опосредован гипотезами и мысленными реконструкциями. Ведь как бы хорошо ни ощупали, ни обнюхали, ни потолкали предмет, мы непосредственно получим информацию о том, каков он *наощупь* — гладкий или шершавый, ребристый или округлый, чем он пахнет, какую имеет *форму, цвет*, как *поддается воздействию* и т.п. Но все это само по себе совсем не является сутью предмета. А его суть *необходимо знать* для того, чтобы *предвидеть* его поведение, чтобы *использовать* его в своей жизни, в конце концов, чтобы *не бояться* его⁹⁹.

Из всех этих предпосылок и вырастает то, что мы называем современной наукой. Любой объект, с которым мы имеем дело, предстает для нас как некий вариант черного ящика: мы знаем, каков он снаружи, знаем, что происходит в результате того, что мы поступим с ним тем или иным образом, но мы не знаем, *почему*. И все наши по-

иски оказываются ориентированными на то, чтобы понять, *почему* (ведь это и будет означать, что мы узнали его *глубинную суть*). Отсюда, как мне кажется, исключительная ориентация западной традиции на поиск *причинно-следственных связей*¹⁰⁰.

А что такое выявление причинно-следственных связей, поиск сути, если он движется от внешнего к внутреннему? Это всегда мысленный эксперимент, домысливание, предположение и его проверка. Иначе говоря, *неизбежным* становится колоссальное возрастание значения и роли мыслительной сферы в жизни человека. Потому что отныне только таким путем — через исследование внешних проявлений, гипотезы о том, какими причинами обусловлено то, с чем мы сталкиваемся на поверхности, и их проверку — мы можем узнавать, что там внутри.

Таким образом, как видим, *сама логика эволюции человека как вида обусловила выбор направления его когнитивной эволюции*. В качестве предпосылок я бы обратила внимание на следующие обстоятельства:

- человек оказался в новом для него мире;
- он утратил возможность постижения, с помощью которой ориентировался ранее;
- он испытывал практически не проходящее чувство страха и неуверенности;
- у него сохранилась единственная возможность познания — через использование органов чувств и взаимодействие с поверхностными пластами предметов;
- теперь постижение сути оказалось неразрывно связанным с поиском ответа на вопрос «почему?» (т.е. выявление причинно-следственных связей): почему мы имеем на поверхности то, что имеем? Почему предмет ведет себя так, а не иначе?

И, наконец, самое главное: утрата способности непосредственно переживать суть объектов привела к тому, что многие *аспекты, определяющие их специфику, стали для нас не воспринимаемыми*, как бы стерлись, исчезли.

Это и было, на мой взгляд, важнейшей предпосылкой того, что эволюция когнитивных средств освоения мира оказалась ориентированной на выделение *общего* в многообразном, на формирование на этой основе идеализаций и абстракций.

В пользу данного вывода свидетельствует то обстоятельство, что представители примитивных культур, обладая завидной памятью, острой наблюдательностью и прекрасным воображением оказываются неспособными к осуществлению простейших, с нашей точки зрения, операций. Например, счет их очень утомляет. Они могут начинать считать «один, два, три». Затем следует «много». А если их просят продолжать, говорят, что они очень устали. Или еще пример. Один представитель племени выполнял по просьбе экспериментатора счет. Досчитав до 60, он сказал, что дальше считать не будет, потому что таких больших стад свиней просто не бывает.

Ранее бытовавшая точка зрения, в соответствии с которой они этого делать не могут, потому что у них слабо развито мышление, сейчас уже никого не убедит, поскольку совершенно очевидно, что во многих отношениях примитивы дадут сто очков вперед современному человеку. Значит, причина здесь не в слабости их мыслительных возможностей, а в чем-то другом.

Иногда предполагают, что причина в том, что им это просто не нужно. При таком подходе оказывается, что арифметика и геометрия стали развиваться потому, что человеку *понадобилось* решать хозяйственные задачи, связанные с пересчетом площадей, учетом потребленных продуктов и материалов и т.п. Но какие у нас основания думать, что развитие счета явилось следствием новых хозяйственных потребностей, а не то и другое (и новые хозяйственные потребности, и способность счета) — синхронистическими событиями (в терминологии М.-Л. фон Франц), обусловленными констелляцией некой новой жизненной ситуации? Явления в мире связаны такими

сложными зависимостями, что иногда их сведение к простым и однозначным причинно-следственным отношениям существенно огрубляет картину происходившего.

Анализ логики эволюции человека и сопутствовавших этому процессу изменений его когнитивных возможностей склоняет меня к мысли, что в основе и новых познавательных возможностей, и развития новых познавательных средств, и возникновения новых хозяйственных задач лежало нечто общее. И это общее, на мой взгляд, — *изменение сущностной природы человека и сопутствовавшее ему изменение характера мировосприятия* (утрата спонтанной способности постигать в непосредственном усмотрении суть объектов, а также трансформированное видение самих предметов и их свойств¹⁰¹).

Иначе говоря, примитивный человек не потому не использует обобщений и абстракций, что это *в принципе* за пределами его возможностей, и не потому, что отсутствуют хозяйственные задачи, которые побудили бы его к этому, а потому, что его видение мира и конкретных объектов делает такой прием *слишком грубым, слишком насильственным* по отношению к миру, неорганичному миру.

Мне кажется, это подобно тому, как если бы нам сказали: «Дайте собственные имена всем деревьям в парке возле вашего дома. И отныне, когда захотите что-то сказать о деревьях, уточняйте, используя собственное имя, какое конкретно дерево вы имеете в виду». Я думаю, такая инструкция вызвала бы у нас чувство внутреннего протеста: «Какой смысл? Зачем? Что это дает? То, что я могу сказать о деревьях, чаще всего имеет отношение к любому из них, а не к какому-то конкретному. Так зачем так напрягаться?».

Обратим внимание: я не хочу этого делать не потому, что *не могу*, а потому, что *не вижу смысла*, ведь та функция, в которой деревья выступают по отношению ко мне, не требует их индивидуального различения. Грубо говоря, они для меня все на одно лицо. Я вижу, что чис-

то внешне они различаются, но для меня это различие не существенно, потому что их суть (для меня) — одна и та же. Наверное, если бы я могла на какое-то мгновение *стать* каким-то конкретным деревом, *ощутить его как часть самой себя, пережить* его сущность в себе, оно навсегда для меня осталось бы особенным, выделенным, не похожим на другие. Но поскольку мне это не доступно, и то отличие от других деревьев, которое я обнаруживаю в результате чисто внешнего взаимодействия с ним, не существенно для моих повседневных нужд, я абсолютно ненасильственно отношу его к общей категории «дерево».

Как видим, здесь действительно можно сказать, что я этого не делаю, потому что мои *повседневные нужды* никак не связаны с индивидуальным именованием деревьев. А можно сказать, что я этого не делаю потому, что не способна к непосредственному переживанию глубинной сути данного конкретного объекта. И то, и другое объяснение, в принципе, справедливо. Но второе мне кажется более фундаментальным: ведь даже если мои повседневные нужды изменятся и для меня будет полезно и выгодно использовать индивидуальные имена для каждого дерева, это еще не означает, что для меня станет возможным непосредственное взаимодействие с их глубинной сутью, которое, по большому счету, и лежит в основе индивидуации воспринимаемого.

Итак, в основе *современной эволюции когнитивных средств, на мой взгляд, лежит утрата способности непосредственного восприятия-переживания сути предметов, а также изменение параметров внутреннего мира человека за счет его распада на противоположности*. Первое привело к тому, что единственным источником получения знания об объектах стало исследование различных внешних проявлений их сущности и ее *реконструкция* в процессе выявления *причинно-следственных связей*, ведущих от *внешнего к внутреннему*. Второе — к тому, что мир, в

котором человек был вынужден жить, оказался для него поделенным на противоположности, утратившим целостность. Т.е. мало того, что отныне он мог непосредственно взаимодействовать только с *внешней* стороной объектов, но и восприятие этой внешней стороны оказалось *искаженным* в соответствии с собственной диссоциированной природой человека.

Таким образом, мы видим, что серьезно осложнились условия адаптации к окружающей действительности. Вместе с тем, задача выживания требовала того, чтобы были найдены средства, позволяющие *компенсировать эти затруднения*, поскольку устранить их человек не мог. Таким средством компенсации в познавательной сфере, как мне кажется, и стало всемерное развитие мышления, и в частности, сознания, а также тех средств, которые с ним связаны. Почему я думаю, что сознание может рассматриваться как средство компенсации тех утрат познавательных возможностей, которые человек понес в результате грехопадения?

5.1. Сознание и я-ось

Как известно, сознание теснейшим образом связано с Я в человеке. И поскольку Я-ось, на мой взгляд, формируется как средство компенсации центробежных тенденций в структуре человека, постольку и сознание, на мой взгляд, может рассматриваться как средство решения той же задачи только на другом уровне: Я-ось компенсирует доминирование центробежных тенденций на уровне *структурной* организации человека, сознание выполняет компенсаторную функцию в *мыслительной* сфере. А в основе — одно: человек формирует сам, буквально выделяет из себя, *собственную силу*, не уступающую по мощи универсальным, которая призвана обеспечить равновесие структуры «человек» в новых, необыч-

ных и непривычных для него условиях. Вот эта-то противостоящая распаду человека и продуцированная им самим сила и предстает на уровне структурной организации как *Я-ось*, а на уровне мышления как *сознание*. В своей же основе это одно – сила, призванная обеспечить сохранение стабильности структуры в новых условиях преобладания тенденций к распаду.

Таким образом, еще раз подчеркну, что я различаю две формы употребления термина «сознание»: с одной стороны, как *универсальной* силы, которая участвует в *создании* структур, воплощающихся на уровне физического мира, и с другой, – как силы, продуцированной *самим человеком* в процессе его эволюции с целью *приспособления* к специфическим новым условиям. Второе можно рассматривать как *этап эволюции первого*.

И вот какую цепочку взаимосвязей я здесь вижу: сознание, как универсальная сила, участвовавшая в формировании человека как вида, несло в себе оба вида энергии – инь и ян. По преимуществу, я думаю, ян, поскольку именно эта разновидность энергии рассматривается как обладающая наибольшим творческим потенциалом, активностью, жесткостью, проникающей способностью. Но и инь, скорее всего, была в ней представлена, хотя бы и в виде зародыша, поскольку любое гармоничное образование содержит в себе оба вида энергии. По мере продвижения к воплощению в физическом мире представленность инь нарастает, поскольку именно этот вид энергии выполняет функцию овеществления, наполнения чем-то осязаемым, вещественным, плотным. Это приводит к тому, что, воплощаясь в физическом мире, структура «человек» предстает как единство и пропорциональная представленность обоих вариантов энергии – инь и ян.

В результате проживания в себе добра и зла внутренняя природа человека трансформируется, распадаясь на составляющие: теперь в нем сосуществуют и борются нематериальное сознание и несознающая материя. В ка-

честве «вместилища» нематериального сознания начинает выступать телесный верх — голова, а несознающей материи — телесный низ. Вот это нематериальное сознание, возникшее в результате диссоциации первоначальной гармоничной универсальной силы, на мой взгляд, и есть предпосылка собственно человеческого сознания, или, говоря по-другому, той силы, которая продуцируется самим человеком с целью обеспечения адаптации к новым условиям окружающей среды.

Здесь хотелось бы обратить внимание на следующий аспект: т.н. «нематериальное сознание» возникает *без преднамеренных* усилий человека, как *спонтанный* результат проживания им внутри себя противоположных начал. Сознание же, которое я иногда называю «собственно человеческим», возникает *преднамеренно*, как следствие стремления адаптироваться к условиям, в которых прежние средства освоения мира оказались утраченными.

Когда я говорю «преднамеренно», я не имею в виду, что человек сидел и размышлял, что бы такое ему предпринять, чтобы развить способность сознания, а нечто совсем иное: что человек *искал какое-то средство*, какой-то противовес той драматичной ситуации, в которой он вдруг себя обнаружил. И этим *средством не могло быть ничто иное, кроме сознания*, поскольку: а) узнавание сути предметов теперь было возможно лишь опосредованно, через выстраивание цепочки причинно-следственных связей, ведущих от внешнего к внутреннему, т.е. через мыслительную сферу, через голову, а именно там оказалось локализованным т.н. «нематериальное сознание»; и б) эта сила должна была выполнять функцию *компенсации центростремительных тенденций*, т.е. быть связанной с «Я» в человеке, с самостью.

Именно эти особенности мы и обнаруживаем в человеческом сознании. Во-первых, оно выступает для нас как полностью нематериальная сила. Во-вторых, оно позволяет нам нащупывать путь, ведущий *к сущности*

объектов внешнего мира. В-третьих, в современной культуре именно сознание удерживает внутренне диссоциированную природу человека, включающую множество субличностей (которые нередко конфликтуют между собой) от распада. Отсюда, собственно говоря, все методики психотерапевтического воздействия, связанные с расшифровкой бессознательных психических содержаний и перевода их в сферу сознания.

Итак, характеристики сознания: а) оно позволяет получать информацию о *сущности* объектов, располагая возможностями непосредственного взаимодействия лишь с *поверхностными* их оболочками; и б) оно позволяет сохранять целостность личности в условиях *диссоциированного* внутреннего мира человека.

За счет чего оказывается возможным использование сознания в подобной компенсаторно-адаптивной роли?

Дело, на мой взгляд, здесь в следующем. Сознание — это сила, продуцируемая самим человеком, как своего рода *ответ на вызов* жизненной ситуации, в которой он оказался. Это *иная форма проявления того же самого начала, которое на уровне структурной организации представлено как самость, как Я-ось*. Что это за сила? Это резкое увеличение интенсивности воздействия ценой такого же резкого уменьшения объема восприятия. Человек катастрофически ограничивает поток воспринимаемого, но за счет этого колоссально усиливает давление на отобранный в результате такого ограничения (ставший объектом внимания) предмет. В результате субъект получает возможность как бы «вломиться» в него, «пробить» *ту внешнюю оболочку*, которая отделяет его от предмета. Это, безусловно, средство насилия, агрессии. Но поскольку прежних средств ненасильственного постижения сути человек лишился, у него просто нет другого способа приспособиться и выжить в теперь уже враждебном ему мире.

Разумеется, сами мы воспринимаем это по-иному: для нас это привычная, рутинная процедура, в которой мы не чувствуем ни насилия над окружающим, ни агрес-

сии по отношению к нему. Ведь соответствующего эмоционального заряда мы не ощущаем. Так действительно ли способность сознания связана с насилием и агрессией, с принудительным «взламыванием» внешней оболочки, которой предметы отгорожены от нас? Почему я так думаю?

Вообразим, какими должны были быть параметры ситуации, в которой человек *оказался вынужден* развить эту способность, и каким должно было быть его внутреннее состояние в это время.

В соответствии с моим представлением об эволюции человека как вида, потребность в развитии способности сознания формируется тогда, когда человек утрачивает прежние средства адаптации и обнаруживает себя в незнакомом, непонятном и враждебном мире. Вспомним характеристики неophobia, сопутствующие такой ситуации: одно из проявлений – возрастание агрессивности. Причем этот фактор будет не временным, а *постоянным*, ведь человек оказывается в ситуации, где отныне появление новых объектов и новых обстоятельств будет *всегда* происходить не *до* его появления в этом мире, а *после*. (Вспомним: наименьший страх новое вызывает тогда, когда привносится *до того*, как существо помещается в новое для него окружение, и наибольший – когда существо уже *успевает привыкнуть* к окружающей обстановке.) А ведь именно такова отныне ситуация взаимодействия мира и человека.

Именно поэтому, на мой взгляд, человек *как вид* обладает более высоким уровнем агрессии, чем другие живые существа и, как мне думается, даже чем человек на ранних стадиях эволюционного развития, а именно до проживания в себе добра и зла, до диссоциации его внутренней природы на противоположности. Просто мы срослись, сроднились с этим уровнем агрессивности настолько, что не воспринимаем его как повышенный. Мы способны ощутить, если он по каким-то причинам ока-

зывается еще более высоким, но наш постоянный уровень агрессии — слишком привычен, чтобы быть замечаемым. (Как мы помним, человек замечает изменение привычного, но отнюдь не само привычное.) Таким образом, повышенная агрессивность оказывается *естественным фоном*, на котором разворачивается как само человеческое поведение, так и формирование новых способностей (в том числе, разумеется, и когнитивных). Поэтому, по самой природе сложившейся ситуации, способность сознания будет базироваться на возросшей агрессивности человека.

Далее. Как мы установили, сознание играет *компенсаторно-адаптивную роль* в эволюции человека как вида. А точнее, именно эта способность призвана *обеспечить проницание* в суть окружающего в условиях, когда возможность *непосредственного постижения* утрачена. Что такое непосредственное постижение? Это проживание происходящего как составной части самого себя, когда совершающееся, где бы и в ком бы оно ни происходило, переживается как собственные внутренние процессы человека. Таким образом, это знание оказывается действительно настолько полным, насколько это вообще возможно, и настолько точным, насколько это допускается природой человеческих органов чувств и ощущений. Совершенно очевидно, что подобный способ получения знания не требует ни размышлений, ни реконструкций, ни предположений, ни их проверок. Это значит, что мыслительная сфера, связанная со всеми этими процедурами, не могла развиваться, пока существовал эволюционно ранний способ постижения, поскольку в этом просто не было необходимости. Зачем развивать окольные сложные пути, если есть прямой и надежный, к тому же и привычный способ?

Но вот этот способ утрачен. Что теперь делать? Развивать окольные сложные способы — других-то нет. Но почему они окольные и почему сложные? Потому что

теперь человек может узнавать о сути предметов лишь опосредованно, начав с внешней их оболочки и постепенно продвигаясь по направлению к глубинным причинам, выстраивая цепочки предположений, проверяя их, размышляя и оценивая. Предположения могут быть ошибочными, и даже их подтверждение не гарантирует, что на каком-то следующем этапе не окажется, что неверным было все с самого начала. Таков этот новый путь узнавания истины. И какая роль в нем отведена сознанию?

Дело в том, что снятие любого слоя оболочки не обходится без пусть и незначительного, но все же проникновения вглубь предмета. Иначе говоря, сама эта процедура выстраивания причинно-следственных связей *уже* включает в себя момент прохождения *за* внешний барьер, разделяющий человека и объект. Ведь когда мы ищем причину какого-либо следствия, мы а) очерчиваем некоторый круг событий, игнорируя все остальные; и б) предполагаем, что одно из них относится к более глубокому пласту проявлений существа предмета, а другое — к более поверхностному, причем всегда, когда появляется первое, наступает и второе. Что мы при этом делаем? Мы вступаем в определенный род внутреннего взаимодействия с тем пластом объекта, который — независимо от того, таков ли он, как мы предположили, или нет — *находится ближе* к глубинной сущности объекта. Мы не можем его *пережить как* составную часть самих себя, но мы можем *вообразить*, каким он может быть, если то, что доступно нашему непосредственному восприятию, имеет известные нам параметры.

Таким образом, наше воображение оказывается тем средством, которое нам *заменяет непосредственное переживание* лежащего за поверхностью. Мы измысливаем некое гипотетическое положение вещей, которое может обусловливать то, что оказывается доступным для нас. И дальше возможны два варианта: 1) придуманное нами, воображенное нами действительно соответствует тому,

каков объект, и 2) не соответствует этому. Как мы узнаем о том, что верно, первое или второе? Опять же только косвенно — через сопоставление того, что должно было бы быть, если бы наше предположение было верным, и того, что есть на самом деле. Если эти два описания совпали, мы делаем вывод о том, что не ошиблись в своем предположении, и что глубинная природа объекта именно такова, как мы думали. (Обратим внимание: думали, а не чувствовали, видели, ощущали, переживали.) Таким образом, наше сознание оказывается тем средством, с помощью которого мы *строим* реальность, которой на самом деле *нигде не существует*. Поэтому называть ее реальностью вообще-то не очень правильно. Скорее, это мир, созданный нашими собственными усилиями для того, чтобы компенсировать нашу неспособность взаимодействовать с действительно реальным миром, миром объектов, каковы они сами по себе, в своей глубинной сути.

На самом деле, это очень важный момент: именно *мы* создаем альтернативную реальность, квазиреальность. Подлинная же реальность совершенно никак не меняется от наших усилий ее мысленно реконструировать. Поэтому, когда обычно говорят о восприятии альтернативной реальности в измененных состояниях сознания, — это вообще-то не очень правильно. В случае галлюцинаций она оказывается действительно придуманной, воображенной. А в случае расширения сознания — как раз подлинной, хотя и предлагает картину, отличную от той, к которой все мы привыкли.

5.2. Сознание как шаги в пустоте

Итак, наши усилия компенсировать утрату непосредственного постижения сущности приводят к развитию способности формирования собственной, мысленной, воображаемой реальности, которая постепенно, шаг за

шагом, позволяет нам двигаться по направлению к сущности. Получается, что скачок от непосредственного восприятия того, что имеется на поверхности, к непосредственному усмотрению того, что скрыто в глубине, мы заменили множеством мелких шажков, каждый из которых позволяет нам понемногу продвигаться в направлении глубины. Мы совершенно привыкли к этой процедуре, и наше восприятие ее природы стерлось. Она кажется нам естественной, и не очень сложной. А ведь вообще-то это что-то вроде задачи преодолеть пропасть в несколько прыжков. Между нами сегодняшними и внутренней природой объектов действительно пропасть — наша глубинная сущность различна: мы диссоциированы, объекты целостны, в нас противоположности конфликтуют, в них они гармонично соединены. Из-за этого мы не в состоянии постичь сущность, а можем лишь реконструировать ее в соответствии с нашим мировидением и нашей собственной природой, которая обуславливает такое мировидение.

Сознание и призвано сыграть роль того средства, опираясь на которое, мы не падаем в глубину пропасти, а ухитряемся оттолкнуться буквально от воздуха и совершить следующий прыжок. Но это, конечно, метафора. На самом деле я имею в виду следующее: каждый шаг нашей реконструкции на пути продвижения от внешнего к внутреннему создает положение вещей, которое в природе не может встречаться по одной простой причине: оно противоречит принципу организации всего реально существующего. Как я уже упоминала, последнее обязательно содержит оба вида энергии — инь и ян, пусть в разной пропорции, но оба.

Человеческие реконструкции — это чистое ян по целому ряду причин: во-первых, они продуцируются воображением человека. Это мыслительная сфера, которая складывается в результате диссоциации первоначальной природы человека на противоположные начала — несоз-

нающую материю и нематериальное сознание. Вот последнее как раз и принимает непосредственное участие в мыслительных реконструкциях. Таким образом, сила, которая их создает, по своей природе чисто янская. Продукты ее деятельности не могут быть иными: они тоже янские. Во-вторых, противоположные начала, которые диссоциировались в нашей собственной природе, мы проецируем вовне. Сам по себе конфликт противоположностей – это янское начало. Мы же пребываем постоянно в состоянии конфликта. Даже та гармония, которую допускает наше мировосприятие, – это, по существу, конфликт, потому что мы говорим «синтез противоположностей», «объединение», «гармония взаимоисключающих начал» и т.п. Но как только мы воспользовались понятием противоположностей, а вернее, как только мы увидели мир в терминах противоположностей – неважно их конфликта или их гармонии, мы уже поделили его, сделали конфликтным и диссоциированным. На самом деле, в объектах нет ни конфликта противоположностей, ни их гармонии. Там нет противоположностей. И даже так сказать неверно, потому что отрицание чего-то предполагает наличие представления об этом отрицаемом, т.е. о тех же противоположностях. Объекты просто другие, такие, как они есть. И их природа такова, что в результате диссоциированного взгляда человека на них, они *видятся как состоящие из противоположных начал*, конфликтующих или синтезированных – уже неважно. Вот единственное, что, как мне кажется, мы можем сказать о природе объектов, не совершая насилия над их сущностью из-за нашего расщепленного, дисгармоничного восприятия мира.

Итак, «реальность», творимая нами самими, чисто янская. Именно ее мы используем как образец для сопоставления с непосредственно воспринимаемым положением вещей. Это то, что не встречается в действительности, в ней нет основательности подлинно сущего. Имен-

но поэтому ее так легко изменить: захотели, — она такая, передумали, — другая. И вот представим себе: одной ногой мы стоим на краю пропасти, а другую уже занесли над ней. Но опереться не на что. Как нам шагнуть? На что опереться, чтобы сделать следующий шаг? Вот эта псевдореальность человеческой мысли, на мой взгляд, и есть то средство, которое позволяет нам противодействовать силе притяжения, влекущей нас вниз. Т.е. два края пропасти реальны: это внешняя оболочка объектов и их внутренняя суть (разумеется, это только для нас). Пропасть тоже реальна: это то фундаментальное несходство внутренней природы человека и мира, которое делает невозможным непосредственное проживание сути объектов как составной части собственного опыта. И шаги в пустоте — это тоже реальность, потому что как иначе назвать наш путь продвижения вглубь объекта в стремлении познать его суть, если в самом объекте таких путей нет и быть не может?

Что же во всем этом нереального? Это наши наступания и отталкивания от пустоты. Почему я связываю это с работой сознания? Не только потому, что сознание (нематериальное сознание диссоциированного человека) измысливает эти реконструкции. Это лишь одна из его функций. Другая, на мой взгляд, важнейшая, — в том, что сознание создает янскую псевдореальность, нечто такое, что обладает *большей проникающей силой*, чем любой природный объект. Именно поэтому с помощью порождений сознания мы в состоянии «взламывать» внешнюю оболочку объектов и попадать на какой-то более глубокий уровень взаимодействия с ними. Поясню: поскольку все природные объекты несут в себе оба вида энергии (инь и ян), которые уравновешены в стабильной структуре, то наш янский продукт (наша гипотетическая реконструкция), будучи привнесен в объект, нарушает равновесие и вызывает его неустойчивость. Получается, что мы создаем свою псевдореальность, *разрушая подлинную*.

Разрушив ее, сделав неуравновешенной за счет добавления энергии ян, мы получаем возможность внедриться в объект. Как только мы привнесли в него наше ян, объект оказывается в ситуации, напоминающей ту, что пережили мы сами, только по собственной воле — я имею в виду постижение добра и зла. Здесь происходит что-то подобное, только в объект мы сами «впихиваем», условно говоря, наше добро и зло, а точнее, противоположные начала. И объект оказывается таким же расщепленным и дисгармоничным, как и мы сами. И мы уже можем пережить как составную часть самих себя *таким образом* трансформированный предмет.

Итак, в результате диссоциации человек оказался вмещающим две взаимоисключающие энергии — несознающую материю и нематериальное сознание. Несознающая материя стала источником формирования *внешнего* образа окружающих человека объектов, того, который складывается в результате использования органов чувств применительно к исследованию внешней оболочки предметов. Нематериальное сознание стало источником формирования внутренних образов, мыслительных реконструкций предметов. Привнесение янской энергии в объект, нарушая его внутреннее равновесие и гармонию, делало его таким же диссоциированным, как и человек, проникающий в него. В результате внутренняя природа объекта, в том виде, какой он приобретал после воздействия на него человека своими средствами, трансформировалась в том же направлении, что и человеческая. Объект становился таким же дисгармоничным и диссоциированным, как и исследующий его человек. Но зато он теперь мог быть постигнут человеком, т.к. оказывался «той же крови». (Правда, он уже не был самим собой. Может быть поэтому духовные подвижники говорят, что когда удается вступить в гармоничное взаимодействие с миром, объекты выглядят совсем по-другому: они как бы озаряются внутренним светом, оживают. И вновь «уми-

рают», становятся блеклыми и безжизненными, когда человек выпадает в привычный мир разрушающих взаимодействий.)

Вот что кажется мне особенно интересным: в своих попытках адаптироваться в новых для него условиях, человек так и не изобрел ничего принципиально нового. Для решения задачи постижения сути в условиях, исключавших возможность ее непосредственного проживания, человек воспользовался механизмами, которые — *все* — уже были в его распоряжении. А между тем, получил способность, совершенно новую для него. Что я имею в виду?

Эволюционно ранней формой получения знания было *вбирание в себя* постигаемого (символически, — вкушение). В результате субъект и объект становились как бы одним целым, между ними больше не было границ и оболочек. Но из-за трансформации собственной природы субъект больше не мог ненасильственно отождествиться с объектом, имевшим *другую природу*. Какой же прием стал использоваться? Тот же самый — проживание в себе, но только предварительно субъект начал по собственному образу и подобию искажать (уродовать) природу окружающих объектов, вынуждая их поглотить, усвоить, принять в себя, сделать своей составной частью то содержание, которое было *его собственным* (человека) порождением. (Если помним, яблоко от древа познания он съел *сам*, хотя и по наущению змия. Объекты мира в процессе их познания он *насильно кормит* продуктами своей жизнедеятельности — мыслительными реконструкциями.)

Иначе говоря, мог быть использован *привычный механизм* присвоения информации — ее поглощение, но уже не только по отношению к себе самому, но и к окружающему. Затем — еще один привычный прием — отождествление с целью проживания в себе сущности другого. Теперь эта процедура снова стала возможной из-за совпадения внутренней природы человека и трансформированного объекта. Отметим: внутренняя сущность объектов иска-

жалась *точно так же*, как была прежде искажена его собственная внутренняя природа, т.е. становилась диссоциированной, поделенной на противоположности, дисгармоничной. Вот с таким объектом субъект уже мог отождествиться, не меняя собственной структуры. Конечно, объект уже не был тем, что до воздействия, но зато примерно понятной становилась его суть, хотя и не сама по себе, а в том виде, как она предстает после его дисгармонизации. И поскольку фактор дисгармонизации оставался *постоянной составляющей* процесса познания, искажения, привносимые им в картину мира, не мешали адаптации к *так видимому* миру.

Таким образом, сочетание двух известных стратегий – познание как проживание в себе и трансформация внутренней природы вследствие поглощения навязанного содержания – породило новую познавательную возможность: воздействие через сознание.

В чем же отличие имевшегося ранее способа познания от более позднего? В последнем появляется *элемент насилия*, агрессии, принуждения человека по отношению к отделенному от него внешними барьерами миру. Человек *вынужден взломать* внешнюю оболочку предмета, чтобы ввести в него свою энергию, изменить под себя его природу и после этого отождествиться с ним, пережить его как составную часть самого себя. И именно сознание, как мне кажется, играет роль этого энергетического клинка, которым человек вспарывает оборону объектов. Имея это в виду, мы можем попытаться понять глубинную природу сознания. Что это за способность, если она решает вышеупомянутые задачи?

Сознание – это сила, которую человек продуцирует самостоятельно в целях адаптации. Оно является средством перенесения энергии человека к объекту и внедрения ее в объект. Подобная возможность достигается за счет существенного уменьшения объема воспринимаемой информации, но повышения интенсивности ответа на нее. Сознание – это такая вариация человеческого

излучения, в которой присутствует только янский компонент энергии, что обеспечивает его бóльшую активность и высокую проникающую способность.

Остается один вопрос: как и за счет чего сознание способно проламывать оболочку объектов? Это энергетическое воздействие, излучение. Оно янское, очень активное.

Что такое оболочка предмета? Это, по существу, иллюзия. Она возникает вследствие несовпадения, рассогласования внутренней природы человека и объектов окружающего мира. Значит, если наша природа по какой-либо причине снова окажется совпадающей, мы ощутим это как исчезновение границ у объектов окружающего нас мира. Специфически человеческое сознание призвано обеспечить такое выравнивание внутренних сущностей субъекта и объектов, чтобы сделать возможным самоотождествление и проживание в себе происходящего в другом, т.е. его познание.

Значит, в основе процесса познания все равно лежит одно и то же, неважно, насильственное это воздействие, на основе агрессии, или ненасильственное, на основе любви. Это переживание в себе. Но если внутренняя сущность объекта и субъекта различна, тогда такое проживание невозможно, и объект предстает перед субъектом как бы отделенным барьером внешней оболочки, не отвечающим на обращение внимания. Если же внутренняя сущность одна, — такое постижение возможно. Поскольку после грехопадения человек обнаруживает себя в ситуации несовпадения собственной сущности и внутренней природы объектов, он стремится устранить это препятствие, уравнивать их природу. Себя трансформировать трудно, поэтому субъект выбирает другой путь: он привносит в объект собственную дисгармонию и за счет этого добивается выравнивания условий.

Итак, именно сознание, как специфически человеческая способность, может использоваться в функции *насильственного проникновения*, т.к. его природа (исключительная представленность энергии ян) идеально для этого

подходит. Фактически, только оно и может делать это. Грубая физическая сила (воплощение исключительной представленности инь) тоже находит свое применение — в физическом воздействии на предметы. Из-за того, что это *несознающая* материя, человек, даже не желая того, легко разрушает объекты в ходе обычного взаимодействия с ними, просто потому, что внутренне не ощущает происходящего в ходе подобного взаимодействия.

Связано ли с янскостью сознания то, что оно ограничено по объему и по времени?

Вероятно, через ограниченность энергетических ресурсов человека: оно требует колоссальной затраты энергии, которую человек не может обеспечивать постоянно и в полном объеме.

Почему это происходит? Человек имеет ограниченные энергетические возможности, потому что он нарушил свою связь с миром. Он теперь живет за счет собственной энергии, а раньше — за счет беспрепятственного пропускания через себя энергии неба и земли, инь и ян. Он лишь направлял эти безграничные по мощи потоки. Теперь он воздвиг слишком большие препятствия на их пути, поэтому они поступают к нему ограниченно. Невозможность их использования для своих взаимодействий с миром человек вынужден компенсировать за счет выработки собственной энергии, той самой дисгармоничной энергии-излучения, которая складывается из чистой инь и чистой ян, из излучения несознающей материи и нематериального сознания.

5.3. В чем божественность постижения добра и зла?

Итак, раньше человек в основе своих излучений-взаимодействий с миром имел излучение мира. Сам же лишь направлял его туда, куда хотел. И сразу получал всю по-

требную информацию. Потому что и другие сущности работают по тому же принципу. Направление внимания означало: я стал тобой, ты стал мной, потому что в своей основе мы — одно, и теперь мы друг друга знаем.

Если исходить из всего изложенного, можно предположить, что древо познания добра и зла божественно потому, что вкушение плода от него разбивает собственные целостные энергии на предельные чистые проявления. Но если это же проделает несовершенная, слабая сущность, то ее энергии, хоть тоже распадутся на свои крайние проявления, но эти проявления будут совсем не совершенными, т.к. сохраняют в себе отпечаток исходно их содержавшей несовершенной сущности. Т.е. любой, вкусивший от этого древа, действительно получит божественный вариант чистых, предельных энергий, но, если он сам — ограниченная сущность, то и результатом будут предельные выражения ограниченной сущности. Т.е. вместо максимального совершенства будет получено максимальное несовершенство, потому что а) это нечто, не существующее в нашем обычном мире (в нем все содержит оба вида энергии), и б) получившиеся варианты энергии унаследуют несовершенство исходной сущности — человека.

Итак, в своей основе незамутненность, чистая представленность энергий — это действительно божественная прерогатива. Человек ее украл не по праву. Смысл символики плода от древа познания в том, что вкусивший его автоматически обретает божественную чистоту воплощения энергий. Почему это божественная прерогатива? Может, потому что с помощью только таких энергий можно творить миры? Возможно, янская энергия обладает неограниченным творческим потенциалом, способностью воплотить любые замыслы творца в структуры, а иньская — неограниченным потенциалом овеществления, реализации созданных структур? Таким образом, божественность этого древа — в том, что вкусивший от

него оказывается автоматически наделен предпосылками творца, он получает необходимое для того, чтобы творить собственные миры. Маленькое но: все это полезно только в том случае, если вкусивший – сам совершенная сущность, способная продуцировать совершенные, гармоничные структуры. Если же он – несовершенная сущность, то в результате обретения такого творческого потенциала он наплодит уродцев, столь же несовершенных, как и он сам. Может быть именно поэтому Бог не разрешил Адаму вкушать от древа познания?

Но человек, как известно, нарушил запрет. Автоматически получил то, что и дает плод от этого древа – разделение энергий на два исключаяющих друг друга проявления. Но ведь это исключаяющие проявления энергии прежде целостной сущности «человек», т.е. несовершенной, ограниченной сущности. Совсем не бога. Поэтому в результате такой диссоциации родилось нечто совсем монструозное: крайние, не встречающиеся в природном мире, выражения энергии несовершенной сущности «человек». Его янская энергия достаточно мощна, чтобы создавать структуры, но недостаточно совершенна, чтобы эти структуры были жизнеспособны. Т.е. он может порождать структуры за счет использования новых для него возможностей диссоциированной энергии ян, но его продукты несовершенны и нежизнеспособны. Его инь недостаточно совершенна для того, чтобы овеществить этих уродцев в физическом мире, но достаточно мощна для того, чтобы их все-таки хоть как-то овеществить. Может быть, это и будут миры демонов? Итак, человек в результате обретенной божественной творческой потенции, оказался способен порождать структуры и, как мог, их овеществлять. Это – нежизнеспособные уродцы, поэтому их нет в реальном мире. Они живут в каких-то других мирах, созданных несовершенной энергией человека.

Таким образом, в результате нарушения Божьего запрета, человек обрел сомнительное преимущество творить уродцев и воплощать их в каких-то нереальных мирах.

Вместе с этим «преимуществом» он обрел и все остальное: расщепленность собственного внутреннего мира, утрату прежних гармоничных способов взаимодействия с окружающим, ненасильственного спонтанного постижения сути объектов, мирного, гармоничного внутреннего состояния. Человек был продуктом Божественных энергий, и поэтому он беспрепятственно пропускал их через себя, живя ими, питаясь ими, имея, фактически, неограниченный источник энергии. Теперь же, изменив свою природу, он утратил внутреннее равновесие, устойчивость.

Для сохранения целостности в условиях доминирования центробежных тенденций потребовалось развить некую силу, которая могла бы противостоять этим разрушительным динамикам. Этой силой стала Я-тенденция. В ее основе – собственная энергия человека. Раньше он всемерно растворялся в мире, и это позволяло энергиям беспрепятственно проходить сквозь него. Теперь он начал продуцировать собственное излучение, с другими параметрами. Собственная вырабатываемая им энергия стала препятствием на пути его взаимодействия с миром. Энергии мира больше не могли беспрепятственно циркулировать в нем. Продуцирование собственной энергии стало основанием для ощущения человеком своей «инаковости» по отношению к миру, потому что ничто в мире больше не имеет собственной энергии с такими параметрами.

Откуда параметры новой энергии человека? Я думаю, они формируются так: исходная распалась на противоположные, которые затем снова собираются в нечто, где они соединены. Но это соединение – не то, что было вначале. Сначала противоположностей как бы и вообще нет, только одна целостность. Затем появляются противоположности в результате диссоциации целого. Потом они снова собираются в одно. Но первоначальное единство и результирующее соединение – разные вещи. Первоначаль-

чальное единство органично, созвучно всему существующему в природе. Результирующее объединение искусственно, т.к. принудительно объединены взаимоисключающие начала. Таких, сначала распавшихся, а потом соединенных противоположностей, больше нет ни у кого в его внутренней природе. Это подобно тому, как если бы из разноцветной картины мира мы синтезировали два цвета – черный и белый, создали бы из них новое изображение, а потом удивлялись, почему окружающее не таково, как на нашей картинке.

Итак, мы, ценой собственных усилий, снова собираем диссоциированные противоположности в новое целое, но это объединение – насильственное, не органичное. Таких «целых» в природе не существует. Но не потому, что больше никто *не способен* продуцировать эту объединяющую силу (объединяющее начало) из себя. А прежде всего потому, что больше никто не переживал драму диссоциации. Поэтому нет нужды и восстанавливать утерянное единство.

Таким образом, та сила, которая лежит и в основе сознания, и в основе Я-оси, это принудительное соби- рание диссоциированных противоположностей в новое единство под названием «человек после грехопадения». Судя по всему, эта сила – самосознание. В ее основе – ощущение себя как отдельной, независимой, самостоятельно функционирующей сущности.

Теперь попробуем посмотреть, какова же природа самосознания, самости. Если в ее основе – *представление* о себе, как о целостной сущности, то тогда – это особая ментальная конструкция. И значит, это порождение янской энергии человека. Это то, что мы оказываемся в состоянии сделать в результате обретения божественной по своей сути способности создавать ментальные конструкции. Т.е. здесь получается интересная вещь: человек из любопытства и из тщеславия пожелал обрести божественную способность. Он ее и обрел, но в усеченном

виде, что было обусловлено иной, чем у Бога, природой. (Это означает, что мысленно порождать не существующие в мире структуры он может, но их несовершенство исключает возможность их ненасильственно-го воплощения в мир.)

Так вот, именно этой способностью ему и пришлось воспользоваться, чтобы *уцелеть после ее обретения*. Продуцированное им представление о себе, как о целостной, отдельно существующей, независимой сущности и явилось такой очень агрессивной и активной янской структурой, которая легла в основу поддержания целостности на самом деле *распавшегося единства*. И эта янская структура для поддержания своего существования нуждалась в постоянном энергетическом обеспечении. Если бы она была таким же совершенным порождением, как структуры уровня универсальных сил, она бы получила автоматическое воплощение в физическом мире, как только была создана. И дальше бы она функционировала на своей собственной основе, т.к. совершенные структуры устойчивы и жизнеспособны. Но она, очевидно, не такова, поскольку является продуктом творчества такой ограниченной и несовершенной сущности как человек. Именно поэтому структура «самость» не может быть воплощена в реальном мире, и именно поэтому она не может функционировать на своей собственной основе, а нуждается в постоянной энергетической подпитке, исходящей от ее творца — человека. В чем может состоять подобная подпитка? В постоянном самоубеждении, что мир именно таков: все объекты в нем разделены, каждый из них — изолированная сущность, в мире действует закон джунглей — выживает сильнейший. Иначе говоря, наша непоколебимая вера в то, что мир именно таков — сильнейшая адаптивно ценная, хотя и совершенно ложная, установка. Именно она лежит в основе человеческой самости и, тем самым, в основе сохранения относительной целостности склонной к распаду структуры «человек».

Вещество-носитель, в котором человеку удастся воплотить эту янскую структуру (идею самости), обеспечивает ей статус представления. Наша «творческая потенция» инь, к счастью, слишком слаба, чтобы обеспечить насильственное воплощение идеи человеческой самости в веществе-носителе физического мира. Поэтому такая рожденная человеком структура обретает жизнь в иллюзорном мире человеческих мыслительных конструктов.

Было бы неверно недооценивать или пренебрежительно относиться к значению такого мира человеческих идей. Он оказывает серьезное влияние на человека, а через него — на подлинный физический мир. Человек, уверовав в какую-либо из своих идей, наделяет ее энергией, делает ее, в определенном смысле, живой. Через человека, который оказывается связующим звеном между реальным физическим миром (а точнее, реальными физическими мирами) и миром собственных мыслительных конструктов, идея может взаимодействовать с действительным миром, влиять на него. В такой ситуации человек оказывается как бы телом, в котором идея воплощена, руками которого она может действовать, ногами — передвигаться. Он оказывается, как ни странно, еще одной формой воплощения своего собственного порождения (одна форма — та, что обеспечивается иньской энергией человека и обуславливает статус идеи как элемента одного из идеальных миров; другая — сам человек, как сущность, воплощенная в реальном мире).

Итак, идея самости порождается человеком как средство обеспечить поддержание распадающейся целостности (самого себя) вследствие обретения им божественной способности творения. Причем зависимость здесь двоякая: с одной стороны, *потребность* в порождении такой ментальной конструкции возникает именно потому, что сущность человека оказалась диссоциированной в результате обретения божественной творческой способности, с другой — *возможность* порождения такой кон-

струкции обусловлена тем же — обретением божественной способности создавать собственные сущности. Так что, как видим, человек здесь максимально эффективен: издержки обретения чего-то компенсирует преимуществами именно этого самого приобретения.

Теперь более или менее понятно, какова природа человеческой самости: почему возникает потребность в такой идее, на какой основе, какими энергиями она формируется, какую функцию выполняет. Мы видим, почему это представление настолько устойчиво, почему человеку так трудно от него отказаться, даже если он не только осознал его иллюзорность, но буквально на своем собственном опыте убедился в ее искажающем влиянии. И теперь мы можем сказать, что, фактически, весь путь эволюции человека как вида после грехопадения неразрывно связан с идеей самости, осуществлялся под знаком этой идеи. Именно идея самости лежит в основе и Я-оси (на уровне структурной организации человека, поддержания целостности структуры), и в основе специфически человеческого сознания (уровень мышления).

Сознание действительно оказывается способностью, базирующейся на идее самости. Мы видели, что оно связано а) с агрессией в отношении познаваемого объекта; б) с переносом энергии от человека к объекту; в) с внедрением энергии человека в объект. Самость же — это сила, которая позволяет сохранять целостность в условиях нестабильной, склонной к распаду структуры и окружения, воспринимаемого как опасное, враждебное. А что такое сила? Это энергия. Поэтому можно сказать, что самость — это продуцируемая самим человеком энергия, удерживающая противоречивое, неустойчивое целое от распада. В сфере мышления этой контролирующей противоположные тенденции силой (или энергией) и будет сознание. Поскольку в основе его лежит янское образование — идея самости человека, постольку и само человеческое сознание окажется янским по своей при-

роде. (Кстати, тот же вывод следует и из допущения, что человеческое сознание возникает в результате диссоциации его внутренней природы на противоположности и образования взаимоисключающих начал — нематериального сознания и не сознающей материи.)

Эта энергия, *консолидирующая* все составные части структуры «человек» (разные субличности), *удерживающая вместе* то, что стремится действовать изолированно, в точном соответствии с этой своей природой, взаимодействует и с внешним миром. Сознание *собирает* мыслительные ресурсы человека воедино и *направляет* их концентрированным лучом на объект. Это на самом деле очень понятно: если некая энергия является по своей природе объединяющей, удерживающей вместе, если она сложилась именно как консолидирующее начало, т.е. такова ее собственная внутренняя природа, очевидно, и в своих проявлениях она будет выполнять ту же функцию. Иначе говоря, сознание будет решать стоящие перед ним задачи в соответствии с его внутренней природой.

Как я говорила ранее, сознание выполняет компенсаторно-адаптивную функцию, его задача — обеспечить адаптацию в новых для субъекта условиях путем восполнения утраченных возможностей. И именно эту задачу оно будет решать в соответствии со своей «собирающей» природой. Отсюда и те особенности сознания, которые всем нам известны: в его основе — концентрация внимания на каком-то объекте, при этом порог восприятия других стимулов повышается, и отвлекающая информация, не относящаяся к объекту интереса, не может пробиться в сферу осознания. Зато порог восприятия привлекающего внимание понижается, в результате, все, имеющее отношение к нему, начинает восприниматься более детально и в большем объеме. Это приводит к тому, что вероятность отождествления субъекта и объекта в акте постижения увеличивается.

В эволюционно раннем акте постижения человек становится объектом легко, без насилия, как над своей собственной, так и над природой объекта. Сейчас это невозможно, т.к. внутренняя природа субъекта и объекта различна. То, что позволяет сделать сознание в такой ситуации, — это направить концентрированные силы человека на объект (пусть и ценой утраты широты восприятия), ввести в него свою энергию, изменить его внутреннюю природу в соответствии со своей собственной сущностью и отождествиться с ним. Эволюционно раннее постижение не требует всех этих предварительных действий: человек спонтанно отождествляется с заинтересовавшим его объектом, не подавляя восприятие всего остального, т.к. это происходит без больших энергетических затрат, без усилий. В целом, мне думается, можно сказать, что сознание выполняет ту же функцию у человека, условно говоря, «после грехопадения», что постижение — у эволюционно раннего. И то, и другое позволяет получить информацию о сущности объекта, но одно — в непосредственном переживании и скачком, другое — в реконструкции и постепенно, шаг за шагом.

6. ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЯЗЫКА

Одной из важнейших способностей, которые связываются в современной научной традиции с сознанием, является способность к усвоению языка, использованию его для выражения собственных переживаний, а также творения с его помощью нового типа реальности — символической.

Но прежде чем язык стал выполнять эти функции, он сначала должен был возникнуть. И это — самый сложный вопрос: как формируется естественный язык, на какой основе, должны ли мы считать этот процесс естественным, совершающимся в соответствии с логикой эволюции человека, или же мы обязаны нашим обладанием языком неким богам, или героям, или «наилучшим из людей»?

Известны две основные теории происхождения языка: «по природе» и «по соглашению». Первая предполагает, что слова естественного языка каким-то образом выражают природу окружающих человека объектов, поскольку не произвольны, а как бы «навязаны» самими объектами человеку, некоторым образом выражают их сущность. На мой взгляд, это очень привлекательная теория, поскольку позволяет анализировать происходящее на основе его собственной логики, а не как результат случайных событий.

Однако сложность здесь состоит в том, что не ясно, как показать, что слова *действительно выражают суть*, природу объектов. *Каким образом* осуществляется «навязывание» сути объектов человеку? Почему он способен *адекватно воспринять* и сам это процесс, и существо объектов?

Вторая теория происхождения языка постулирует, что наименования объектам даются «по соглашению». И отчасти это, безусловно, так. Особенно ощутимо это в разного рода искусственных языках, где масса терминов носит именно такой характер. Однако трудно представить себе, что на ранних этапах эволюции человека, когда и формировался язык, люди собирались вместе и договаривались, что вот эту текучую холодную субстанцию будем называть водой, а эти опасные обжигающие языки — огнем. К тому же, если мы согласимся с тем, что в основе выражений естественного языка нет никакого соответствия именуемым объектам, а лишь случайное волевое решение людей, мы, тем самым, закроем возможность исследования множества интереснейших вещей. Просто потому, что все они окажутся результатом стечения обстоятельств, которые могли направиться так, а могли иначе, и почему пошли по этому пути, а не по другому — нет смысла и думать.

Учитывая все это, я предпочитаю искать основания для доказательства первой из этих теорий — «по природе».

6.1. Именованье как звукоподражание

Здесь, как мне кажется, очень полезна гипотеза звукоподражательной природы языка, поскольку позволяет объяснить происхождение многих выражений¹⁰². В то же время, она, на мой взгляд, вполне согласуется с предположением, что наименования каким-то образом выражают *суть* именуемых объектов. И сейчас я попробую показать, как именно.

То, что определенные выражения отчетливо звукоподражательны, не может быть оспорено — это доказано. Например, совершенно точно можно обосновать звукоподражательный характер многих орнитонимов (наименований птиц)¹⁰³. В таких случаях в самых разных языках название птицы звучит весьма сходно. Особенно выразительный пример подобных межъязыковых параллелизмов можно видеть в наименованиях обыкновенной кукушки: русский — кукушка, болгарский — кукувица, русский церковнославянский — кукавица, польский — kukulka, французский — coucou, итальянский — cuculo, испанский — cisco, венгерский — kakuk, турецкий — gaguk, татарский — куке, башкирский — кокук, узбекский — как-ку, грузинский — гугули и т.п.¹⁰⁴.

Сравнительный анализ вербальных и довербальных звукоподражаний с их прототипами (голосами птиц) позволил установить не только то, что они *схожи*, но и то, *какими закономерностями это обусловлено*. Среди них «перенос энергетических максимумов в соответствующее место частотной полосы. В таких, например, названиях, как «горлица», «гагара», «канюк» максимальная энергия переносится на основной тон, в то время как в названиях видов с высокочастотным диапазоном голоса (свири-стель, чиж, чечетка, пеночка-теньковка) максимальная энергия переносится на форманты¹⁰⁵ высокочастотных согласных. Кроме того, наибольшее имитационное сходство создается не отдельными фонемами, а их сочетаниями, чаще всего это согласные. Из фонем человеческой речи и их сочетаний выбираются такие, которые больше соответствуют птичьей сигнализации, а именно: «р», «тр», «пр», «с», «св», «г», «ч», «ш», «щ». Гласные при этом как бы затушевываются, их основной тон, даже, несмотря на ударность слога, не несет соответствующей энергетической нагрузки»¹⁰⁶.

Итак, акустический анализ подтверждает звукоподражательную природу ряда пластов естественного языка. И в частности, многих наименований и сигналов.

Например, орнитонимов, антропонимов, топонимов и т.п. Т.е. в определенных случаях человек действительно дает наименования объектам, опираясь на свое восприятие их сигналов. Остается показать, что само его восприятие по своей природе таково, что, хотя и не обеспечивает полного и абсолютно точного воспроизведения сигнала¹⁰⁷, тем не менее, *наиболее значимые параметры его позволяет уловить* (что и дает основания считать имитоны звукоподражаниями).

О том, что вычленимые и воспроизводимые в имитонах параметры отражают наиболее существенные характеристики сигнала-прототипа (несмотря на вышеупомянутые различия между ними), на мой взгляд, свидетельствует существование сигналов-репеллентов и сигналов-аттрактантов.

Первые из них – типа «кыш» – используются для отпугивания множества живых существ: и насекомых, и птиц, и животных. Да даже и по отношению к человеку их иногда можно услышать. Вторые, напротив, используются для приманивания («цып-цып», «кис-кис-кис», «тега-тега-тега»). Например, лексический репеллент «кыш» встречается во многих языках, причем имеет в них достаточно сходное звучание: «хуш» (финск.), «киш» (азерб.), «кыш», «ишу» (болг.), «кыш» (русс., белорусск., туркм., араб.), «хаш» (англо-ирланд.), «шаш» (англ.). Поскольку во всех этих словах присутствует звук «ш», можно предполагать, что именно он является главной функциональной частью сигнала, несущей пугающую информацию в качестве информационного маркера экологической опасности¹⁰⁸.

Но особенно интересно, что сонограммы лексического репеллента «кыш» (диктор мужчина), звука «ш», шипения кошки и мадагаскарского шипящего таракана весьма сходны, причем конфигурация шипящего звука отчетливо видна на графиках¹⁰⁹. Он же оценивается испытуемыми как «плохой», и его частотность превышает

среднюю именно в наговорах, т.е. текстах, имеющих негативную направленность. Поэтому отнюдь не случайно, что одним и тем же выражением мы можем отпугивать разных существ: звук «ш» действительно выступает сигналом угрозы и предупреждения об опасности и у насекомого, и у птицы, и у животного, и у человека. И человек вполне адекватно и по назначению использует данное обстоятельство.

Итак, несмотря на отличия, сигнал человека адекватно распознается птицей (в частности, в ситуациях звукоподражательного приманивания или отпугивания). Это, мне кажется, позволяет сделать вывод, что человек *верно улавливает и воспроизводит наиболее существенные, информативно значимые параметры сигнала другого существа*. Более того, исследователями был обнаружен интереснейший феномен *взаимной подстройки* птичьего и человеческого сигнала в режиме диалога. В результате и у майны, и у диктора-женщины существенно изменились акустические характеристики сигналов, став нетипичными для каждой из них, но приблизившись друг к другу (что отчетливо видно на графиках)¹¹⁰.

6.2. Диффузный синестезический образ звуков

Теперь я постараюсь показать, что человек способен формировать *диффузный синестезический образ звуков* не зависимо от смысловой компоненты выражения.

Обычно мы этого не замечаем, т.к. восприятие речи (звучащей или письменной) в нормальных условиях происходит в темпе и слитно, причем основное внимание уделяется *содержанию* сообщения. Однако, как подметил еще Джемс, если мы многократно повторим или прочитаем одно и то же слово, то заметим, как изменится наше восприятие. Появится ощущение, что это слово нам

не вполне знакомо, как будто оно то же, и в то же время какое-то странное. Это и будет означать, что на первый план выступил не содержательный (смысловой), а фонологический аспект.

Какой концентрации усилий требует распознавание и формирование речи, будет проще увидеть, если рассмотреть какую-либо нестандартную ситуацию. В частности, А.Р.Лурия в свое время описал случай, когда человек на войне получил проникающее ранение правой теменно-затылочной области головы¹¹¹. В результате поражения он утратил способность свободного распознавания обращенной к нему речи и формулирования собственных мыслей. Мы имеем уникальную возможность узнать, как переживаются подобные затруднения, благодаря тому, что этот человек – Л.Засецкий, – обладая колоссальной силой волей и стремясь вернуться в нормальную жизнь, в течение двадцати пяти лет, по несколько строчек в день, мучительно подбирая слова, записывал историю своей болезни и борьбы с ней. Вот несколько выразительных примеров: «Иногда я начну говорить, застряну на каком-нибудь слове, никак не вспомню его за целый час и даже за весь день не смогу вспомнить нужное слово. И наоборот, когда мне говорит хотя бы мать: что-то сделать, что-то принести из сарая или, наоборот, отнести в сарай или еще что-нибудь сделать, сходить в магазин, на базар, – по-прежнему до меня не сразу доходит это, так как я долго думаю над одним словом (или двумя-тремя), забывая про другие слова»¹¹².

«Да, жизнь проходит как-то без меня. Я часто слушаю радио, слушаю какие-нибудь рассказы, или сказки, или пение, или музыку, и мне по старинке хочется все слушать по радио, слушать и вникать в суть дела, но, оказывается, не тут-то было. Я не успеваю понимать, что говорится, или не понимаю вовсе, или понимаю, что говорится по радио, но тут же на ходу забываю все совсем – такова моя сегодняшняя память...»¹¹³.

«Вот дома мне мать скажет хотя бы так: «Поди и сходи в наш сарай, слазь там в погреб, набери там из кадки соленых огурцов в тарелку, а кадку обратно прикрой кружком, а сверху положи камень...» Я не сразу понял, что мне мать сказала, я прошу повторить, что она сказала. Мать повторила свои слова. Теперь я услышал слова: «сарай», «погреб», «огурцы», а все остальные слова я мигом забыл. Но и эти три слова – сарай, погреб, огурцы – я по раздельности и по очередности спешу осознать, что они значат. Наконец, я понял эти три слова (уж прошли минуты!), теперь мне надо спросить у матери, что она там просила сделать. Я оглянулся – матери нет дома. И вдруг она снова входит в квартиру, и я увидел, что она успела уже сходить в сарай, слазить в погреб и вот принесла огурцы вместо меня...

Мать мне говорит: «Нарежь-ка, сыночек, к обеду хлеба, огурчиков, ветчинки, принеси заодно сольцы, что помельче». Я, конечно, прослушал, что мать мне сказала. Я прошу ее повторить. Она повторила сначала, о чем хотела просить. Я запомнил только два слова – «хлеб» да «ветчина». Я думаю, вожусь над этими словами, наконец понял эти слова, я забыл, что мне еще говорила мать, стою нерешительно...»¹¹⁴.

Вот на самом деле как не просто контролировать смысловую компоненту сообщений, если что-то в привычном механизме соотношения звучания слова и его смысла разлаживается. И концентрация внимания на фонологической составляющей выражений чрезвычайно затрудняет этот процесс.

Еще один интересный пример особенностей функционирования механизма распознавания речи был описан А.Р.Лурией. Много лет он изучал специфику восприятия, мышления и памяти уникального мнемониста С.В.Шерешевского. Этот человек мог воспроизводить длинные цепочки как осмысленных, так и лишенных смысла звукосочетаний, причем не только после их

предъявления, но и спустя десятилетия, без предварительного предупреждения. При этом точность воспроизведения нисколько не страдала.

А.Р.Лурия, начавший свое исследование с попыток определить границы памяти этого человека, скоро отказался от этого намерения, убедившись, что она, практически, не ограничена не только по объему, но даже и по времени. Более того, он стал выяснять, способен ли Шерешевский *забывать* ранее воспринятое. Оказалось, что забывание действительно представляет для него серьезную проблему. Причем одной из специфических причин данного обстоятельства было то, что произносимое воспринималось Шерешевским во всем многообразии *внутренних синестезических переживаний звуков*. Это исследование дает массу интересного материала для понимания природы языка и мышления. Однако сейчас я хочу обратить внимание на те его аспекты, которые позволяют пролить некоторый свет на особенности переживания фонологической компоненты речи.

Итак, я уже отмечала, что в обычных условиях общения человек современной культуры все свое внимание концентрирует на *содержательной* стороне текста. При этом у него создается впечатление, что больше никакой другой информации из сообщенного он не извлекает. Однако это не так. В настоящее время широко известно, что *невербальная* составляющая коммуникации не менее важна, чем вербальная. В частности, сигналы, посылаемые партнеру позой говорящего, его мимикой, жестами, телодвижениями, зачастую, более информативны (и уж в любом случае, более правдивы), чем содержание речи. Чаще всего анализ этой информации осуществляется за пределами сознания¹¹⁵: у человека создается лишь более или менее отчетливое *ощущение* правдивости или лживости сообщения, дружелюбия или враждебности говорящего, того, пытаются ли оказать на него давление или говорят «просто так» и т.п.

Но есть *неосознаваемая* информация, связанная с *вербальной* компонентой общения. И это как раз диффузные синестезические образы, возникающие у человека вследствие переживания *фонологической* составляющей речи. Для того чтобы стало понятнее, что имеется в виду, я приведу несколько примеров, касающихся особенностей восприятия Шерешевского.

«Какой у вас желтый и рассыпчатый голос», – сказал он как-то раз беседовавшему с ним Л.С.Выготскому. «А вот есть люди, которые разговаривают как-то многоголосо, которые отдают целой композицией, букетом... – говорил он позднее, – такой голос был у покойного С.М.Эйзенштейна, как будто какое-то пламя с жилками надвигалось на меня... Я начинаю интересоваться этим голосом – и уже не могу понять, что он говорит...»¹¹⁶.

«...Я узнаю не только по образам, а всегда по всему комплексу чувств, которые этот образ вызывает. Их трудно выразить – это не зрение, не слух... Это какие-то общие чувства... Я обычно чувствую и вкус, и вес слова – и мне уже делать нечего – оно само вспоминается... а описать трудно»¹¹⁷.

«...Я всегда испытываю такие ощущения... Сесть на трамвай. Я испытываю на зубах его лязг... Вот я подошел купить мороженое, чтобы сидеть, есть и не слышать этого лязга. Я подошел к мороженщице, спросил, что у нее есть.

«Пломбир!» Она ответила таким голосом, что целый ворох углей, черного шлака выскочил у нее изо рта, – и я уже не мог купить мороженое, потому что она так ответила... И вот еще: когда я ем, я плохо воспринимаю, когда читаю, вкус пищи глушит смысл...».

«...Я выбираю блюда по звуку. Смешно сказать, что майонез – очень вкусно, но «з» портит вкус... «з» – несимпатичный звук...».

«Вот что со мною было... Я прихожу в столовую... Мне говорят, хотите коржиков, а дают булочки... Нет, это не коржики... «Коржики» – «р» и «ж» – они такие твердые, хрустящие, колючие...»¹¹⁸.

Итак, как видим, способность ярко переживать фонологическую компоненту речи обеспечивает возможность легкого и прочного запоминания информации. Но она же оказывается серьезной помехой, когда цель иная – понять смысл сообщаемого. Вот как это описано у А.Р.Лурии: «Ш. читает отрывок из текста. Каждое слово рождает у него образ. «Другие думают, а я ведь вижу!.. Начинается фраза – проявляются образы. Дальше – новые образы. И еще, и еще...» Мы уже говорили о том, что если отрывок читается быстро, – один образ набегают на другой, образы толпятся, сгущаются, то как разобраться в этом хаосе образов?! А если отрывок читается медленно? И тут свои трудности. «...Мне дают фразу: «Н. стоял, прислонившись спиной к дереву...» Я вижу человека, одетого в темно-синий костюм, молодого, худощавого. Н. ведь такое изящное имя.. Он стоит у большой липы, и кругом трава, лес... «Н. внимательно рассматривает витрину магазина». Вот тебе и на! Значит, это не лес и не сад, значит, он стоит на улице, – и все надо с самого начала переделывать!..» Усвоение смысла отрывка, получение информации, которое у нас всегда представляет собою процесс выделения существенного и отвлечения от несущественного и протекает свернуто, начинает представлять здесь мучительный процесс борьбы со всплывающими образами»¹¹⁹.

Итак, человек формирует собственный *внутренний полимодальный образ* звуков речи, хотя на первый взгляд кажется, что значением для него наделены только слова. Почему возникает такая иллюзия? Как отмечает А.П.Журавлев, «звуки встречаются в обычной речи с определенной частотностью. Носитель языка интуитивно правильно представляет себе эти нормальные частотности звуков и букв»¹²⁰. И если в конкретном сообщении обычные параметры частотности соблюдаются, субъект просто не замечает того, что связано с фонологической компонентой информации. На мой взгляд, это подобно тому, как

мы не замечаем прикосновения одежды к нашей коже, пока оно чем-нибудь специальным не обратит на себя внимания. Иначе говоря, мы замечаем *изменение привычного* положения вещей. Это адаптивно ценный механизм. Если бы его не было, наше сознание просто не справилось с колоссальным потоком импульсов, ежесекундно приходящих к нам извне и изнутри.

Тем не менее, если создаются специальные условия, в которых на первый план выступает задача отслеживания именно *звуковой* структуры сообщения (например, экспериментальные исследования), испытываемые не только осознают свои переживания, но и оценивают их в соответствии с предлагаемыми шкалами. Так, звуки «И», «Ю» воспринимаются как «высокие», «хорошие». «Ы» — низкий, «плохой». «М» — мягкий, медлительный, нейтральный. «Б» — звонкий, простой, краткий, «хороший». «К» — глухой, дизонный, краткий, «плохой». «Р» — звонкий, простой, длительный, нейтральный. «У» — глухой, краткий, «плохой»¹²¹.

Среди суггестивных текстов массовое сознание различает две большие группы: заговоры (лечебные, благотворные заклинания) и наговоры (вредоносные заклинания). Анализ их фонетического значения показал, что доминирующим признаком и тех, и других является характеристика «яркий». Из этого исследователи сделали вывод, что «на уровне общих признаков принципиальных различий между названными группами текстов не существует. Более заметные различия наблюдаются в составе наиболее частотных «звукобукв». В наговорах и отсушках появляются звукобуквы Ж, Ш, Щ, С, «плохие» по фактору оценки и не превышающие нормальную частотность в других группах заговоров»¹²².

Коротко подытожим то, что удалось обосновать.

1. Несмотря на привычный для современного человека способ восприятия текстов (устных или письменных) с опорой на *смысловую* компоненту высказывания,

сохраняется способность диффузного синестезического переживания фонологической составляющей сообщения. В результате возникают *полимодальные образы*, соответствующие *звучанию* выражения.

2. Человек способен не только *воспринимать*, но и *воспроизводить* звуковые сигналы с такой точностью, которая, хотя и не достаточна для того, чтобы считать имитоны точными копиями сигналов-прототипов, тем не менее, вполне удовлетворительна в ситуациях коммуникации.

3. Сигналы-имитоны воспроизводят именно *существенные* компоненты сигналов-прототипов, поскольку, как показали исследования, по целому ряду параметров они *различаются*. Если бы в числе различий оказались *наиболее существенные* параметры сигнала, вполне разумно предположить, что такой «усеченный вариант» не распознавался бы как имитация. Однако сами «источники прототипных сигналов» их очень хорошо распознают и на этой основе вполне адекватно ориентируются. Значит, человеку удастся воспроизвести *именно существенные параметры* сигнала-прототипа.

Таким образом, как мне кажется, показано, что человек в процессе взаимодействия со средой *способен* вычленять наиболее *информативно емкие* компоненты звуковых сигналов и достаточно адекватно их *воспроизводить*. Именно это и служит основанием формирования *звукоподражательных* названий. Это как бы «голосовая» составляющая именованья. Но кроме нее в имени представлена и *синестезическая образная* компонента — внутренне переживаемый человеком полимодальный образ звукосочетания-имени.

Если опираться на опыт буддийской традиции в понимании воспроизведения, то оно тем точнее, чем полнее *идентификация* человека с объектом подражания. Т.е. человеку надо *вжиться* в образ того, чей сигнал он воспроизводит, на какое-то время *стать им*, всесторонне *прочувствовать* его в себе, и тогда имитация получается

максимально адекватной. Не случайно, когда мы наблюдаем за выступлениями наиболее успешных пародистов, то не только слышим голоса, похожие на тех, кого они пародируют, но и видим характерные позы, гримасы, ужимки. Имитаторы их воспроизводят не потому, что этим хотят увеличить сходство, а потому, что вживаются в образ пародируемого, на какое-то время становятся им самим, поэтому так органично демонстрируют его поведение, а не только речь.

И это еще один важный момент: чтобы «говорить как другой», надо *стать* другим, ощутить его в себе самом. Иначе говоря, звукоподражание (а тем самым и звукоподражательное именование) имеет в *своей основе* способность *отождествления с другим*, растворения в нем.

Итак, мы видим, что человек не только *способен* переживать звук в сложном комплексе внутренних ощущений, но и *реально переживает* его, хотя и не всегда осознает это. Что, возможно, и к лучшему. Актуализация связанных со звуком переживаний, скорее всего, происходит при превышении или понижении частотности появления звука в тексте по сравнению с нормальной частотностью. И даже если актуализирующиеся ощущения не осознаются субъектом, их комплекс, безусловно, влияет на восприятие сообщения в целом. Причем семантическая компонента сообщения может вступать в конфликт с фонологической. Иначе говоря, содержание текста может идти вразрез с тем, на что указывают звуки слов, выбранных для передачи сообщения. Понятно, почему это может происходить: содержательная составляющая языка находится под жестким контролем сознания и может преднамеренно использоваться для передачи заведомо ложной информации. А вот фонологическая — по вышеуказанным причинам — редко когда попадает в сферу осознания. А потому относительно свободна от контроля «эго».

6.3. Опыт переживания альтернативной реальности

Теперь обратимся к интересным свидетельствам, связанным с непосредственным опытом переживания альтернативной реальности в результате приема галлюциногенов. И в частности, познакомимся с тем, как в измененном состоянии сознания может восприниматься звук (и внешний, и внутренний), как может получиться такое, что реальность начинает переживаться как в буквальном смысле *творимая из звука*. Отчет о подобных экспериментах позволяет познакомиться с особенностями переживания альтернативной реальности, с которой человек в обычных условиях не взаимодействует или, если и взаимодействует, не осознает этого.

В этом опыте для меня особенно интересны те моменты, которые могут пролить дополнительный свет на проблему происхождения языка.

Но сначала несколько слов о том, как относиться к такого рода свидетельствам.

Мы зачастую совершенно по-детски оцениваем происходящее: «вот это — хорошо, а вот это — плохо; но еще лучше было бы, если бы соединить это хорошее и это хорошее, а это плохое и это плохое убрать». Но ведь так не бывает. То, что воспринимается нами положительно, чаще всего — продолжение, оборотная сторона, другая ипостась отрицательного, и наоборот. Такие мыслительные монстры, которые возникают в нашем воображении в результате соединения всего положительного вместе, в реальности вообще не возможны. Однако человек с расколотым восприятием мира этого не сознает. Ему хочется иметь дело только с хорошим, и он сначала строит в голове соответствующую модель, а потом начинает бороться за ее воплощение в жизнь. Мало того, что борьба ему предстоит тяжелая, ведь так сложно претворить в жизнь то, что противоречит законам этой самой жизни.

Но самое ужасное, что, даже если он совершает этот подвиг отрицания законов реальности, то он нередко сталкивается с таким чудовищным положением вещей, при котором, вроде бы, реализовалось то, к чему он стремился, но в такой форме и с такими последствиями, что лучше бы уж не реализовалось вообще. Поэтому-то и говорят: «Бойтесь желаний, они сбываются» (или в просторечье — «За что боролись, на то и напоролись»).

Также обстоит дело и с нашим отношением к мыслительным феноменам и к альтернативным способностям¹²³. Нам хотелось бы уметь влиять на течение событий силой нашего воображения, провидеть будущее, обладать способностью исцеления и самоисцеления, но при этом мы ни в коем случае не хотим стать плохо адаптированными членами сообщества. Нам кажется, что эти интенции вполне могли бы быть совмещены, надо только приложить определенные усилия — кое-чему научиться, что-то узнать, потренироваться. Но ведь это не так. Подобные иллюзии — это и есть мыслительные монстры, которые в реальность лучше не пытаться воплощать.

То же самое и с оценкой психоделического опыта: нам интересно узнавать о неких новых гранях сознания, восприятия, а может быть, и реальности. Но можно ли доверять свидетельствам психонавтов, тем более, что они сильно расходятся с представлением о возможном, которое диктуется современной картиной мира? Я в этой связи думаю вот что: наркотики — это большое зло. Их употребление — несчастье. Но если кто-то выбрал такой жизненный путь и при этом снабдил нас материалом, который *иными способами не может быть получен*, будет неразумно пренебрегать этой новой информацией, отбрасывая ее только потому, что она добыта в результате использования не одобряемых социумом путей.

Поэтому обратимся к повествованию Терренса Маккенны. Он излагает свой собственный опыт, а также опыт группы энтузиастов, отправившихся в самые глухие места Амазонки в надежде обнаружить там, или вывести у

местных жителей, секреты использования некоторых грибов и растений-галлюциногенов. Им хотелось в собственном опыте получить те переживания, которые описываются в путешествиях шаманов и в глухих упоминаниях необычных возможностей представителей некоторых примитивных культур. Наиболее выразительные результаты в ходе таких «изысканий» были получены братом автора, Деннисом Маккенной. Однако и пострадал он сильнее других в результате подобного рода экспериментов. Итак, прежде всего, какой виделась реальность под воздействием психоделиков.

Для Т.Маккенны это была реальность эльфов, гномов, маленьких человечков. Происходившее в ней имело другие смысловые связи. Например, однажды он «наблюдал», как облако на его глазах разделилось на два, потом еще на два, перестроилось и т.д. При этом совершавшееся обретало какой-то новый, необычный смысл. То, что в нашей реальности воспринималось как случайное событие (трансформация формы облака), в альтернативной – выглядело, как попытка объяснить человеку что-то важное, научить его чему-то. Вот как он это описывает: «...У меня возникало видение, будто я залетаю в пространство, населенное веселыми, самопроизвольно изменяющимися механическими созданиями, похожими на гномов. Десятки этих дружелюбно настроенных фрактальных существ, напоминающих подсакивающие яйца Фаберже, окружали меня и учили утерянному языку истинной поэзии. Если судить по эмоциональному воздействию их эльфовского лепета, они, похоже, болтали на зримой, пятимерной разновидности экстатического ностратического языка. Вокруг меня, журча, лились ниспадающие зеркальные реки расплавленного смысла... Под воздействием ДМТ¹²⁴ речь перешла из слышимого состояния в видимое. Синтаксис стал отчетливо зримым»¹²⁵. И еще: «Волна изумления, сопровождающая исчезновение границы между нашим миром и другой

средой, о которой мы и не подозреваем, бывает настолько огромной, что, надвигаясь на нас, она сама по себе становится экстазом»¹²⁶.

В альтернативной реальности существуют и *альтернативные способы взаимодействия* с нею. Можно перенестись за тысячи верст, не изменяя своего телесного местоположения, и увидеть Землю, Солнечную систему, галактику со стороны. Можно переместиться во времени: брат Т.Маккенны, Деннис, «звонил» матери, которая умерла. Мать не хотела верить в то, что с ней говорит ее 20-летний сын, т.к. видела его трехлетним, лежащим в колясочке перед собой. Можно из прошлого принести серебряный ключ к старой шкатулке. Можно влиять на происходящее, видеть внутреннюю природу вещей, слышать мысли, общаться без речи и т.п.

Как относиться к подобным свидетельствам — это отдельный вопрос. Но даже если считать это стопроцентной иллюзией, возникает вопрос, почему такого рода иллюзии достаточно устойчиво встречаются у самых разных категорий людей — причем не обязательно под воздействием галлюциногенов. В этой связи оставим в стороне вопрос о степени достоверности описываемого Маккенной. Ясно одно: он это *действительно* пережил; реальность, с которой он взаимодействовал в своих психоделических опытах, радикально отличается от той, что дана нам в непосредственных ощущениях, поэтому любопытно сравнить некоторые ее параметры с тем, что известно из мифологических сюжетов, из описаний шаманских путешествий, из отчетов людей, осваивающих определенные типы психотехник.

Здесь необходимо одно уточнение. Все вышеперечисленные способности были достаточно дорого оплачены¹²⁷. Обладание ими не явилось простым следствием употребления галлюциногенов. И, прежде всего, сам автор (Т.Маккенна) не приобрел подобного рода способностей. Он лишь *переживал* необычные грани реальности, но фактически *никак не взаимодействовал* с этим «новым миром». Иначе говоря, был лишь пассивным зрителем, но никак не участником необычных трансформаций.

Все вышеописанное происходило с его братом, Деннисом. Не безынтересно то, как он получил такие способности. Дело в том, что однажды, после приема псилоцибина, содержащегося в грибе строфария, Деннис ощутил в своей голове нарастающий жужжащий звук. Он постарался его воспроизвести голосом. В результате его внутреннее состояние резко изменилось: он почувствовал колоссальное напряжение, звук как будто распирает его изнутри, рвался наружу и был некой самостоятельной сущностью. Вот как описывает происходившее Т.Маккenna: «И тут последовал поворот событий, едва не отправивший нас в мир иной: как только радио замолкло, Деннис издал громкое скрежещущее жужжание, которое продолжалось несколько секунд, при этом тело его словно окаменело. После минутного затишья он разразился залпом взволнованных, испуганных вопросов. «Что случилось? – твердил он и – это особенно врзалось мне в память – «Я не хочу превращаться в огромное насекомое!» Было видно, что Деннис сам перепуган случившимся... То, что для нас показалось не больше, чем странным звуком, совершенно очевидно произвело совсем другое впечатление на того, кто его издавал. Я понимал его состояние: мне оно было знакомо по опытам с ДМТ, где что-то вроде мысленной глоссолалии, которая мне самому казалась исполненной глубочайшего смысла, превращалась в сущую белиберду, когда я пробовал облечь ее в слова и передать другим.

Деннис сказал, что в звуке была заключена колоссальная энергия, а сам он ощущал себя некой физической силой... Он чувствовал, что если направит свой голос вниз, то сможет оторваться от земли. Тогда нам пришла в голову мысль, что можно издавать звуки, усиливающие метаболизм психоделиков, а Деннис предположил, что пение может ускорять метаболизм некоторых из них. По словам брата, у него возникло внутреннее ощущение, что он приобрел какую-то шаманскую силу»¹²⁸.

Весьма любопытно, что шаманы действительно используют в своей практике и психоделики, и пение, и воспроизведение звуков. Но одно только это никого

шаманом не сделает. Как известно, те, кто готовятся стать шаманами, должны пережить тяжелый опыт пограничных состояний, когда продолжительное время они находятся буквально между жизнью и смертью. И действительно, не все оказываются в состоянии выдержать это, некоторые умирают. И лишь тот, кто выжил, как считается, обретает возможность взаимодействовать с миром духов и использовать свои новые способности для того, чтобы решать проблемы соплеменников.

Примерно то же произошло и с Деннисом. После того, как он упорно повторял свои эксперименты с психоделиками и звуком, его состояние все более ухудшалось. Он стал напоминать помешанного. Казалось, он временами бредил, заговаривался. Был момент, когда друзья думали, он вообще не выживет. Но постепенно и очень медленно рассудок стал к нему возвращаться. Хотя личность его трансформировалась необратимо: с одной стороны, он обрел новые способности, которыми не располагал никто из участников экспедиции на Амазонку, также экспериментировавших с психоделиками, с другой, — его контакт с привычной реальностью все же оказался несколько нарушен. В частности, окружающие не всегда его понимали и не всегда могли определить, в каком состоянии он находится — в обычном или измененном. Так что плата за обретение альтернативных способностей не в результате личностного роста, а вследствие применения психоделиков, — достаточно высока¹²⁹.

Еще один фрагмент, касающийся экспериментов со звуком.

«Одно могу сказать совершенно определенно: в какой-то миг, близкий по времени к этой теме, я услышал безмерно далекий и слабый звук. Он раздавался где-то между ушами и доносился не снаружи, а изнутри — это совершенно точно, каким бы невероятным это ни казалось, — причем на редкость отчетливо, хотя и на самом пределе человеческого слуха. То был звук, похожий на очень слабый сигнал радиоприемника,

звучащего где-то вдаль: сначала он напоминал перезвон колоколов, но, постепенно усиливаясь, превращался в электрическое пощелкивание, потрескивание, бульканье, шипение. Я попытался воспроизвести эти звуки голосом — просто эксперимента ради, издавая гортанное гудение и жужжание. И вдруг получилось, будто мой голос и этот звук намертво соединились: этот звук стал моим голосом, но он исходил из меня в таком искаженном виде, какой не способен принять ни один человеческой голос. Внезапно звук значительно усилился и теперь походил на стрекотание гигантского насекомого»¹³⁰.

В этом отрывке обращают на себя внимание следующие обстоятельства: а) звук возникает независимо от воли и желания человека, неожиданно для него самого; б) поначалу он еле различим; в) попытка воспроизвести его собственным голосом приводит к его резкому усилению и к тому, что он оказывается как бы спаянным с человеческим голосом — он становится голосом и голос становится им; г) звук объективируется — человек начинает воспринимать его как нечто независимое от себя, звук как бы *овладевает* голосом человека для того, *чтобы проявить себя в мир*. Это напоминает мне буддийское представление о том, как создаются прекрасные произведения искусства: не художник рисует цветок, а цветок овладевает рукой художника для того, чтобы явить себя миру, проявиться, самовыразиться¹³¹.

Приведу еще несколько выдержек, характеризующих процессы звуковой трансформации в психоделическом опыте.

«Вчера вечером, съев один гриб и покурив травы, я снова вызвал тот феномен. Переживание почти полностью совпало с тем, которое было у меня в первый раз: вздымающаяся, пульсирующая волна гортанного гудения, которое стремительно усиливалось и набирало сокрушительную энергию по мере того, как я его издавал. Я мог бы продлить этот звук и дальше, за пределы краткого всплеска, но не стал — из-за энергии. Уверен, что скоро смогу вызывать этот звук, совсем не прибегая к

триптамину или каким бы то ни было другим веществам. С каждым разом включаться становится все легче, и теперь я чувствую, что смогу воспроизвести его в любое время. Совершенно ясно, что звук представляет собой обучаемое действие, которое вызывается и стимулируется триптаминами»¹³².

«...Обычно невидимая синтаксическая паутина, удерживающая вместе и язык, и весь мир, может отвердеть или изменить свой онтологический статус и стать видимой»¹³³.

«Он описывает состояние, вызываемое ДМТ, в котором возможны продолжительные всплески такой звуковой энергии, когда видишь, как звуковые волны уплотняются и в конце концов материализуются... Перед ней (возникающая в результате такой материализации звука стекляннистая пена¹³⁴. — *И.Б.*) языковая метафора беспомощна, ибо на самом деле вещество это представляет собой запредельную для языка материю. Это речь, но состоит она не из слов; это речь, которая становится и является тем, о чем говорит... Произнести что-либо таким голосом — значит заставить это случиться!»¹³⁵.

Но вернемся к проблеме обоснования происхождения языка на основе идеи звукоподражательной природы имен.

6.4. Выражение сущности на основе звукоподражания внутреннему ощущению объекта

В самоотчетах Д.Маккенны мы сталкиваемся с одним очень интересным феноменом: подражание возможно не только «внешним» звукам, но и «внутренним». Что я имею в виду? Звукоподражательная теория происхождения языка обращает внимание на то, что значительный пласт выражений сформировался в результате воспроизведения человеком звуков окружающей природы. И это действительно так. Но вопрос в том, про-

исхождение всех ли выражений может быть объяснено подобным образом, а если нет, то на основе чего формируются остальные?

Посмотрим, как возможно, что звукоподражательные наименования «не звучащих» сущностей все-таки *выражают природу* именуемых объектов.

На мой взгляд, не удастся объяснить происхождение *всего объема* базисной лексики на основе традиционной звукоподражательной гипотезы, поскольку не все объекты издают сигналы, доступные восприятию человеческого слуха. Более того, не все объекты «звучат». Например, облако или небо, или земля, или камень. Но ведь эти названия возникли. Почему они таковы, если предполагать, что они не были даны по соглашению? Чтобы ответить на этот вопрос, вспомним, что в основе *звукоподражательного* именованя лежит способность *отождествления с другим*, растворения в другом. Но если такая способность *в принципе используется* при порождении имен, то она же может служить базисом для не звукоподражательных названий. Только тогда на ее основе обеспечивается не точность воспроизведения *сигнала* именуемого объекта, а точность выражения его *сущности*, которая, если бы была «звучащей», могла бы выражаться и в звуке.

Иначе говоря, если в основе процедуры именованя лежит акт самоотождествления с другим (о чем, как мне кажется, свидетельствует анализ *звукоподражания* как эпистемологического приема), то его результатом и будет двойной феномен: с одной стороны, полимодальный диффузный образ, с другой, — его «голосовой», звучащий коррелят.

И еще один момент, на который хотелось бы обратить внимание. Вспомним самоотчеты Денниса Маккенны. Он стремился выразить голосом звук, возникший в его голове. Это не был «внешний» звук, звук постороннего объекта. Он пришел к нему не снаружи. Этот звук был инициирован приемом определенного сочетания

психоделиков и возник *внутри* субъекта, самопроизвольно, не зависимо от его воли и желания. В некотором роде он тоже, как и внешние объекты в иллюстрации Д.Т.Судзуки, *использовал человека как средство* для того, чтобы *выразить себя* в мир, явить себя миру. (Вспомним, как только Деннис попробовал его воспроизвести, звук многократно усилился и зажил какой-то собственной жизнью.)

Маккенна полагал, что этот звук является «голосом» триптамина, вещества, которое он использовал в своем опыте. Но это сейчас не важно. Для меня особенно интересно, что *звукоподражание возможно и применительно к звукам, возникающим внутри субъекта*, а не только доносящимся снаружи. И если, как мы предположили, человек способен, отождествляясь с другим, пережить его сущность в самом себе, как часть самого себя, тогда такие звуки могут быть частью, а вернее, *выражением* того диффузного полимодального образа, который формируется в человеке в ходе подобного отождествления.

Тогда имена — действительно в некотором роде звукоподражания, но не всегда *внешне слышимым* звукам. Они могут быть результатом подражательного воспроизведения того звука, который возникает *в самом человеке* в ответ на попытку понять другого (а ведь дать имя — это и значит постичь суть именуемого¹³⁶). Понять другого — это и значит на какое-то время *стать* им, *пережить* его, как часть самого себя, как *собственную* сущность. *Возникающие при этом внутренние ощущения, в том числе и звуковые, могут воспроизводиться голосом человека.* И тогда результирующее звукосочетание действительно будет выражать *сущность* того объекта, именем которого оно становится.

Вот как возможно, что имена выражают суть именуемого. И вот как возможно, что человек *воспринимает сущность* именуемого и воспроизводит ее в звукокомплексах, отражающих эту сущность.

Как видим, при таком понимании нет необходимости допускать вмешательство высших сил, богов или культурных героев в формирование языка. Он складывается естественным путем, на своей собственной основе в ходе естественного взаимодействия человека со средой в процессе эволюции.

7. ПРИРОДА СИМВОЛИЗМА

Итак, мы рассмотрели некоторые закономерности эволюции человека как вида; показали, на каком основании, когда и в связи с чем возникает специфически человеческое сознание, какие эволюционные задачи оно решает, какие способности обуславливает. Среди них — одна из важнейших — та, что связана с использованием языковой способности как средства самовыражения и освоения мира.

Однако известно, что, наряду с естественным языком, существует так называемый «язык символов». В человеческой культуре он играет чрезвычайно значимую роль. Во-первых, с помощью именно этого языка выражается какой-то глубинный пласт содержаний, по-иному не выразимых. В их числе будут как те, которые имеют общечеловеческий характер и отражены в мифах, преданиях, легендах, сказках, так и те, которые по своей природе индивидуальны. Последние непосредственно связаны с глубинами бессознательного каждого отдельного человека. В символах сновидений и фантазий они пытаются донести до нас информацию, которая жизненно необходимо для здорового, нормального функционирования психики, для успешного взаимодействия индивида с миром, с социумом и с самим собой, а также для обеспечения его личностного роста.

Можно без преувеличения сказать, что нет никаких шансов понять природу человеческих мыслительных способностей (как сознательных, так и бессознательных), если мы будем пренебрегать языком символов, т.к. именно в нем находят свое выражение содержания, имеющие отношение к *фундаментальным основам* человеческого существования (а точнее, бытия).

Однако исследовать вопросы, связанные с языком символов, чрезвычайно сложно. Это обусловлено и тем, что сами по себе проблемы символизма носят глубинный характер (именно потому, что этот язык используется для выражения самых основ бытия – и мира, и человека), и из-за терминологических трудностей (между прочим, абсолютно объективных), и из-за теснейшей связи языка символов с неосознаваемыми содержаниями. Вместе с тем, и оставить в стороне эти вопросы совершенно невозможно, поскольку они имеют отношение и к сознанию, и к бессознательному; и к общечеловеческому, и к индивидуальному; и к сновидениям, и к дневным фантазиям. Короче, самые разные, причем чрезвычайно значимые, сферы человеческой жизнедеятельности оказываются существенным образом замкнутыми на язык символов. Это и явилось причиной того, почему я обратилась к его анализу.

Но прежде чем рассматривать вопросы, имеющие отношение к логике формирования символов, к их роли в человеческой культуре, необходимо прояснить некоторые моменты, относящиеся к терминологии и к природе этого языка, как своеобразного эпистемологического феномена.

7.1. Язык символов как эпистемологический феномен

Вопрос о символах можно рассматривать в разных плоскостях. Например, речь может идти о *конкретных* понятиях, их значениях в тех или иных культурах, в различные исторические отрезки времени, об их сочетаемости в сложных текстах и т.п.

Но мы можем говорить о символе и как о некоем *целостном мыслительном феномене*, как об особой форме отсылки к подразумеваемому содержанию, играющей чрезвычайно сложную роль в развитии человеческой культуры. И та, и другая плоскости рассмотрения вполне оправданны. Возможно, первая интереснее. Но решать конкретные вопросы удобнее тогда, когда мы определили для себя ключевые моменты, касающиеся природы не каждого отдельного случая, а явления в целом.

Как я уже отмечала, сделать это не так просто по ряду причин.

Во-первых, символ, как форма *непрямого* адресования к содержанию, не столько указывает, сколько *намекает, подразумевает, подсказывает*. Но раз нет жесткой фиксации содержания, мы не можем быть абсолютно уверены, что правильно интерпретируем символ, что приписали ему то самое содержание, которое имел в виду человек, оставивший нам данный текст или изобразительный фрагмент. Иначе говоря, обращаясь к языку символов, мы попадаем в сферу неопределенности, недосказанности, а то и прямых умолчаний. Кстати, именно эта особенность привела к тому, что большинство людей считают его предназначенным для сокрытия некоторого важного культурно ценного знания от непосвященных и передачи его небольшому кругу посвященных.

Во-вторых, говорить о природе символа как особого эпистемологического феномена сложно и потому, что сами символы чрезвычайно разнообразны. Это и *вербальные* символы, адресующие к содержанию с помощью языковых средств (легенды, мифы, притчи, сказки). Это и *образные* символы, где мысль передается с помощью изобразительных (в широком смысле) приемов: некоторые типы архитектурных и культовых сооружений (пирамиды, соборы, могильники), орнаментальные мотивы, алхимические рисунки и т.п.

Нетрудно видеть, что понятия «вербальные символы» и «изобразительные символы» — всего лишь стилистически приемлемые формы. На самом же деле, речь идет о символах, представленных с использованием *символических* средств (своего рода «символические символы»), и символах, представленных с использованием *образных* средств («образные символы»).

И здесь еще один источник затруднений. Дело в том, что если мы беремся анализировать природу символа как целостного эпистемологического феномена, нам необходимо коснуться вопроса о происхождении этой специфической формы выражения содержания, иначе сложно понять, какие параметры являются характеристическими, а какие обусловлены нашим сегодняшним уровнем понимания проблемы. Это значит, что приходится использовать понятие «символ» в двух смыслах: как *особого приема* указания на подразумеваемое содержание и как *формы репрезентации информации*, альтернативной по отношению к образной. Причем это затруднение нельзя устранить, сославшись на то, что дальше под символом будет пониматься или первое, или второе значение, поскольку используются оба. Вряд ли оправданным было бы и изобретение новых названий: оба употребления устоялись и без особых оснований менять их вряд ли следует. Поэтому придется в сомнительных случаях уточнять, какое из пониманий имеется в виду. Но, в любом случае, я отдаю себе отчет в том, что такая двойственность затрудняет восприятие текста.

Ну и наконец, многозначность символа имеет как бы две плоскости: условно говоря, «горизонтальную» и «вертикальную». «Вертикальная» — это, своего рода, *двойная референция*, которая, на мой взгляд, характерна для символизации как эпистемологического приема. Что имеется в виду? Если мы задумаемся над отличием символов от обычных выражений, то обнаружим, что хотя и те, и другие адресуют воспринимающего к своему содержанию,

но по-разному. Например, обычные понятия могут быть пустыми, неопределенными, двусмысленными, но все эти характеристики относятся к тому содержанию, которое *непосредственно* задается понятием: так, говоря о косе, мы можем иметь в виду и орудие для срезания травы, и вариант женской прически. Но оба эти значения приписываются непосредственно понятию «коса», а не одно другому.

Если же мы возьмем символ, например, «уроборос», то его значением будет «змея, кусающая свой хвост». Последнее, не зависимо от того, представлено ли оно в символической форме, как языковое выражение (т.е., своего рода, «символический символ») или в образной, в виде соответствующего рисунка («образный символ»), в свою очередь, отсылает нас к другим значениям: «вечность», «круговорот жизни», «мировые прародители» и т.п. Такого рода набор значений будет проявлением *горизонтальной* многозначности символа, а цепочка ««уроборос» — «змея, кусающая свой хвост» — «вечность» — *вертикальной*. В последнем случае как раз и заметна двойная референция: символ адресует к поверхностному содержанию, а то, в свою очередь, к глубинному. Причем существование подобного рода зависимости не связано с тем, что в качестве первого звена в приведенном примере используется необычное слово («уроборос») или загадочный графический образ (кольцо, один конец которого помещен в другой конец, имеющий форму пасти). Может быть использовано и вполне знакомое выражение, например, «дурак». (Известно, что в русских народных сказках дурак является одним из любимых персонажей. Как символ, это понятие будет иметь две плоскости смыслов: поверхностную и глубинную. Поверхностное, всем известное содержание отсылает к глубинному, связанному с русской эзотерической традицией¹³⁷.)

Иначе говоря, хотелось бы зафиксировать следующий момент¹³⁸.

Символическое словоупотребление отличается от обыденного тем, что выражение, выступающее как содержание символа, *не является конечным* смыслом, а в свою очередь, адресуется к более глубоким пластам содержаний. Это может быть и многократная референция: глубина понимания символа зависит от способности человека раскрывать все более глубокие содержания и в этом смысле практически безгранична.

Однако что представляют собой эти поверхностные и глубинные содержания?

На мой взгляд, взаимодействие человека с миром происходит на разных уровнях. Это может быть *соприкосновение*, когда человек скользит по поверхности событий незаинтересованным взглядом, замечая лишь то, что само бросается в глаза. В этом случае контакт минимальный. Человек может *сосредоточиться* на предмете. При этом он как бы вбирает его в себя. (Соответствующий уровень в психотехниках характеризуется следующим образом: «Не только субъект притягивает объект, но и наоборот».) И, наконец, *растворение* друг в друге. Человек и мир становятся одним целым. Вспомним, как Д.Судзуки говорил, что для того, чтобы правдиво изобразить растение, надо *стать им*¹³⁹. Понятно, что в этом случае степень взаимодействия и взаимопроникновения человека и мира максимальна.

Я полагаю, что сама возможность символизации содержания обусловлена следующим: то, что человек воспринимает, взаимодействуя с миром поверхностно и глубинно, не есть два независимых и не связанных между собой содержания. Хотя они и различаются (иногда радикально), но на самом деле представляют собой лишь *альтернативные формы проявления действия одних и тех же универсальных сил*: на поверхности — в той форме, которая доступна большинству членов общества при нормальных условиях в обычном состоянии сознания; глубинно — в том варианте, который некоторым индивидам

дается или в измененном состоянии сознания, или в экстраординарных условиях (угроза жизни, стресс, сильная усталость, состояние сенсорной депривации и многое другое).

В основе глубинного взаимодействия с миром, на мой взгляд, лежат такие особенности восприятия, которые были характерны для ранних этапов эволюции человека (известны символические изображения, относящиеся к эпохе палеолита, причем это именно изображения *символов*, а не сценок из жизни): личностное, острое, всеобъемлющее переживание альтернативной реальности, как данной здесь и теперь, в собственных ощущениях. Именно оно составляет подлинную основу эзотерического знания, религиозных верований, мифологических представлений. Средством их выражения и является язык символов. Но чем он отличается от обычного языка? Почему с его помощью люди выражают «предельное», а не повседневное содержание?

Я исхожу из того, что язык символов является неотъемлемой составной частью естественного языка и развивается в процессе естественной эволюции последнего. Различие между ними, на мой взгляд, в том, какой тип взаимодействия с миром оказывается доминирующим. Ранее я упоминала три уровня: поверхностный — когда внимание субъекта лишь скользит по воспринимаемому; углубленный, — когда субъект заинтересован объектом и стремится его изучать; и глубинный, — когда субъект полностью концентрируется на объекте, становясь с ним одним целым.

Первый уровень взаимодействия с миром как раз и обусловит формирование повседневного естественного языка. Последний — создаст предпосылки для появления символов как особой эпистемологической формы репрезентации информации. Почему?

Дело в том, что знак или образ могут начать функционировать как символы только в том случае, если будут иметь, как минимум, два пласта смыслов, ни один из

которых не является простым уточнением, детализацией, разработкой другого (т.е. не произведен от него, а выражает результат *личностного переживания* субъектом *иного пласта реальности*). И поскольку, как уже отмечалось, в основе символизации содержания лежит принцип двойной референции, для появления символа необходимо: а) чтобы субъект был *способен воспринимать* и в собственном опыте непосредственно *переживать* не только поверхностный, но и *глубинный* пласт значений; и в) чтобы эти два пласта представляли собой не изолированные сферы опыта, а являлись *разными формами проявления (манифестации) одних и тех же универсальных сил*, определяющих природу мира и человека (в противном случае связь символа с выраженным в нем содержанием будет произвольной).

В начале человеческой истории в основе всех типов взаимодействия с миром лежало реликтовое восприятие. Поэтому, если мы хотим понять природу языка символов, мы должны принять во внимание те параметры архаической ментальности, о которых речь уже шла выше: возможность использования необычных для современного человека каналов поступления информации о мире, безграничное доверие к показаниям своих органов чувств относительно существования альтернативной реальности, ощущение происходящего в мире, как «со мной и во мне совершающегося», непосредственность переживания, полнота вовлеченности в происходящее и т.п. Именно такого рода характеристики реликтового мировосприятия обусловят как *особенности структур*, с помощью которых человек репрезентирует свой опыт взаимодействия с миром, так и *специфику психических содержаний*, формирующихся на этой основе.

7.2. Логика возникновения символа

Почему у разных народов, относительно которых неизвестно, чтобы между ними в древности существовали культурные контакты (например, китайцы и индей-

цы), встречаются сходные символические мотивы – и образные (орнаментальные, музыкальные, архитектурные) и вербальные (сказки, мифы)? Обычно это объясняют одним из следующих способов:

– все люди произошли «из одного корня». Племя «прародителей» имело именно такие символы и мифы. Распространившись по миру, они принесли с собой родные для них мотивы в новую среду обитания. Поэтому и обнаруживается такое большое сходство символических сюжетов и образов даже в тех культурах, относительно которых неизвестно, чтобы они были связаны отношением кросскультурного переноса;

– сходные условия обитания порождают сходные мифологические, религиозные, символические идеи. Логика здесь такая: среда обуславливает специфику восприятия и мышления человека. Сходная среда – сходные восприятие и мышление – повторяющиеся символические мотивы в не пересекавшихся культурах;

– сходная генетика: многие когнитивные способности (в том числе, восприятие и мышление) имеют генетическую обусловленность, предзаданность. Хотя народы различаются, но что-то в их генетической основе есть фундаментально общее. Это общее и обуславливает повторяемость самых основных идей и образов в мифологических, религиозных и символических представлениях;

– одна и та же древняя мудрость, лежащая в основе всех современных символических и религиозных сюжетов, была передана богами или культурными героями. Отсюда – повторяемость основных мотивов, несмотря на многообразие вариаций.

Я хочу предложить вниманию читателя еще один вариант объяснения. В его основе – данные о том, что при определенных условиях люди способны всем своим существом, «кожей», ощущать присутствие альтернативной реальности. Существуют многочисленные свидетельства такой возможности и у здоровых людей (в основном это

касается представителей примитивных культур), и у больных (данные Т.А.Доброхотовой и Н.Н.Брагиной об особенностях восприятия левшей при некоторых патологиях мозга). В частности, отмечается феномен ощущения «другого» (обычно за спиной) по шевелению волос на затылке (вследствие его «дыхания»), легких прикосновений, встречается предвидение будущих событий¹⁴⁰ и т.п.

В результате у людей, обладающих такими возможностями, складывается убеждение, что альтернативная реальность сосуществует с нашей. Причем такое убеждение имеет все признаки подлинной веры — не рационального, рассудочного осмысления, а основанного на собственном непосредственном ощущении опыта. Именно этим — наличием собственного непосредственного опыта переживания встречи с альтернативной реальностью, как я полагаю, и объяснялась истовость веры ранних христиан, об утрате которой сегодня нередко сожалеют¹⁴¹. Однако дело здесь не в том, что современный человек плох, а прежде был хорош, а в том, что сегодня он лишен возможности непосредственного восприятия альтернативной реальности, которая лежала в основе религиозного чувства. По свидетельству отцов церкви, раньше вера была живой, одухотворенной (в отличие от нынешней — рассудочной, требующей доказательств).

И косвенно это подтверждает то, что раньше большинство людей имело *спонтанную способность непосредственного переживания альтернативной реальности в собственном внутреннем опыте*. Иначе говоря, реальность, лежащая за пределами обыденной, непосредственно воспринималась большинством членов сообщества. А некоторые его члены, возможно, имели опыт переживания каких-то глубинных ее пластов. Какое отношение все это имеет к проблеме символизма?

Как мне кажется, человек репрезентирует отвлеченные идеи в конкретных символах (змея, баран, бык, козел) не потому, что значимая для него универсальная сила

напоминает что-то от соответствующих животных, а потому, что то, как нами ощущаются эти животные — это *просто специфически человеческое восприятие глубинных универсальных сил в той их форме, которая связана с физическим миром воплощений.*

Это весьма примечательно: пусть и в измененных состояниях сознания, но такие переживания для человека возможны. Сегодня они — результат некоторых культурных или личностных особенностей (вспомним переживания Шерешевского, Д.Маккенны или левшей с определенными патологиями мозга). Но вполне возможно, что раньше такое восприятие было скорее правилом, чем исключением. Ну, например, то, что касается левшей¹⁴². Сегодня людей с доминантным правым полушарием меньше, чем правшей (людей с доминантным левым полушарием). Левополушарная мыслительная активность связана со стратегиями переработки информации, которые, в целом, характерны для более поздних этапов эволюции мыслительных способностей: последовательного, дискретного, непротиворечивого, градуированного её представления. Базисом для подобной репрезентации служит целостное, непрерывное, симультанное мышление-чувствование, — то, что связывают с правополушарностью.

Не будем сейчас обсуждать, каким было мышление на ранних стадиях эволюции — по преимуществу правополушарным или доминантность вообще не была выражена. В любом случае, роль правого полушария в восприятии и репрезентации информации была большей, чем у человека технократической цивилизации. Поэтому современные данные об организации (и особенно дезорганизации) умственных процессов у людей с доминантным правым полушарием могут кое-что подсказать о специфике реликтового мировосприятия.

Во-вторых, то, что сегодня — болезнь, нарушение, когда-то могло рассматриваться обществом просто как особое состояние, а люди, имеющие такие особенности —

как духовидцы, приносящие пользу сородичам именно вследствие своих необычных возможностей. Например, еще и сегодня бытует представление, что эпилепсия — «божественная болезнь», а эпилептики отмечены богом.

Таким образом, вполне возможно, что то, что сегодня воспринимается с недоумением и недоверием (имеется в виду внутренний опыт непосредственного переживания альтернативной реальности), когда-то было если и не массовым, то, по крайней мере, гораздо чаще встречающимся феноменом.

Итак, какова же природа символов?

Объекты, используемые в качестве символов (допустим, графические изображения животных), на мой взгляд, не являются графическими изображениями животных. И не потому, что содержание символа богаче.

Возьмем символ, графическое выражение которого напоминает рыбу. Правильно ли будет говорить, что перед нами — изображение рыбы, символизирующее то-то и то-то? Представляется, что нет. Обсуждаемая графема — это репрезентация *универсальной* силы, которая в нашем мире имеет воплощение, напоминающее рыбу. И это происходит потому, что в создании рыбы, как нового вида живых существ, эта сила участвовала. Потому и изображение силы, и внешний вид рыбы сходны. Рыба, *как вид*, создававшийся на уровне глубинных структур, представляет собой совершенную структуру, полученную на глубинном уровне в результате взаимодействия универсальных сил. Но это значит, что и выражением именно такого взаимодействия сил на нашем уровне будет то, что внешне напоминает рыбу.

Однако цепочка здесь не такая, как обычно видится: содержание, которому подыскивается символическое выражение — объект, который почему-либо напоминает содержание — символ. А такая: непосредственное переживание глубинной реальности и, соответственно, сил, действующих на этом уровне, — выражение этого переживания теми средствами, которые находятся в распоряжении существа физического мира, — символ.

Уточню. Мы часто встречаемся с вполне реальными объектами, используемыми в качестве символических фигур — образных или вербальных (допустим, рыба, бык, козел, лиса). И возникает соблазн посчитать, что это (конкретное изображение конкретного животного или образ такого животного в сказке) и есть символ. Т.е. бык — символ мужской производительной силы, рыба — символ искупления и т.п. Однако это лишь внешняя форма взаимосвязей. На самом деле все сложнее и проще. То, что мы воспринимаем как быка, козла, рыбу — не совсем бык, козел, рыба. Это *символические репрезентации*, которые *напоминают* животных нашего мира — быка, рыбу, козла.

Случайно ли такое сходство? Думается, нет. Дело в том, что сами объекты нашего мира возникли как физическое воплощение в веществе «материя-сознание» тех структур, которые сложились на уровне глубинной реальности. Иными словами, то, с чем мы имеем дело в нашем мире, — стихийное, спонтанное воплощение результатов взаимодействия универсальных сил в нашем слое реальности. Но это означает, что если мы воспримем некую универсальную силу или сочетание неких универсальных сил, то форма, в которую мы сможем облечь свое переживание, и будет той, что соответствует миру, в котором мы живем.

Иначе говоря, это и будет нечто, возможно, напоминающее, а возможно, и совершенно точно воспроизводящее внешний вид соответствующих физических воплощений глубинных структур. Таким образом, мы действительно получим изображение рыбы, козла или быка, но в результате совершенно другой познавательной процедуры: как результат *непосредственного переживания глубинной реальности и выражения этого переживания в единственно возможной для нашего мира форме*. Иными словами, если бы человек, способный к непосредственному переживанию альтернативной реальности, никогда в сво-

ей жизни не видел бы быка, но попытался графически представить результат своего переживания мужской производительной силы, он представил бы ее в форме, напоминающей изображение быка. И это, на мой взгляд, объясняет то, почему в некоторых случаях мы встречаем символы, не вполне похожие на животных, которых мы считаем прообразом символа: у них может не доставать какой-либо части, или наличествовать нечто, отсутствующее у реального персонажа, или может быть гипертрофирована или минимизирована (по сравнению с реально существующим животным) та или иная структура. А причина здесь в том, что вызывающий сомнение символ не есть изображение животного, которое он напоминает, а представляет собой совершенно самостоятельный продукт переживания и репрезентации *какого-то аспекта альтернативной реальности*.

Конечно, совпадение или даже сходство внешней формы такого символа-изображения и изображения реального персонажа не случайно. Но в его основе не то, что одно является воспроизведением другого (символический рисунок воспроизведением реального животного), а то, что оба они — результат манифестации универсальных сил на нашем уровне реальности, но животное — как объект мира, а символическое изображение — как результат познавательной деятельности человека, совершенно независимой от данного конкретного персонажа.

Особенно наглядно это видно на примере символов, не имеющих буквальных аналогов среди объектов реального мира. Например, символ змеи, кусающей свой хвост. (Хотя и такая формулировка неверна, поскольку это не змея.) Но будем использовать привычные выражения. Главное показать, что имеется в виду.

Итак, имеется в виду изображение кольца, один конец которого шире другого и более тонкий погружен в более толстый. Конечно, никто не думает, что источником символа послужила подлинная ситуация, где бы ав-

тор изображения стал свидетелем подобного необычного поведения змеи. Но модель объяснения используется та же, что и для случаев достаточно точного воспроизведения в символах объектов или ситуаций, — т.е. что прообразом символа послужил реальный персонаж — змея. Просто ситуация искусственная, но это потому, что передается абстрактная идея бесконечности, или же прародителей, или же круговорота времен. Иначе говоря, в качестве объяснения процесса порождения символа предполагается та же цепочка: надо передать некое содержание; лучше всего оно может быть выражено в том случае, если использовать образ змеи, только один ее конец вставить в другой.

Т.е. в традиционной модели получается такая картина формирования символа: имеется некая идея, для которой изыскивается форма выражения, и по тем или иным причинам, обычно совершенно загадочным, автор символа приходит к выводу, что наилучшим образом искомое содержание будет выражено при использовании образа данного конкретного существа. И здесь каждый автор *интерпретации* предлагает множество уже своих собственных реконструкций по поводу того, почему бы изображение змеи подходило для передачи такого содержания символа. В результате читатель имеет совершенно произвольную конструкцию, полную случайностей: почему-то выбран данный конкретный образ для передачи данного содержания, и можно предположить, что это потому-то и потому-то. А другой автор может интерпретировать совершенно иначе, и ни у того, ни у другого нет возможности доказать свою правоту. Потому язык символов так темен.

Однако из-за сложности идей, как полагают, иногда приходится что-то изменять в реалистических, по своей сути, изображениях. Так, у лошади может появиться на лбу рог, и она станет мифическим животным единорогом — но для нас-то она все равно лошадь с рогом на лбу.

За подобным представлением о характере изображенных символов стоит вполне определенная модель истолкования истоков их порождения. И вот с ней-то я как

раз совершенно не согласна. А такое широкое распространение эта модель получила потому, что очень точно соответствует нашим поверхностным представлениям о том, как формируется глубинное знание: это или благодеяние богов и героев, или совершенно случайный процесс нащупывания истины. Мне же думается, что это *глубинный процесс внутреннего проживания в самом себе недоступных поверхностному восприятию содержаний и их максимально адекватное выражение в единственно приемлемой для человека, как существа физического мира, форме*. А в основе всего этого – готовность отказаться от барьеров, отделяющих человека от мира, от самости и ограниченности, которые лежат в основе «Я». Поэтому, на мой взгляд, это интеллектуальный и духовный подвиг тех, кто сознательно решился выбрать сложный путь самосовершенствования за счет изживания собственной ограниченности и расколотости сознания. Вот почему для меня так важно показать, что и символы-графемы, и символы-мифологические персонажи – не результат адаптации известных человеку форм из мира поверхностных структур, а совершенно независимо найденные образы репрезентации значимых содержаний.

Мы обычно говорим: рыба является символом искупления, бык символизирует мужскую производительную силу, козел является символом сатанинских сил. Верна ли такая форма утверждения? Я полагаю, что нет. Правильнее сказать следующим образом: *данное графическое изображение (графема), внешне напоминающее быка (похожее на изображение быка), символизирует мужскую производительную силу*.

Есть ли какая-либо разница между этими утверждениями? На первый взгляд, практически, никакой ведь никто не предполагает, что бык, как *физическое существо*, является символом. Понятно, что подразумевается его изображение. Иначе говоря, первое утверждение фактически означает следующее: *графическое изображение быка*

является символом мужской производительной силы. В такой форме утверждения, выделенные курсивом, кажутся почти неотличимыми. Почему же я утверждаю, что одно из них вводит в заблуждение и в основе его лежит неадекватное представление о процессе порождения символа?

Попробую объяснить. Утверждение, что графическое изображение объекта физического мира служит символом чего-либо, фактически, имеет в своей основе вполне определенную модель объяснения процедуры порождения символа. И в частности, неявно подразумевается следующее: имеется некое глубинное содержание, которое по какой-то причине (на этом пока не будем останавливаться) не может быть выражено обычным образом — с помощью языка или с использованием стандартных образных средств (ну например, в качестве зарисовки с натуры). Тем не менее, необходимо его каким-то образом репрезентировать. Тогда выбирается некий объект физического мира, который в дальнейшем и используется в качестве репрезентанта искомого содержания. Так появляется символ.

Как видим, при таком неявном понимании процедуры порождения символов возникает масса вопросов: почему бы не выразить глубинное содержание теми средствами, с помощью которых мы выражаем поверхностное содержание? Почему в качестве символа, выражающего данное конкретное содержание, выбирается данный конкретный объект, а не любой другой? Каким образом получается, что использованный символ все-таки оказывается репрезентирующим искомое содержание: если он выбирался произвольно («по соглашению», условно говоря), то связь между ним и репрезентируемым содержанием — случайная. Почему же тогда в разных культурах, относительно которых вряд ли можно говорить о культурном заимствовании, одни и те же символы нередко выражают сходное содержание? Если же связь между символом и выражаемым им содержанием

не случайная, сущностная, то, во-первых, какова природа этой связи, что за ней стоит? Во-вторых, как человек узнаёт о том, что данное глубинное содержание выражается данным символом? (Когда мы рассматриваем стадию *эволюции* знания, то тут все понятно — знание было *передано* от одних людей другим. А если мы говорим о стадии *формирования* знания, т.е. том этапе эволюции содержаний, когда символ только родился? Как он был получен?)

Итак, мы видим, что обычная, неявно подразумеваемая модель понимания символизма оставляет открытыми буквально все вопросы, касающиеся природы языка символов. Т.е., считая, что определенные объекты физического мира¹⁴³ являются символами тех или иных глубинных содержаний, мы не столько проясняем, сколько запутываем ситуацию, и без того непростую.

Что же я предлагаю взамен?

Прежде чем дать ответ, я постараюсь в общих чертах обрисовать, как мне видится процесс порождения символов. Тогда станет понятным и отличие предлагаемого мной понимания от традиционного.

На мой взгляд, человек в сфере символического языка от начала и до конца выступает как полноправный и единственный творец этой реальности¹⁴⁴. Во-первых, откуда берется символическое содержание, которое предстает каким-то образом репрезентировать?

Считается, что это некое *глубинное* знание, т.е. то, которое мы не можем извлечь, взаимодействуя с миром поверхностно. Обычно не уточняется, что такое «глубинно», что такое «поверхностно». И так вроде понятно: «глубинно» — то, что под «поверхностным». А почему, взаимодействуя поверхностно, мы не можем извлечь глубинное содержание, и как же мы его все-таки извлекаем, — не объясняется. Я предпочитаю обговорить эти вещи в явной форме.

Как следует из моделей, предлагавшихся мною выше, я предполагаю наличие разных уровней жизни, начиная от уровня действия универсальных сил, лежащих в основе всего сотворенного мира, и – в зависимости от степени представленности энергий ян и инь – все более, условно говоря, овеществленные миры. Где-то среди них располагается и привычный нам физический мир. Любое событие, любое существо (как вид) зарождается на уровне действия универсальных сил. Когда в процессе их взаимодействия осуществляется выход на гармоничную и устойчивую структуру-оптимум, она получает воплощение в физическом мире. Так, на мой взгляд, формировались виды живых существ и типы событий. Я буду называть их *глубинными структурами* тех событий, явлений и предметов, с которыми мы сталкиваемся в физическом мире. И напротив, события, явления и предметы нашего привычного физического мира я буду называть *поверхностными структурами*. Понятно, что поверхностные структуры, т.е. то, с чем мы взаимодействуем в обычных условиях в обычном состоянии сознания, непосредственно связаны с глубинными. Фактически, это они же, но в той форме воплощения, которая является единственно возможной *в нашем физическом мире*.

Тем не менее, природа нашего мира и мира универсальных структур, безусловно, различна. И это означает, что, несмотря на *структурное* тождество имеющегося в нашем мире и существующего в мире универсальных сил, *субстанционально* – это разные вещи (ведь вещество-носитель нашего мира и мира универсальных сил – совершенно различны). Поэтому, взаимодействуя с миром на уровне восприятия *поверхностных* структур, мы и представить себе не можем параметры *глубинных* структур, лежащих в их основе (или, говоря по-другому, являющихся *ими же*, но на другом уровне воплощенности).

Мы хотели бы иметь представление о природе этих глубинных структур. Но в силу особенностей организации наших органов чувств, нашего восприятия и мыш-

ления, мы хотели бы иметь об этом представление *в той форме*, которая является единственно *доступной для нас* — видеть, как они *выглядят*, слышать, как *звучат*, понимать, как они *функционируют* и т.п. Хорошо это или плохо, правильно или неправильно — бессмысленные вопросы: человек таков, каков он есть, каким ему позволяет быть его глубинная природа. Мы не можем выйти за пределы тех способов освоения мира, которые находятся в нашем распоряжении. Поэтому, даже если глубинные структуры не «выглядят», не «звучат» и не «функционируют», составить себе представление о них мы можем только на основе тех средств, которые позволяют нам воспринимать и осмысливать мир.

Поэтому попытка постижения глубинных структур ставит перед человеком сложную двуплановую задачу: во-первых, создать условия, в которых взаимодействие с миром глубинных структур стало бы возможным; и, во-вторых, настроиться на их восприятие так, чтобы они зазвучали, приобрели форму, начали функционировать. Иначе говоря, человек должен пережить их в себе, как составную часть самого себя, и дать пережитому максимально адекватное выражение, несмотря на то, что природа человека и выражаемого содержания различна. *Вот таким выражением глубинного содержания (или содержания уровня универсальных сил) средствами, имеющимися в распоряжении человека (как существа физического мира) и являются, на мой взгляд, символы.*

Теперь возникает вопрос, почему продуцируемые человеком формы для выражения глубинного содержания могут *напоминать* объекты физического мира, хотя получены в результате совершенно самостоятельной познавательной процедуры (а не в результате использования готовых объектов физического мира, или их производных, для репрезентации содержаний уровня универсальных сил)? Это не может быть случайным, т.к. объекты, похожие на то, что существует в материальном

мире, *слишком часто* фигурируют как символы. Настолько часто, что это, как мы видели, и побудило считать образы *именно реальных объектов* символами.

Я полагаю, дело здесь в следующем. Та форма, в которой человек репрезентирует глубинные содержания, обусловлена особенностями *его собственной природы* как существа *физического мира*. Но и объекты физического мира являются *формой воплощения* глубинных структур, полученных на уровне действия универсальных сил. Иначе говоря, если то глубинное содержание, с которым человеку удалось вступить во взаимодействие, имеет хоть какую-то представленность в физическом мире, то оно *обязательно будет напоминать* что-то из объектов этого мира или состоять из соединения частей, встречающихся у разных объектов этого мира.

По-другому просто не может быть, потому что встречающееся в нашем мире и само не может быть иным, чем допускают *законы организации* этого мира, и его *репрезентация* не может быть иной, чем это допускается *возможностями существ* нашего мира. И это будут весьма сходные формы, потому что мы видим объективный мир так, как мы его видим, вследствие специфики организации наших органов чувств, восприятия, мышления. Но эти же средства репрезентации информации обусловят и *особенности выражения нами воспринятого глубинного содержания*.

Так и получается, что, осуществляя *совершенно самостоятельные* действия в процессе постижения глубинных содержаний, мы получим формы выражения этих содержаний, *напоминающие* объекты (или их вариации, но все равно вполне узнаваемые) нашего мира.

Это очень важно. Человек от начала и до конца, от первого своего действия до результирующей репрезентации, является *единственным* творцом символической реальности. Он не использует готовые объекты для выражения искомого содержания. Он их полностью созда-

ет сам, в процессе постижения глубинной реальности. И, тем не менее, именно вследствие *логики организации нашего мира*, найденные им репрезентации будут воспроизводить либо достаточно точно, либо с некоторыми узнаваемыми вариациями объекты нашего мира. И это не должно нас сбивать: объекты нашего мира *не используются* как символы и *не являются* символами. Наоборот, символы, найденные человеком, с *необходимостью напоминают* объекты нашего мира.

Как видим, при таком понимании процесса порождения языка символов мы вообще не сталкиваемся с вопросом, *почему* то или иное существо *используется как символ* для выражения конкретного глубинного содержания. Ни существо, ни сочетание отдельных параметров существ; ни образная, ни вербальная репрезентации характеристик этих существ не используются в качестве символов. Нахождение символической репрезентации – совершенно самостоятельный познавательный процесс.

Очевидно, что в случае принятия такой модели полностью отпадает необходимость в реконструкции и аргументировании того, *почему*, допустим, данное конкретное животное позволяет передать данное конкретное глубинное содержание. А это означает, что степень произвольности в рассмотрении языка символов может быть существенно уменьшена, потому что, как я уже говорила, каждый специалист исходит из собственной интуиции относительно того, *чем* данное конкретное существо могло побудить автора символа использовать *именно* его как символ¹⁴⁵.

Теперь обратимся еще к одному из вышеупомянутых вопросов. Может ли какая-либо неслучайная, сущностная связь лежать в основе сходства («напоминания») найденного человеком символа и реального (или производного от реальных) персонажа нашего мира? Иначе говоря, *почему* символические персонажи напоминают реальных с такой устойчивой повторяемостью?

Я полагаю, что дело здесь может быть в следующем.

Как уже отмечалось, объекты физического мира представляют собой воплощения глубинных структур, полученных на уровне действия универсальных сил. Представим себе, что человеку удалось вступить во взаимодействие с этим уровнем реальности и он ищет максимально адекватную форму для выражения собственного переживания природы какой-либо универсальной силы (или сочетанного действия каких-либо универсальных сил). Если ему удалось успешно осуществить этот процесс сотворения адекватной формы для найденного им содержания, оно, скорее всего, окажется выраженным аналогично тому, как это происходило *и без его участия*, т.е. в процессе *собственного* воплощения универсальной структуры в мир. Так и получается, что конкретное глубинное содержание вполне устойчиво воспроизводится в конкретных *устойчивых персонажах* даже в тех культурах, которые не связаны отношением кросскультурного переноса.

Итак, я предложила ответы на те вопросы, которые поставила выше, когда отмечала, что традиционная модель понимания природы символа не позволяет их анализировать достаточно аргументированно. Разумеется, такие ответы не будут рассматриваться как удовлетворяющие человеком, не готовым принять предлагаемое мной представление о логике происходящего в физическом мире как о процессе, имеющем свою предысторию. Но тогда он неизбежно оказывается в рамках плоскостной модели эволюции и сталкивается со всеми теми сложностями, которые я отмечала по ходу анализа. Поэтому, в принципе говоря, основной акцент в понимании природы языка символов падает на мировоззренческий выбор.

Если же принять предлагаемую объемную модель эволюции, то на многие вопросы удается дать вполне рациональные ответы. Это, на мой взгляд, очень важный позитивный момент, поскольку позволяет переместить проблему символизма в плоскость научного рассмотре-

ния за счет того, что, с одной стороны, уменьшается субъективизм в интерпретации символов, неизбежный в том случае, если мы исходим из *случайного* характера связи символа с выражаемым им содержанием¹⁴⁶ и ищем обоснование такой связи. И с другой, — акт постижения глубинного содержания и выражения его в символах перестает выступать как мистический, иррациональный, обретая статус, пусть и чрезвычайно значимого, но совершенно естественного познавательного феномена.

Теперь попробуем ответить на вопрос, почему глубинное содержание не может быть выражено средствами языка, сформировавшегося в процессе взаимодействия с поверхностными структурами?

На первый взгляд, ответ очевиден: потому и не может, что средства репрезентации поверхностных структур не годятся для выражения глубинных. Однако такой ответ мало что проясняет: он, фактически, тавтологичен. Сложность же здесь, на мой взгляд, состоит в том, что, по существу, для выражения символических содержаний используются *те же образы*, которые мы используем для репрезентации обыденной реальности, *тот же естественный язык*, с помощью которого мы описываем результаты нашего взаимодействия с поверхностными структурами. Тем не менее, мы называем и образы, и язык, выражающие глубинные содержания, символическими. На каком основании мы это делаем? Чем отличается упомянутый в разговоре осел соседа от осла Апулея? (Кроме того, конечно, что один — реальное существо, а другой — литературный персонаж.) Что дает нам основания считать изображение голубя, сделанное ребенком в зоопарке, реалистическим рисунком, а изображение голубя алхимиком в его трактате — символическим? Очевидно, контекст, в котором мы встречаемся с той или иной конкретной формой репрезентации человеческого опыта. Но что именно в контексте? Мне думается, то особое, что позволяет оценить нам некий текст, как симво-

лический¹⁴⁷, — это разного рода несообразности, которые мы замечаем в нем. (Когда я говорю о несообразностях, то имею в виду те его особенности, которые бросаются в глаза из-за того, что для обычных описаний они выглядят странными, неорганичными.)

Ну например, герой волшебной сказки для того, чтобы расколдовать принцессу, убивающую претендентов на свою руку и сердце, если те не отгадают ее загадки, должен ночью не только последовать за ней по воздуху, но и стегать ее прутом изо всех сил, но так, чтобы она не проснулась. Можно ли представить себе нечто подобное в жизни? (Здесь особенно странным является не требование лететь по воздуху, а пожелание стегать прутом, но так, чтобы персонаж продолжал спать.) Или же такое: часто ли приходится видеть змею, кусающую свой хвост, или лошадь с рогом на лбу, или животное с когтями орла, головой человека, туловищем льва?

Конечно, предложенная характеристика символических текстов — как таких, где обычные образы (или их части) и обычные выражения сочетаются необычным образом или выполняют необычные функции, достаточно расплывчата. Например, текст (образный или символический) больного-шизофреника также произведет впечатление странного, необычного, наполненного несообразностями. Но мы не станем называть его символическим. Мы скажем, что это адекватная репрезентация расщеплённого сознания.

Так что же позволяет нам не путать странности и несообразности символического текста со странностями и несообразностями текста, порожденного большим сознанием, и отнести первый — к глубинам человеческой мысли, нуждающейся в расшифровке и интерпретации, а второй — к проявлениям патологии? И вот на этот-то вопрос ответить совсем непросто, потому что в его основе — проблема различения нормы и патологии, а она, как известно, из числа нерешаемых. Взять хотя бы историческую и культурную обусловленность нормы: то, что

в одни века и в одних культурах рассматривалось как норма, в других выступало как патология. Кроме того, существуют многочисленные пограничные состояния, которые – при одном взгляде на них – могут быть отнесены к норме, при другом – к патологии. Наконец, поскольку мы не до конца понимаем природу психических и личностных нарушений, вполне может быть, что то, что мы оцениваем как продукт расколотой психики по существу представляет собой проявление измененного состояния сознания. Ну и так далее.

Итак, с учетом сделанной оговорки, будем в качестве рабочего использовать представление о символическом тексте как о таком, в котором *привычные для нас образы (или их детали) и понятия сочетаются непривычным способом или используются для выполнения неожиданных функций*. Такое представление помогает нам плотнее приблизиться к вопросу о том, в чем отличие естественного языка, применяемого для описания поверхностного взаимодействия человека с миром, от символического. Совершенно очевидно, что не в самих образах и не в самих понятиях¹⁴⁸. (Разумеется, символические образы и символические понятия *по содержанию* будут отличаться от тех, что используются для репрезентации опыта взаимодействия с поверхностными структурами, но в данном случае я говорю *о форме*.)

Так в чем же? Как я уже упоминала, вероятнее всего, следует обратить внимание на *необычность сочетаний* обычного и *необычность функций* обычного. Эти качества мы обнаружим и в символике сновидений, и в символике мифов, и в волшебных сказках, и в алхимических изысканиях. Откуда берется такая необычность?

Если исходить из того, что человек не измысливает символическое содержание, а лишь извлекает его из своего опыта взаимодействия с миром глубинных структур и дает ему максимально адекватное выражение, мы должны признать, что *в мире глубинных структур возможны*

такие сочетания элементов, которые не встречаются в нашем мире. И это безусловно так: если бы это было по-другому, тогда и формы выражения сочетаний элементов символических текстов не казались бы нам странными, необычными, удивительными. А это означает, что специфика вещества-носителя нашего мира *налагает определенные ограничения* на возможности реализации глубинных структур. Потому что то, что мы имеем в нашем мире, и то, что существует в мире универсальных сил, *структурно* — одно и то же. Отличие — в веществе-носителе наших миров. Но это означает, что ограничения на сочетаемость элементов налагаются именно *природой вещества-носителя*. Отличие вещества-носителя нашего мира — в большей представленности энергии инь — женской, косной, пассивной, обволакивающей, оформляющей, приземленной. И значит, именно бóльшая «иньскость» нашего мира препятствует реализации тех сочетаний, которые в принципе возможны в более янском мире.

Когда человек создает предпосылки для взаимодействия с миром глубинных структур, он видоизменяет свою природу так, чтобы в ней *могли* получить отклик и те компоненты действительности¹⁴⁹, которые в обычном состоянии при обычных условиях не получают резонанса в человеческой натуре. Иначе говоря, он *расширяет границы своего внутреннего мира* таким образом, что в нем оказываются представления и те содержания, восприятие которых обычно находится за пределами его возможностей. О том, что для этого нужно, мы говорили в других разделах.

Разумеется, подобное расширение возможностей может произойти и спонтанно, — такие случаи известны: нередко это является следствием перенесенных тяжелых заболеваний, особенностей функционирования психики, определенных личностных нарушений. Все эти варианты небезопасны¹⁵⁰.

Итак, чтобы получить возможность извлечь и репрезентировать символическое содержание, человек должен трансформировать свою природу таким образом, чтобы в ней нашли отклик и могли быть представлены глубинные структуры и те типы взаимодействия универсальных сил, которые *возможны в альтернативной реальности*. Но поскольку, как мы говорили, иная природа вещества-носителя нашего мира налагает ограничения на возможность сочетания элементов, постольку и получается, что *продуцируемые человеком символы, даже если и напоминают объекты реального мира, но фигурируют в тех сочетаниях или выполняют те функции, которые необычны для нашего мира*. С этим-то обстоятельством и связано то, что язык символов, вроде бы обычный (в том смысле, что не какой-то особый, даже слова которого мы никогда не слышали), все-таки позволяет передавать содержания, не характерные для нашего мира.

Таким образом, человек не может использовать обычный язык образов и обычный естественный язык для выражения символического содержания потому, что *варианты сочетаний* элементов образов и понятий, допускаемые нашими обыденными языками, меньше, чем это требуется для передачи глубинного знания. В то же время, элементы естественных языков — как образного, так и вербального — включаются в язык символов, поскольку а) являются *единственно возможной* для человека (как существа физического мира) формой репрезентации каких бы то ни было впечатлений (будь то впечатления от взаимодействия с миром поверхностных структур или с миром глубинных структур); и б) если человеку удастся найти адекватное выражение собственных переживаний глубинного содержания, оно *совпадает* (по крайней мере, оказывается весьма близким) с той формой, которую данная универсальная сила *объективно* имеет в качестве своего выражения в физическом мире. А это значит, что и средством ее репрезентации

могут служить стандартные элементы обыденных языков – образы, понятия (хотя их содержание, конечно, будет иным).

Итак, я рассмотрела, *как формируется* глубинное знание, выражаемое в языке символов. Это сделало понятным, что некорректной является постановка вопроса о том, *почему* изображение (или идея) данного существа выражает данное символическое содержание. Удалось выяснить, *что именно* в языке символов является отличительным по отношению к обыденным языкам. Было показано, *почему* элементы «поверхностных языков» используются в «глубинном», и почему результирующие репрезентации символических содержаний *напоминают* объекты физического мира. Это, в свою очередь, позволило осознать, в связи с чем обыденные языки в полном объеме не могут использоваться для передачи символического знания.

8. ПОСТИЖЕНИЕ СИМВОЛА КАК ПЕРЕЖИВАНИЕ

Итак, язык символов – результат репрезентации человеком воспринятого им глубинного знания теми средствами, которые имеются в его распоряжении и которые сформировались в результате взаимодействия с миром поверхностных структур.

Процесс постижения глубинного содержания предполагает, как я уже отмечала, создание необходимых предпосылок. И, прежде всего, трансформацию собственной внутренней природы за счет устранения диссоциации личности и восстановления целостности и гармонии. Подобное изменение внутренней природы человека позволяет ему начать воспринимать мир (т.е. вступить во взаимодействие с миром) таким, каким на поверхностном уровне он не воспринимается, т.е. целостным, гармоничным, открытым к взаимодействию. Тогда мир спонтанно переживается человеком как безопасный, пронизанный любовью, понятный, потому что для постижения его сущности не требуется «взламывать» оборону объектов, отделенных от человека стеной его собственной дисгармоничности и расщепленности. В таком трансформированном внутреннем состоянии окружающее снова будет переживаться так, как это происходило до грехопадения, когда человек ощущал себя живущим в раю. И снова окажется, что ему доступно любое знание, в котором он нуждается,

т.к., для того, чтобы знать, достаточно обратить заинтересованное внимание на объект: концентрация внимания в ситуации внутренней гармонии с миром приведет к «вбиранию» объекта в себя, проживанию происходящего в нем, как в самом человеке совершающегося. Могут ли в такой ситуации остаться тайны? Требуется ли здесь реконструкция и домысливания? Думается, нет.

Но это, на мой взгляд, еще не то глубинное знание, которое может быть выражено лишь средствами языка символов. Хотя оно, безусловно, более глубокой природы, чем то, которым мы в состоянии овладеть, находясь с миром в поверхностных отношениях отстраненности и конфликта, когда для выяснения истины приходится буквально разрывать сознанием внешние оболочки, которыми объекты оказываются отделены от нас.

Знание, полученное в результате процесса собственной трансформации, способно дать информацию о том, какова внутренняя природа объекта, что именно с ним происходит в данный момент. Т.е. оно как бы носит *ситуативный характер*. На этом уровне мы всего лишь *постигаем объекты нашего мира*, хотя и в их *подлинном облики*. Глубинное же знание, репрезентируемое в языке символов, выражает информацию *о природе мира универсальных сил*. И это все-таки совершенно иной уровень постижения. Вполне возможно, что именно для получения такого рода знания понадобился этап эволюции человека, начавшийся с грехопадения и повлекший за собой развитие способности и средств *сознания*. Мне кажется, что именно концентрация сознания в процессе достигнутого гармоничного созвучия с миром позволяет человеку проникнуть в мир глубинной реальности.

8.1. Сознание как средство постижения

Иначе говоря, процесс постижения символического знания видится мне состоящим из трех этапов: 1) трансформация внутренней природы человека, когда его ве-

щество-носитель утрачивает качество диссоциированности и вновь обретает целостность, от несознающей материи и нематериального сознания возвращаясь к материи-сознанию (в результате человек оказывается способным к спонтанному и ненасильственному проживанию в себе самом происходящего с другим); 2) за счет концентрации сознания на происходящем, человек вырывается за пределы нашего мира и постигает мир глубинной реальности как составную часть собственного внутреннего опыта; 3) внимательно вслушиваясь в характер переживаемого им, он создает максимально адекватные формы репрезентации открытого (найденного) содержания.

Хочу обратить внимание на второй пункт: человек вырывается за пределы нашего мира и постигает мир глубинной реальности. Почему это оказывается возможным? Ведь имевшаяся на ранних стадиях эволюции способность спонтанного ненасильственного постижения сути объектов восстанавливается на первом этапе. Почему же, «живя в раю», человек не создавал символического знания? Ведь оно, судя по всему, было и тогда ему доступно, раз предпосылка такого постижения уже существовала?

Думаю, что нет. Внутренняя гармония самого человека, делающая его созвучным окружающему миру, — лишь одно из необходимых условий получения глубинного знания. Второе, важнейшее, это, на мой взгляд, всемерное развитие способности сознания. Вспомним, в результате чего и на какой основе зарождается и развивается эта способность.

Когда после проживания в себе самом добра и зла, повлекшего радикальную трансформацию внутренней природы, человек обнаруживает себя в совершенно незнакомом, враждебном, отгороженном от него мире, где его прежние средства постижения оказываются неприемлемыми, он вынужден искать что-то взамен утраченных способностей. Т.е. он оказывается перед дилеммой:

или подобрать какие-то другие ключи к пониманию мира или умереть, потому что без понимания закономерностей происходящего, без предсказания хотя бы ближайшего будущего просто невозможно выжить во враждебном непонятном мире, где все приходится добывать с боем.

Таким альтернативным средством освоения мира и стало, на мой взгляд, сознание. Рождается ли оно «из ничего», на пустом месте, или же представляет собой трансформацию некой ранее имевшейся способности? Мне думается, верно второе. Если исходить из того, что человек – по своей природе – существо, глубинная структура которого была получена на уровне универсальных сил, а воплощено оно оказалось в веществе-носителе нашего физического мира, т.е. в материи-сознании, то получается, что уже изначально природа человека такова, что способность сознания была в нем представлена.

После диссоциации сущности человека в нем остаются несознающая материя и нематериальное сознание. Вот это последнее, на мой взгляд, и является прообразом специфически человеческого сознания. Его базисной характеристикой оказывается исключительно ясная природа. Иначе говоря, такое сознание, будучи совершенно незаземленным (утрачена энергия инь, которая оказалась сконденсированной в несознающей материи), обладает колоссальной проникающей способностью из-за того, что в окружающем мире больше нет объектов такой унитарной природы – все они содержат оба типа энергии в разных пропорциях. Поэтому именно с помощью сознания человек оказывается способным преодолеть возникшие барьеры между ним и объектами мира, пробивая бреши во внешних оболочках.

Последующая эволюция неразрывно связана с совершенствованием именно таких средств освоения мира. В результате всемерное развитие получает мыслительная сфера, складывается наука, как вершина сознательного освоения окружающей среды, и культура, основанная на

диссоциированном отношении с миром. Человек же обретает развитую способность взаимодействовать со сферой мыслительных конструктов – чисто янской по своей природе. Это очень важный момент. С одной стороны, именно субъект – единственный и исключительный ее творец, поэтому он неплохо ориентируется в ней. С другой, – мир мыслительных конструктов – отличное поле для того, чтобы учиться взаимодействовать с миром универсальных сил. Поэтому, *только имея развитую способность сознания и восстановив утраченную внутреннюю целостность и гармонию, человек оказывается способным к постижению глубинного знания* уровня универсальных сил. И лишь на этой основе становится возможным формирование символического языка: во-первых, в нем возникает *потребность*, т.к. субъект *стремится найти* адекватное выражение тем содержаниям, которые стали ему доступны, во-вторых, он *располагает средствами* для репрезентации глубинного знания (это навык оперирования мыслительными конструктами, разного рода абстрактными идеями и образами).

Таким образом, получается, что в эволюции человека как вида ничего не было бессмысленным или случайным, сколь бы драматичным и огорчительным оно ни казалось нам. В частности, тот эпизод эволюции, который символически выражен как грехопадение, принесший много тяжелого и разрушительного в историю человечества (об этом я подробно говорила выше), дал толчок развитию *совершенно новых средств познания*. Они сделали возможным понимание сущности окружающего даже в совершенно неблагоприятных условиях утраты спонтанной способности постижения мира.

Фактически, здесь, на мой взгляд, реализовался следующий принцип: человек доказал свою способность, пусть и очень дорогой ценой, но *самостоятельно, за счет собственных ресурсов*, выживать без какой-либо внешней поддержки. Но, как известно, за все приходится платить.

За это достижение он также заплатил недешево: внутренней расщепленностью и дисгармонией, жизнью, где главенствующим является принцип реальности, а не принцип удовольствия, и, как следствие, колоссальным перенапряжением *волевого* начала, тотальным подавлением собственных инстинктов и спонтанных импульсов. А это — неизбежный путь к внутренней неудовлетворенности, нестабильности, к дисгармоничным межличностным и социальным отношениям.

Собственно, это и есть те проявления, с которыми мы сталкиваемся в современной технократической культуре. Просто мы склонны рассматривать их как некоторые ограниченные неудачи: «вот, если бы не было этой ошибки, не было бы и сегодняшнего положения вещей». Лучше все-таки трезво смотреть на вещи: сегодняшнее состояние человека и человеческой цивилизации — не следствие какого-то отдельного недоразумения или определенного неверного выбора. Это совершенно естественное и абсолютно адекватное выражение той трансформации внутренней природы человека, когда он оказался вынужден выживать *только за счет собственных внутренних ресурсов*, после того, как утратил способность гармонично взаимодействовать с собственным внутренним и внешним миром.

Соответственно, снять эти неприятные и угрожающие последствия можно будет не отдельным разумным и полезным решением, а длинным и сложным путем восстановления утраченной внутренней и внешней гармонии, трансформацией собственной внутренней природы. Это позволит от несознающей материи и нематериального сознания снова вернуться к своему органичному состоянию — состоянию тождества всему окружающему, состоянию материи-сознания. Но, что очень ценно, — при этом развитая способность сознания останется. И это будет отличать внутреннюю гармонию и уравновешенность *раннего* этапа эволюции человека от внутренней гармонии и уравновешенности *позднего* этапа.

Кстати, здесь есть интересный момент: ведь символическое описание сути грехопадения очень точно отражает происшедшее с человеком не только в плане тех *негативных* аспектов, с которыми он столкнулся, но и в плане того, что *получил* — обычно это остается незамеченным. Вспомним, человек соблазнился тем, что, вкусив от древа познания добра и зла, он обретет божественную способность знания. На первый взгляд, кажется неясным, где же это он ее обрел? Скорее, наоборот, утратил: мог спонтанно и без насилия над окружающим полно и адекватно постигать природу происходящего, а в результате вкушения лишился этой способности. Где же тут обретение? А обретение имеется на отдаленном конце эволюционной цепочки. Ведь именно та способность сознания (вместе с развитой сферой мыслительных конструктов), которая сформировалась вследствие грехопадения, обеспечила формирование *способности получения глубинного знания*, знания уровня универсальных сил альтернативной реальности. Таким образом, оказалось, что человек *действительно* обрел способность божественного знания именно *вследствие вкушения* от древа познания добра и зла, хотя всю цепочку взаимосвязей проследить не так легко.

Совершенно очевидно, что здесь очень отчетливо проступает тема зла, искушения, и его роли в эволюционной истории человечества. Но это отдельная огромная проблема, и я не буду на ней останавливаться. Просто оказалось, что анализ того, как формируются символические содержания и символический язык, привел к неожиданным выводам об эволюционной роли пережитой человеком внутренней трансформации и о возможных перспективах последующей его эволюции.

Вернемся к обсуждению природы символов. Мы видели, что:

— символ рождается в результате самостоятельного акта постижения, непосредственно не связанного со знанием поверхностной реальности¹⁵¹;

– для того, чтобы такое постижение стало возможным, человек должен трансформировать собственную внутреннюю природу, вернув ей целостность и гармонию;

– необходимо обладать развитой способностью концентрации сознания и подавления «болтовни ума»¹⁵², чтобы от взаимодействия с поверхностными слоями реальности перейти к взаимодействию с ее глубинными пластами;

– необходимо пережить в себе глубинное содержание и дать ему адекватное выражение с помощью тех средств, которыми человек, как существо физического мира, располагает.

Если мы примем во внимание все эти моменты, то поймем, что для того, чтобы объяснить, почему одни и те же символические мотивы регулярно воспроизводятся в разных культурах, нам не нужно допускать ни того, что эти культуры связаны отношением кросскультурного переноса, ни того, что они произошли из одного источника, ни того, что символы были сообщены людям богами или героями. Символы – это выражение переживания глубинных структур средствами, данными человеку его природой, как существа физической реальности. Эти средства обусловлены параметрами среды, к которой он был вынужден адаптироваться, особенностями функционирования его органов чувств, нервной системы и мозга.

8.2. Наша цивилизация ездит на «символах неба»

Среди символов имеются такие, изображение которых напоминает некие *природные* объекты, и такие, изображение которых напоминает некоторые объекты *человеческой культуры* (их называют «колесо», «якорь», «серп», «штурвал» и т.п.). Если с первыми мы уже разобрались, установив, что это не «символ оленя» и не «сим-

вол быка», то как быть со вторыми? По логике вещей получается, что и они не «символ колеса», не «символ якоря» и не «символ серпа». А что же они такое, если они в точности воспроизводят именно эти объекты? Какая зависимость существует между *такого рода* символическими графемами и реальными объектами человеческой культуры? На мой взгляд, прямо противоположная той, которая обычно подразумевается. Если сказать сжато, то не колесо – символ неба (солнца – в других интерпретациях), а символ неба (солнца) используется в нашей культуре в качестве средства передвижения, известного как колесо. Не серп – символ молодой Луны, а символ нарождающейся Луны используется в нашей культуре как средство уборки урожая, именуемое серпом.

Постараюсь пояснить. «Быть колесом» – это функция. Она, конечно, производна от формы («быть круглым»), но не тождественна ей (не все круглое является колесом). Мы видим круглый объект с радиальными спицами и кружком внутри, от которого эти спицы отходят. У нас очень велик соблазн назвать этот символ колесом. Но известно, что в эпоху появления этого символа (палеолит), колеса еще не существовало. Оно появилось позднее – во втором тысячелетии до Р.Х.¹⁵³. Почему же символ неба (солнца) так напоминает колесо? На мой взгляд, потому что колесо возникло в результате того, что этот сакральный символ стал использоваться в новой функции – как средство передвижения.

Иначе говоря, не колесо есть символ неба (солнца), а сакральный символ неба (солнца) получил в нашей культуре широчайшее распространение в функции колеса. Поэтому бессмысленно ставить вопрос так: «Почему колесо стало символом неба?» Оно и не было, и не является им. Символом неба является графическое изображение *идеи* неба, *глубинной структуры*, которая переживается человеком как выражение того, что на поверхностном уровне воспринимается как небо. А затем уже

это сакральное изображение, ставшее в культуре широко известным и общеупотребимым в функции колеса, начинает восприниматься как имеющее самостоятельную, независимую от его символического значения, ценность. Колоссальная *хозяйственная* роль символа неба постепенно вытесняет из сознания людей его основную функцию — «быть *сакральным* символом», символическое значение графемы утрачивается, а затем вновь восстанавливается, но уже в обратном порядке: как колеса, символизирующего небо (солнце).

Итак, доля истины в этой цепочке реконструкции символики есть: колесо действительно имеет отношение к символу неба. Но зависимость здесь противоположная той, которая обычно предполагается: не колесо является символом неба, а символ неба получил в нашей культуре широкое распространение в функции средства передвижения — колеса.

Специалист в области языка символов пишет: «Колесо должно было тогда стать символом неба, и не только потому, что существовавший знак неба был похож на колесо, но еще и потому, что звездное небо вращается подобно колесу»¹⁵⁴. Это очень характерное рассуждение. Хотя здесь прямо и не затрагивается вопрос о том, откуда символы берутся, как они возникают, тем не менее, отыскиваются основания, по которым колесо почему-то могло начать использоваться в качестве символа неба — «звездное небо вращается подобно колесу». Как я пыталась показать, на мой взгляд, ситуация прямо противоположная: не «существовавший знак неба был похож на колесо», а колесо — это и есть существовавший знак неба, использованный в функции «служить для передвижения». В этом смысле можно сказать, что вся современная цивилизация передвигается на сакральных символах неба.

Совершенно очевидно, что, если мы посмотрим на природу символов под таким углом зрения, то сами собой отпадут вопросы: почему колесо (или любой другой

объект реального мира) стало использоваться как символ неба? Что в реальном колесе (или любом другом реальном объекте) дает основание для его использования в качестве символа, выражающего то или иное глубинное содержание? И, соответственно, отпадет необходимость в пространственных и малоубедительных версиях решения этих вопросов (недаром сколько специалистов, столько мнений).

Еще один пример. Автор пишет: «В доколумбовой Америке... были найдены древние макеты тележек и фигурки животных, поставленные на колеса»¹⁵⁵. Нет! И не фигурки животных, и не тележки, и не колеса. Это какие-то выражения сакральных идей, правда, скорее всего, производные, а не базисные, потому что в них соединены такие элементы, которые встречаются и как самостоятельные. Очевидно, автор и сам ощущает некоторую непрочность позиции, потому что дальше речь идет о найденных каменных колесах и доказывается, что это — сакральные символы, т.к. они не могли служить для передвижения: быстро перетерли бы деревянные крепления и/или развалились бы на неровных дорогах. Здесь и комментировать нечего: это отличный пример того, что сакральный символ, пусть и воплощенный в материале, — не то же, что его более поздний функциональный собрат.

То же и в отношении других символов. Например, графема, которая выглядит как несколько вертикальных палочек, соединенных общей горизонтальной линией. Ее называют «гребень» и считают символом дождя. Можно даже предложить основание, по которому гребешок мог начать использоваться в качестве такого символа. Ну, допустим, следующее: гребень используется как символ дождя потому, что при расчесывании длинных женских волос падающие движения руки сверху вниз напоминают падение струй воды во время дождя. И попробуйте опровергнуть такую реконструкцию!

А могу предложить другую: гребень — это символ мужской производительной силы. Мотивировка такая: волосы — это символ жизненной силы; женские — жен-

кой, мужские – мужской. Не случайно, когда Далила во сне отрезала волосы Самсону, он полностью лишился своей сверхъестественной силы, которая восстанавливалась по мере отрастания волос. О том, что женские волосы олицетворяют женскую силу, свидетельствует и то обстоятельство, что в традиционных культурах замужняя женщина (т.е. «имеющая хозяина») не имеет права носить распущенные волосы: она должна их подобрать или спрятать под платок (женщина, имеющая мужа, не вправе демонстрировать свою женскую силу другим мужчинам). Это же является причиной того, почему в церкви женщина должна появляться с покрытой головой.

Акт расчесывания – это акт взаимопроникновения, соединения мужской (гребень) и женской (волосы) производительной силы. О том, что расчесывание волос женщиной – магический, символический акт, свидетельствует отношение к нему инквизиции. Известно, что в средние века, если люди становились свидетелями того, как женщина публично расчесывала свои волосы, а затем пошел дождь, вызвавший те или иные несчастья, ее считали ведьмой, акт расчесывания ею волос – ворожбой, а саму ее сжигали.

И таких реконструкций можно построить множество! Опровергнуть их очень сложно, потому что средством опровержения будет другая реконструкция, такая же искусственная и надуманная. Аргументом могло бы служить доказательство того, что в таком смысле этот символ нигде не употребляется. Но этого доказать невозможно, потому что всегда остается вероятность того, что не со всеми символами, не всех культур мы знакомы, не все интерпретации нам известны. А значит и аргументы подобного рода не проходят. Отсюда и произвольность умозаключений. Может в них есть рациональное зерно, а может нет. Узнать это практически нереально, т.к. вся почва символического анализа очень зыбкая: одному кажется одно, другому – другое, третьему – третье. По-

сколько каждый аналитик — не только специалист, хорошо знающий культуру, но и просто умный человек, то и основания он предлагает вполне разумные. Все это приводит к сосуществованию огромного числа различных интерпретаций. Т.к. бороться с этим явлением оказывается невозможно, то нашлось и теоретическое обоснование разнообразия мнений: все они (или почти все) верны, просто символы настолько многогранны и многоплановы, что могут обозначать самые разные вещи, и это нормально.

Символы действительно многогранны и многоплановы. Действительно могут обозначать разные вещи. Но проблема в том, что неверная изначальная установка (у объекта внешнего мира, который похож на символ, и символизируемой идеи должно быть нечто общее, что следует отыскать, а если не отыскивается, то придумать) приводит к тому, что все поле исследования замутняется произвольностью, которая не может быть снята ни на каком разумном основании. Соответственно, дискуссионный центр перемещается в плоскость вопроса: а верна ли данная конкретная интерпретация¹⁵⁶?

Какой же выход? Достоверным знание о значении того или иного символа могло бы быть в том случае, если бы было получено в рамках традиции, изначально сохраняющей подлинный смысл символа. Т.е., чтобы данному конкретному человеку, как очередному носителю традиции, сообщили люди, которым это знание было в свое время передано их предками, что он обозначает то или иное содержание. Достоверным следует признать знание и того человека, который сумел пережить подлинное глубинное значение символа *в собственном* опыте (т.к. таким и был изначальный путь формирования символа). Иначе говоря, обоснованно утверждать, что тот или иной символ имеет то или иное содержание, можно тогда, когда или сам смог пережить это знание в результате развития в себе способности постижения глубинной реальности, или получил это знание от прямых наследников того, кто когда-то сумел получить такое знание.

В заключение хочу привести еще один пример анализа символического значения гребня, но уже на основе психологической интерпретации. В своем исследовании психологии волшебной сказки М.-Л. фон Франц пишет: «Назначение гребня — приводить волосы в порядок, а также скреплять их. Волосы являются источником магической силы, или мана. Считается, что завитки волос, сохраняемые в качестве памятного подарка, поддерживают связь одного человека с другим через время и расстояние. Обрезание волос и принесение их в жертву часто означает подчинение новому коллективному состоянию — включающему в себя отречение от старого и рождение заново. Прическа нередко является выражением культурного *Weltanschauung*¹⁵⁷. В сказках примитивных народов порой рассказывается, что демонов, после того, как их схватили, расчесали гребнем и вычесали вшей, что подразумевает, что путаница, существующая в бессознательном, должна быть выправлена, все должно быть упорядочено и доведено до сознания. Благодаря такой смысловой нагрузке пациенту в начале анализа нередко снятся волосы, находящиеся в диком беспорядке. Гребень, таким образом, репрезентирует способность придавать нашим мыслям упорядоченность, ясность и осознанность»¹⁵⁸.

Как видим, такой тип анализа тоже предлагает некоторый вариант реконструкции значения. Однако сама реконструкция базируется на иной предпосылке: во-первых, на хорошем *практическом* знании контекста, в котором данный символ появляется в аналитической работе (т.е. в той сфере, с которой специалист сталкивается постоянно), и, во-вторых, — амплификация¹⁵⁹ символа оказывается соотносенной с *внутренним чувством* исследователя.

Для того чтобы пояснить, что имеется в виду, приведу соображения этого же автора о том, почему так сложна задача интерпретации символического языка, и чем полезно руководствоваться в ходе ее решения. «Любой

архетипический образ являет собой центр в сплетении взаимосвязанных отношений, вокруг которого наращивается «паутина» взаимосвязей. С помощью интеллекта вы можете продолжать «плести» эти связи бесконечно долго, если на помощь к вам не придет функция чувства, которая подскажет, что относится к делу, а что можно опустить как имеющее к нему весьма отделанное отношение. Когда в вашем распоряжении две тысячи амплификаций, то вам необходимо осуществить выбор с помощью вашего чувства: какой мотив, на ваш взгляд, наиболее соответствует вашему предмету, а какой проливает ярче свет на контекст данной волшебной сказки. Эту задачу нельзя решить без помощи чувства, так как для этого не существует никакого интеллектуального правила. Если у вас собрано две тысячи волков для амплификации какой-то сказки, то я не уверена, что смогу предложить вам сформулированное интеллектуальное правило относительно того, какого волка цитировать, а какого следует поместить лишь в подстрочных примечаниях»¹⁶⁰.

Все выше рассмотренное позволяет понять, что работа с символическим языком *индивидуального* бессознательного, также как с языком символов, выражающих *общечеловеческое* знание о природе процессов, происходящих на уровне действия универсальных сил, требует не только хорошей теоретической подготовки, но и серьезной внутренней работы.

9. БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ

Сейчас я нарушу все каноны академичности и не только изложу гипотезу, но и объясню, как она у меня родилась, как осознавалась и формулировалась. Сделаю это для того, чтобы проиллюстрировать сформулированную выше мысль о том, что работа с символическими содержаниями должна основываться или на знании традиции, передаваемой из поколения в поколение, или на проживании в собственном опыте искомым значений, но не исключительно на мыслительных реконструкциях.

Итак, наше бессознательное само пытается вступить во взаимодействие с нами, используя в этих целях наши сновидения или фантазии¹⁶¹. Проблема заключается в том, что содержания, которые предстают перед нами, часто представлены в символической форме. Иначе говоря, нуждаются в интерпретации. Как же их интерпретировать? Правильным ли будет использование всякого рода сборников универсальных значений символов?

Дело в том, что тот символический язык, на котором к нам обращается наше бессознательное, *наряду с общечеловеческими* символами, содержит *и индивидуальные*, задаваемые исключительно нашей личностной историей. И если мы попытаемся именно их интерпретировать с использованием популярной символики («собака» — друг, «кошка» — враг и т.п.), то можем получить совершенно неверный результат.

Как же следует поступить? На этот вопрос полезно попытаться ответить, потому что это может помочь в понимании эпистемологических приемов, лежавших в основе реликтового мировосприятия.

Прежде всего, необходимы терпимость и непредвзятость в отношении собственных символических содержаний. Лучше всего все критические интенции нашего ума на время оставить в стороне, потому что именно наша критичность была одной из причин того, почему некоторые содержания оказались в бессознательном. И если сейчас мы к ним будем подходить с той же меркой, мы ничего не добьемся, продолжая оставаться в том мире, в котором действует наше бодрствующее «Я». Итак, на время отключаем функцию критичности рассмотрения.

Далее, нам понадобится вся наша открытость и готовность к принятию неожиданных, а иногда и неприятных вещей (если бы многие из них не были такими, они не оказались бы в бессознательном).

И, наконец, нам понадобится активное воображение. «Активное воображение» — это метод, который используется в работе с бессознательными содержаниями. Он предполагает следующие шаги: надо представить как можно нагляднее образ¹⁶², с которым ты встретился, и постараться поговорить с ним. Спросить, какое содержание хочет себя выразить в этом образе? Что этот образ важного сообщает о тебе самом? Надо попытаться отождествиться с этим образом, стать им, пережить его в себе. Вот как об этом пишут специалисты в области работы со сновидениями: «...если решение проблемы имеет для вас важное значение, то не останавливайтесь на единственной интерпретации сновидения. Рассмотрите вновь его содержание, попробуйте найти для него несколько иное — даже противоположное — истолкование. Попробуйте вобрать каждое из толкований в свое тело и попробовать понять, как оно вами *ощущается*. Какое из толкований дает вам *ощущение* большей правдоподобности?»

Теперь оцените свое поведение в сновидении. Вообразите, что вы вели себя противоположным образом. Каким образом ваше новое поведение изменило бы трактовку вашего сновидения? Найдите в содержании вашего сновидения сцену или персонаж, которые были бы вам наиболее неприятны. *Если бы* они олицетворяли некий аспект вашей личности, то каким образом, в зависимости от этого, изменилась бы интерпретация вашего сновидения? Снова впустите эту новую интерпретацию в свое тело; *ощущается* ли она вами как правильная? Какова была самая фантастическая часть вашего сновидения? Использовали ли вы ее при толковании? Если нет, то вы, быть может, пренебрегли самой ценной частью сновидения. Снова проинтерпретируйте свое сновидение, обращая особое внимание на самые фантастические, странные, причудливые и неожиданные для вас фрагменты сновидения. Как ваше тело ощущает это новое толкование?.. Эта процедура наглядно показывает, как работа со сновидением может сделаться актом творчества. Из-за своей напряженности она может принять форму «мозгового штурма», потому что, хотя сам текст сновидения и ограничен четкими рамками, для его интерпретации требуется вся сила вашего воображения»¹⁶³. Как видим, это вполне понятный метод. Здесь только одна проблема: научиться работать с собственными ощущениями, адекватно их воспринимать, грамотно отслеживать и доверять им. Описанная процедура, кстати говоря, и есть путь проживания в себе некоего знания или значения. Именно она, на мой взгляд, была доминирующим способом постижения происходящего в другом на ранних этапах эволюции человека.

В рамках методологии работы с собственными сновидениями для активизации взаимодействия с бессознательным рекомендуется перед сном оживить в памяти основные пункты той проблемы, помощь в решении которой желательно получить в сновидении. Необходимо

обратить внимание на те моменты, которые пока что либо не вписываются в общую картину, либо не получают подходящего объяснения. Надо *четко осознать, что именно* хотелось бы понять с помощью образов бессознательно-го. Размышление над этими вопросами должно быть последним сознательным впечатлением ума перед погружением в сон.

Эти приемы достаточно известны. Они используются в работе как учеными, так и деятелями искусств, нередко принося хорошие результаты. Последнее подтверждается экспериментально.

В частности, Майкл В.Барриос и Джером Л.Сингер опросили 48 человек об испытываемых ими творческих затруднениях, длившихся в течение трех и более месяцев. Проблемы этих людей были связаны с завершением литературных или живописных произведений, с реализацией профессиональных проектов, с решением научных или технических задач. Участники эксперимента прошли тестирование и были разделены на четыре группы по 12 человек. Для каждой из групп случайным образом выбирался один из четырех вариантов проведения эксперимента.

Испытуемым из группы «фантазирование наяву» предлагалось десять упражнений на управляемое воображение, а затем они последовательно создавали три воображаемых сюжета, имеющих отношение к их творческой деятельности. Испытуемые из группы «гипнотические сновидения» (им внушалось, что ночью они увидят сон, где будет содержаться решение их проблемы) последовательно продуцировали три гипнотических сновидения, касавшихся их творческих проблем. Испытуемым из группы «рационального обсуждения» давались инструкции по решению их проблем при помощи деятельности, акцентированной на рационально-познавательных усилиях мысли. Они проходили весьма концентрированную логическую проверку их творческих проектов. В хо-

де обсуждения полностью исключались любые отвлекающие и «не относящиеся к делу» соображения. И, наконец, испытуемые контрольной группы просто косвенным образом поощрялись к обсуждению своих творческих планов.

Результаты эксперимента показали, что «состояния «фантазирования наяву» и «гипнотического сновидения» более всего способствуют снятию блокировки с творческого процесса. Когда были изучены данные психологического тестирования, то выяснилось, что люди, умеющие управлять своим вниманием и обладающие низким уровнем негативных грез (включающих в себя фантазии вины и враждебности), оказались более других участников способны продемонстрировать положительные сдвиги. Например: находившаяся в группе «гипнотического сновидения» писательница уже публиковала поэзию и документальную прозу, но постоянно испытывала трудности с написанием беллетристики. Однако после каждого последующего гипнотического сновидения действие и диалоги в ее предполагаемой новелле становились все более совершенными; начали проявляться изначально полностью отсутствовавшие элементы конфликта между персонажами, которые наделили сюжет произведения живой плотью. Впоследствии писательница выражала большое удовлетворение написанной вещью и сообщала также об увеличении продуктивности в сочинении стихотворений (Barríos & Singer, 1982).

Иными словами, обе техники, связанные с образными представлениями, оказались наиболее успешными. Именно образность является тем, что приводит к творческому прорыву в сновидениях. Некоторые фильмы Ингмара Бергмана вдохновлены образами его сновидений. У Уильяма Стайрона идея романа «Софи делает выбор» появилась в сновидении... В XIX столетии сэр Френсис Гальтон, занимаясь изучением образов, установил, что иногда формирование абстрактных теоретичес-

ких концепций сопровождается цветовыми сочетаниями или пространственными построениями. Теоретические концепции зачастую оформляются в зрительные построения, располагающиеся как бы в пустом пространстве. Альберт Эйнштейн заметил как-то: «Слова обычного языка, сказанные или написанные, видимо, не играют никакой роли в моем мыслительном процессе» (Einstein, 1952). Судя по всему, для него важными реалиями были зрительные либо кинестетические образы, которые можно было комбинировать и воспроизводить по желанию»¹⁶⁴.

М.Е.Майе разослал специальные анкеты 80 математикам с вопросом о том, какую роль сыграли сновидения в решениях ими творческих проблем. Четверо непосредственно изложили сновидения, приведшие к решению математических задач. Восемь человек ответили, что правильный вариант решения начинался со сновидения. Пятнадцать математиков сообщили, что им доводилось просыпаться с полным или частичным решением проблемы, хотя они и не помнили конкретного сновидения. Еще 22 человека отметили, что они осознают важность интуиции в решении математических задач, хотя и не помнят специфических сновидений, связанных с их проблемами¹⁶⁵.

Вернемся теперь непосредственно к теме обсуждения, а именно, к проблеме бессознательного и возможности получения «подсказки» в сновидении.

9.1. Образ «лавы» как метафора бессознательного

Итак, накануне вечером, перед сном, я проделала все необходимое и заснула. Среди ночи вдруг проснулась, и в голове у меня было слово «лавина», которое почти сразу же трансформировалось в слово «лава». Я подумала,

что надо его запомнить, и снова уснула. Утром я сразу же вспомнила слово «лава», и у меня возникло отчетливое ощущение, что оно имеет отношение к заданному мною вопросу о природе бессознательного. И это было очень странно. Если бы на уровне сознания я думала над тем, какой образ использовать как метафору бессознательного, мне никогда бы не пришел в голову этот вариант. Я попробовала представить себе, что в моем внутреннем ощущении соотносится с понятием «лава». Разумеется, вулкан. Но *что именно* во всем этом привлекает внимание? Я попыталась отождествиться с образами вулкана и лавы и обнаружила, что особый отклик во мне вызывает не образ лавы, вытекающей наружу (что, безусловно, имело бы отношение к интерпретации бессознательного), не образ движения, проявленности (что тоже было бы понятно), а то, что лава — *естественный продукт жизнедеятельности вулкана*. Я попробовала вернуться к проблеме природы бессознательного, взглянув на нее под углом зрения именно этого образа. И вот что у меня получилось.

Откуда берется лава? Ее продуцирует вулкан. Он производит ее из себя. Кто вулкан? Вулкан — это человек. Тогда *бессознательное — это то, что человек рождает из себя в процессе собственной, естественной жизнедеятельности*, подобно тому, как вулкан в процессе естественной для него жизнедеятельности рождает магму. Она, изливаясь наружу, предстает как лава.

Таким образом, получается, что бессознательное — это продукт жизнедеятельности человека, который формируется в его глубинах в процессе обычного (органичного для него) функционирования, и, изливаясь вовне, предстает как бессознательное.

Но тогда, во-первых, наше бессознательное — это не то, что мы видим, не то, что мы *считаем* бессознательным. То, как оно нам видится, как оно нами восприни-

мается, — это его вид *после* излияния наружу. Внутри нас оно не таково. Есть что-то общее с тем, как мы его видим на поверхности, но что-то различается.

И, во-вторых, бессознательное порождается самим человеком.

Обычно считается, что бессознательное имеет следующие истоки:

- коллективные архетипические содержания;
- индивидуальные;
- содержания, не достигшие порога осознания;
- разные физиологические отправления, которые не контролируются сознанием;
- вытесненные содержания.

Как видим, все эти компоненты не являются продуктами *собственной* активности субъекта, возникающими просто в силу его жизнедеятельности. Те содержания, которые относятся к *коллективному* бессознательному, каким-то образом усваиваются из общечеловеческого опыта¹⁶⁶ (хотя не ясно каким, т.к. известно, что благоприобретенные качества, свойства, признаки не наследуются). Культурная трансляция также не всегда может быть доказана, т.к. общечеловеческие символы появляются в фантазиях и сновидениях даже у детей.

Содержание *индивидуального* бессознательного складывается либо из тех фрагментов информации, которые *не достигли* порога осознания, либо из тех, которые прежде были содержанием сознания, но по тем или иным причинам оказались *вытеснены* из него. Пожалуй, из всего вышеперечисленного только не контролируемые сознанием физиологические отправления могут быть отнесены к *собственным* продуктам человеческой жизнедеятельности. Однако это не совсем то, что я имею в виду. Я говорю о *психологических* содержаниях, а не о физиологических процессах.

Итак, сама жизнь человека — источник формирования бессознательного. Это интересно: пожалуй, только при таком подходе человек выступает *как подлинно ак-*

тивное начало. Кстати, и *коллективное* бессознательное он продуцирует сам. Почему же тогда оно «коллективное», если его продуцирует отдельный индивид? Потому, что за его «производство» ответственно в человеке то, что присуще ему *как виду*, а не как отдельному индивиду.

Мне всегда было непонятно: откуда берется коллективное бессознательное? Что, мы его наследуем? Это невозможно. Благоприобретенное не наследуется, культурные содержания генетически не транслируются. Генетически могут быть предзаданы только когнитивные стили, предпочтительные стратегии восприятия и переработки информации, короче то, что Уилсон назвал «вторичными эпигенетическими правилами». Иначе говоря, унаследованы могут быть те стратегии оперирования информацией, которые могут *вести* к формированию определенных схем, структур восприятия и репрезентации информации, но никак не их содержаний. Тогда откуда же берется коллективное бессознательное? Что, считать, что человек действительно «подключен» к некоему информационному полю, о чем иногда пишут эзотерики? Мне не хочется так думать, потому что в таком случае, человек — существо пассивное: дали ему знание — взял, не дали — остался без ничего, т.к. самому ему такое знание взять неоткуда. При таком понимании человек действительно оказывается (в лучшем случае!) чем-то таким, через что это знание передается. Именно так о самих себе и об источнике своих знаний говорили и Е.П.Блаватская, и Е.И.Рерих. Так понимаемый человек видится мне в образе большой палочки для письма, которую должен взять в свои руки и использовать для того, чтобы выразить свои знания, некий «Тот, Кто Ими Обладает».

Мне такой вариант не кажется привлекательным. На мой взгляд, человек активен не только в том, что всемерно *готовит* себя к роли палочки, что делает себя *привлекательной* палочкой, которую захочет использовать «Тот, Кто Владеет Знанием». Человек активен *как творец*. Его

активность в том, что он *сам продуцирует* знания. Он действительно готовит себя. Но, на мой взгляд, это подготовка к тому, чтобы *стать способным продуцировать знания* и научиться *представлять их* в наиболее адекватной форме (это актуально, поскольку знание гораздо богаче выразительных возможностей человека).

Итак, коллективное бессознательное — это то содержание рождаемого человеком нового информационного мира, которое производно от *общечеловеческого в нем*; это то, что формируется в результате *функционирования общечеловеческого* в каждом конкретном индивиде.

Теперь коснемся тех компонентов бессознательно-го, которые формируются в процессе осуществления организмом функций, не подконтрольных сознанию. Мне представляется, что сами эти сугубо физиологические процессы рождают свою часть бессознательных психических содержаний. Я думаю, часть из них попадет в категорию коллективного бессознательного (это будут содержания, возникающие в процессе естественного функционирования тех аспектов физиологического, неконтролируемого сознанием, которые общи человеку как виду). А часть — в категорию индивидуального бессознательного. Это будут содержания, рождающиеся в результате тех процессов, которые обусловлены особенностями каждого конкретного организма.

Будут, разумеется, и такие компоненты бессознательного, которые формируются из содержаний, *никогда не достигавших* порога сознания. Будут и такие, которые *когда-то были* в сфере сознания, но затем, по тем или иным причинам (травматический характер, не соответствующий установкам «эго», способны поколебать Я-образ и т.п.), оказались вытеснены из него.

Но главное содержание, главная ценность бессознательного — это, на мой взгляд, то, что *рождается самим человеком*. Здесь, наверно, необходимо одно уточнение. Появление нового содержания в бессознательном может

происходить как в результате рекомбинации уже имеющейся информации, так и в процессе собственного функционирования человека. Первое подразумевает возникновение новых компонентов информации вследствие оперирования *уже имеющейся*. И не важно, какого рода это операции: иные способы соединения уже имеющихся фрагментов или возникновение новых структур в результате процессов самоорганизации в нелинейной открытой среде (самодостраивание)¹⁶⁷. Все это действительно происходит, но не об этом я говорю. Я имею в виду процессы, если так можно выразиться, *первичного образования* бессознательных психических содержаний. *Именно они являются продуктом собственной жизнедеятельности человека. Именно они – важнейшая форма его познавательной активности.* Какова их природа? Если они – не то, что вытеснено из сознания, и не то, что никогда не достигало порога осознания, и не то, что появилось в результате рекомбинации или переструктурирования имеющейся информации, то что они такое?

Мне видится следующий ответ на этот вопрос. Человек, как существо целостное, и функционирует целостно. Происходящее в нем, основные динамики его жизнедеятельности, имеют разные формы представленности на всех уровнях: неосознаваемые физиологические и неосознаваемые психические процессы будут всего лишь *двумя различными уровнями* проявления *одних и тех же жизненных динамик человека*. На первый взгляд кажется, что это слишком упрощенное представление: содержание бессознательного психологического намного богаче и разнообразнее, чем содержание неосознаваемых физиологических процессов, поэтому они не могут быть двумя формами проявления одного и того же. Но это может быть совсем не так. И даже, скорее всего, это не так. Дело в том, что наше представление о степени богатства и разнообразия нашей физической жизни обусловлено возможностями нашего восприятия и понимания

этих процессов. А они, в силу особенностей технократической культуры, весьма ограничены. Т.е. мы можем не иметь адекватного представления о том, что же действительно происходит в нас на уровне физиологии. Разумеется, какие-то огромные блоки процессов (пищеварение, выделение, обмен) нам известны. Но тончайшие нюансы происходящих в нас ежесекундно изменений нами не только не осознаются, но даже и не воображаются. А между тем известно, что психическое развитие ребенка напрямую связано с объемом телесных взаимодействий (контактов), которые он получал на ранних стадиях развития.

Было проведено интересное исследование, когда одну группу оставленных матерями младенцев растили в обычных условиях детского учреждения, а другую отдали умственно неполноценным девочкам-подросткам. Так вот выяснилось, что по прошествии нескольких лет дети второй категории в интеллектуальном развитии опережали детей первой категории. Совершенно понятно, что, поскольку первые находились на попечении умственно полноценных взрослых воспитателей, а вторые — умственно неполноценных подростков, успехи последних не могли быть объяснены более серьезной познавательной, мыслительной работой с ними. Дело здесь было совсем в другом: неполноценные девочки-подростки очень много тискали своих подопечных и возились с ними. И, как видим, это привело к более высокому развитию интеллектуальной сферы детей.

Существует масса других свидетельств. Например, широко известно, что сенсорная депривация в раннем периоде наносит непоправимый ущерб не только психическому здоровью человека, но и тормозит его умственное развитие. Эта закономерность, вероятно, проявляется уже у животных. По крайней мере, известно, что маленькие обезьянки предпочитают пушистую маму-игрушку, металлической «маме», собранной из трубочек,

хотя и снабженной бутылочками с молоком. Возможно, живое существо стихийно испытывает потребность в телесном взаимодействии для того, чтобы достигать полноценного умственного развития.

Все эти данные, пусть и в косвенной форме, но свидетельствуют о том, что развитие интеллектуальной сферы, которое начинается именно с развития бессознательного психического, очень плотно обусловлено физическими процессами. Я же хотела бы усилить это утверждение: бессознательное психическое, как и неосознаваемое физическое, — альтернативные формы проявления жизненных динамик человека. Иначе говоря, в основе и того, и другого — энергетические процессы, движение энергии в организме. И вот эти-то процессы на одном уровне рассмотрения предстают как физические (физиологические), а на другом — они же — как бессознательные психические. Именно они и являются тем подлинным собственным, личным источником формирования бессознательного материала, который я и имею в виду, говоря о том, что субъект сам создает содержание своего бессознательного.

Иначе говоря, я вовсе не пытаюсь оспаривать остальные источники бессознательных психических содержаний: и вытесненные из сознания, и никогда не достигавшие осознания, и возникшие в результате рекомбинации и реструктурирования фрагменты, — все это действительно очень важные компоненты нашей психики. Но хотелось бы сделать акцент на другом аспекте. Очень важно сформулировать его в явной форме, поскольку в дальнейшем это позволит по-иному интерпретировать некоторые вещи. Итак, важнейший источник формирования бессознательного психического — *сам человек, те внутренние энергетические процессы, которые спонтанно протекают в нем* и которые мы обычно рассматриваем только на уровне физического или физиологического в человеке. А чаще всего вообще не рассматриваем, даже не подозревая об их сложности, богатстве и разнообразии.

Чтобы получить хотя бы минимальное представление о характере этих процессов, достаточно познакомиться с некоторыми источниками по традиционным китайским практикам. Как известно, в этой культуре основное внимание уделяется не внешнему, телесному, а внутреннему, энергетическому. Хотя в качестве формы воздействия на внутреннее состояние энергии выбираются именно телесные изменения (разные формы движений), но обязательно производится отслеживание сознания всех динамик изменения жизненной энергии (ци) в процессе такого рода движений. Так вот, простейшие, привычные всем нам формы активности, сопровождаются и обуславливаются сложными перемещениями энергии в нашем теле. Просто мы этого не осознаем, поскольку давно утратили способность ощущать перемещение энергетических потоков в нашем теле. Но ведь от нашего неосознания они никуда не исчезают. Конечно, их функционирование затрудняется нашим неведением, но само по себе оно остается. И вот физическое изменение является одной формой проявления этих энергетических процессов в нашем организме, а бессознательное психическое — другой. Поэтому совершенно не случайно влияние эмоциональных состояний на функционирование человека в целом. Эмоция — это как раз движение энергии. И именно оно лежит в основе бессознательного психического, порождаемого самим человеком, в процессе его естественной жизнедеятельности. Именно поэтому эмоциональные состояния обуславливают и физический, и психологический статус человека.

Итак, главное содержание бессознательного — это то, что продуцируется *самим человеком*, то, что формируется в нем как одна из форм выражения его *внутренних энергетических процессов*, *внутренних динамик функционирования организма*. И в таких энергетических динамиках, и в их психической репрезентации, будет нечто, обусловленное *общечеловеческим* в каждом конкретном индиви-

де, и нечто, обусловленное *особенностями его* (как личности и как отдельного организма) функционирования. Первое — будет предпосылкой формирования *коллективного* бессознательного психикой *каждого конкретного субъекта*, а второе — его *индивидуального* бессознательного.

Возвращаясь к исходному образу, можно сказать, что бессознательное психическое формируется в человеке подобно тому, как магма вырывается в вулкане, и, прорываясь на поверхность, предстает как лава.

В какой форме мы видим такое бессознательное? Это символы: снов, фантазий, творческих озарений.

Вот откуда берется *творчество*. Это на самом деле подлинно человеческое порождение. Действительно, мы сами, а не боги, не герои, не подключение к универсальному информационному полю (или что-либо в этом роде) рождаем новое творческое знание. И источник такого знания — отчасти наше сознание (как то, что обеспечивает освоение нами мира, наработку исходного материала для осмысления и данных для проверки), а отчасти и, конечно, главным образом, бессознательное. Т.е. то, что мы рождаем из себя в процессе нашей обычной, естественной, органичной жизнедеятельности.

Вот откуда *интуиция*. Интуиция — это видение нами того продукта, который получен на уровне нашего бессознательного и содержит решение не понимаемой, не решаемой нами на уровне сознания ситуации. Иначе говоря, бессознательные решения, скорее всего, *существуют всегда*. Но человек редко способен видеть, воспринять их. Препятствием этому служат мощные сознательные установки и стереотипы, предубеждения, хорошо действующие механизмы психологической защиты, убегающие человека от получения и проживания им травмирующей информации. В личностном плане — это закрытость человека, высокие пороги восприятия, недоверие к себе, внутренняя неуверенность, конформность, диссоциированность и т.д.

Итак, я думаю, решение сложных для субъекта ситуаций — как личностных, психологических, так и познавательных, — на уровне бессознательного имеется всегда. Интуиция — это способность вступать в мгновенное плотное взаимодействие с этими решениями, выводить их на уровень осознания.

Не случайно Барбара О'Брайен *до* того момента, как вернула себе нормальное состояние сознания, но *после* того, как избавилась от шизофренического расщепления, некоторое время жила под руководством некоего неизвестного ей центра, который диктовал ей решения, который знал заранее, что произойдет, и подводил ее к действиям, оптимальным для нее¹⁶⁸.

Как возможно предзнание, если не допускать мистики? Ведь способность предзнания — факт, который бессмысленно оспаривать, хотя он и не вписывается в существующую сегодня научную картину мира. Тем не менее, данные культурной антропологии свидетельствуют о том, что представители примитивных культур обладают этой способностью¹⁶⁹. Левши при определенных патологиях мозга также демонстрируют сходные возможности¹⁷⁰.

Если как основу для объяснения использовать предлагаемую модель бессознательного, то тогда можно сказать, что такое предзнание продуцируется нами самими, нашим внутренним миром в процессе обычного функционирования человека. Как такое возможно?

9.2. Феномен предзнания

Известно, что мы воспринимаем много больше того, что осознаем. Но я думаю, мы воспринимаем и много больше того, что допускается современной научной картиной мира (это все те формы восприятия, которые нередко оцениваются как экстрасенсорные, но которые по

своей природе совершенно естественны, о чем я писала выше). Если обратиться к предлагаемой в данной монографии объемной модели эволюции, то это будут и те уровни реализации событий, которые еще не достигли воплощения в нашем мире: т.е. *они уже реализовались на глубинном уровне*, они уже продвигаются к нашему миру, обретая все большую представленность инь-энергии, но они *еще не достигли* нашего мира. Мне думается, что эти события и эти уровни реализации доступны абсолютно всем здоровым людям¹⁷¹. И бессознательное людей *имеет* эту информацию, и *перерабатывает* эти содержания, формируя *на их основе собственные продукты* – психические содержания, решения конкретных ситуаций, оптимальные модели поведения человека с учетом будущих событий. Просто мы – при обычных условиях и в нормальном состоянии сознания – чаще всего *оказываемся неспособны осознать* ни такие восприятия, ни полученные на их основе результаты.

Если они представлены в символической форме, они нуждаются в том, чтобы наше сознание их *восприняло, сохранило* в надлежащем объеме и адекватно *интерпретировало*. Как видим, это три независимых, самостоятельных задачи. На каждом этапе человека может подстергать неудача. В результате, содержания бессознательного, несущие нужную ему информацию, остаются не понятыми. *Интуиция – это способность понимать такие содержания. Ясновидение – это способность видеть* эти содержания *не в символической, а в буквальной* форме. Т.е. некоторые люди, по разным причинам, обладают определенной особенностью репрезентации знания: не в символической, образной, а в буквальной форме. Им не нужно интерпретировать такие знания-усмотрения. Они, что называются, с самого начала «готовы к использованию».

Как показывают исследования, спонтанно, без усилий субъекта, такие возможности дают некоторые мозговые нарушения, а также личностные особенности, которые нередко приводят к определенной социальной дезадаптации их носителей.

Таким образом, в этих особенностях нет ничего мистического. Все люди ими обладают, но *не все готовы вступить во взаимодействие с такими продуктами работы собственного внутреннего мира*. И не потому, что найдется такой человек, который, имея возможность знать, что будет и как ему следует поступить, чтобы наилучшим образом вписаться в это будущее, скажет: «Нет, я этого ни за что не сделаю! Пусть мне будет хуже, но я проигнорирую эти содержания и поступлю себе во вред!».

Конечно, нет. Но человек — существо целостное. Каждый имеет то, что заслуживает и за что платит. Вот две банальности, которые очень точно отражают положение вещей в ситуации взаимодействия со своим бессознательным. Как я уже упоминала, определенные личностные и психологические особенности, которые облегчают социальную адаптацию их владельцу, в другом своем аспекте будут *препятствовать его взаимодействию с его же бессознательными содержаниями*. Нереально оставаться хорошо адаптированным членом сообщества с мощными психологическими защитами, обеспечивающими высокую устойчивость их обладателю, и при этом быть высокочувствительным человеком, способным спонтанно, без специальных усилий и работы над собой свободно взаимодействовать со своим бессознательным.

Здесь необходима одна оговорка: сказанное относится только к ситуации *спонтанного* владения этими способностями. Однако существует возможность *трансформации* собственной личности в результате специальных усилий, *сознательной работы над собой*, освоения ресурсов своей психики и т.п., в результате которой обычные адаптированные члены сообщества могут научиться такому взаимодействию. На это, в общем-то, направлены многочисленные практики духовного роста и самосовершенствования, потому что без знания самого себя, без освоения собственных возможностей, достижение личностного роста может быть оплачено только ценой боль-

ших страданий и серьезных потрясений. Это получится та самая мудрость, которую некоторые старики обретают в конце жизненного пути и которая выражается в способности видеть подлинную природу событий и находить оптимальные решения в сложных жизненных ситуациях. Фактически, выбор, перед которым жизнь ставит любого человека, таков: или совершенствуйся *сам*, или обстоятельства *заставят* тебя это сделать. Эта мысль хорошо выражена в восточной поговорке: мудрый живет в согласии со своими звездами, глупого они волокут по камням судьбы.

Итак, для понимания природы бессознательного важно иметь в виду следующее: наряду с обычно исследуемыми компонентами бессознательного существует важнейший пласт содержаний, продуцируемых самим человеком в процессе его естественной жизнедеятельности. Они могли никогда не достигать сферы сознания, но не потому, что их значение ниже порогового, и не потому, что они оттуда вытесняются, а потому, что человеку просто *не удастся вступить во взаимодействие с ними*. Допустим, символы, в которых находят выражения эти содержания, даже если они и воспринимаются человеком, остаются им не понятыми.

Для того, чтобы сложилась такая ситуация вовсе не обязательно, чтобы эти содержания были травмирующими или запрещаемыми стереотипами «эго». Достаточно, чтобы человек *не владел* символической бессознательного или *не желал* прислушиваться к этим содержаниям. Совершенно очевидно, что такое положение вещей в современной технократической культуре является, скорее, правилом, чем исключением. Этим, хотя бы отчасти, на мой взгляд, объясняется обилие личностных конфликтов, психологических и нервных проблем у современного человека. М.-Л. фон Франц, анализируя роль бессознательного в процессе гармонизации внутренней жизни человека, пишет о трагедии современных индейцев, стол-

кнующихся с совершенно чуждой для них культурой и не имеющих средств противодействия стрессу или благоприятного разрешения конфликта. «Если основная установка моего сознания делает невозможным проникновение в него определенных психических содержаний, то они вынуждены, чтобы попасть ко мне, идти обходным путем. Если мы не способны осознать такое положение дел, то и бессознательное в свою очередь не может проявить для нас данное содержание... На этой почве могут возникать психические расстройства, сновидения и симптомы, однако бессознательное не имеет никаких средств, с помощью которых можно было бы его понять, если в сознании нет соответствующей установки, позволяющей воспринять сообщение от бессознательного.

Нечто подобное мы наблюдаем в цивилизациях, для которых характерна известная ограниченность коллективной установки, не дающая возможности новому положению вещей адекватно проявить себя в сознании. Например, сновидения современных североамериканских индейцев, о которых рассказывает в своих книгах Поль Радин (Paul Radin), равно как и их ритуалы, только недавно подвергшиеся изменениям, могут служить хорошей иллюстрацией того, как бессознательное пытается указать этим индейцам способ, с помощью которого они могли бы приспособиться к вторжению цивилизации белых. Последняя стала для индейцев причиной полной психологической катастрофы, поскольку у них не оказалось никаких средств адаптации к такому вторжению, и поэтому оно стало тем, с чем они не могли совладать. И все же содержание их сновидений свидетельствует о том, что в бессознательном делается попытка помочь им, наталкивающаяся, однако, на абсолютную неспособность их сознательного *Weltanschauung*¹⁷² к адекватному восприятию сообщения из бессознательного, поскольку их способ интерпретации сновидений отличается чрезмерным буквализмом, то есть они не ис-

толкуют содержание снов на единственно правильном, а именно психологическом уровне. Для того, чтобы по-новому взглянуть на приснившееся и объяснить, что происходит в их бессознательном, им приходится обычно обращаться к услугам человека, обладающего творческой фантазией, – шамана из их же собственного племени. Но и в сознании шамана существует та же преграда, а следовательно, хотя бессознательное и делает все возможное, чтобы выйти из затруднительного положения, оно не в состоянии заставить себя услышать в силу отсутствия адекватного средства интерпретации. Иначе говоря, само мировосприятие (*Weltanschauung*) индейцев лишает их возможности испытывать некоторые жизненно необходимые для них переживания»¹⁷³.

Заключение

В заключение исследования хотелось бы обратить внимание на некоторые интересные выводы, которые могут быть сделаны на основании предлагаемых в монографии моделей и реконструкций.

Итак, проблемы с обоснованием когнитивной эволюции на основе идеи естественного отбора мне видятся в следующем. Во-первых, если ценное когнитивное качество должно сформироваться *в будущем* вследствие устойчивого предпочтения особей-носителей ценной мутации, обуславливающей это будущее качество, отбор не может осуществляться *на основании* этого качества. Не может служить основанием отбора то, что еще не сформировано.

Во-вторых, если мы предполагаем возможность обоснования когнитивной эволюции на базе большей социальной успешности особей-носителей селективно ценной мутации, то и здесь мы сталкиваемся с противоречием: если качество сформируется *в будущем*, как итог длительной эволюции, оно не может лежать в основе *нынешней* социальной успешности особи. Кроме того, бóльшая социальная успешность совсем необязательно соотнесена с более развитыми когнитивными способностями (об этом свидетельствуют, в частности, данные зоопсихологии).

В-третьих, даже если мы будем предполагать, что случайная мутация, обуславливающая будущее ценное когнитивное свойство имеет *непосредственное фенотипическое выражение*, и отбор может идти на основании предпочтения фенотипии, то и здесь необходимы уточнения. И прежде всего, селективно ценное преимущество, даже выраженное фенотипически, *не может быть подавляющим*. А в таком случае, как объяснить, что предпочтение особи-носителя в репродуктивном поведении будет *устойчивым*, т.е. что такая особь будет предпочи-

таться постоянно (так же, как и ее потомки) и всеми (или, по крайней мере, большинством)¹⁷⁴? Это, как мне кажется, возможно в том случае, если удастся обосновать, что а) на каждом данном этапе эволюции структуры (имеется в виду человек как вид) будущий оптимум уже представлен; б) члены сообщества способны бессознательно распознавать его; и в) психологические механизмы в процессе адаптации сформировались таким образом, что особь, продвигающаяся в направлении оптимума, спонтанно воспринимается как сексуально более привлекательная.

Как возможно спонтанное ощущение того, что тот или иной представитель популяции представляет собой, условно говоря, «вариант», приближающийся к биологическому (физиологическому, когнитивному, эмоциональному) оптимуму? Я полагаю, что однозначно утверждать здесь что-либо окончательное вряд ли оправданно. Могу лишь высказать следующую догадку.

Вполне возможно, что оптимальная для каждого данного вида структура отличается от всех прочих вариантов более мощной и гармоничной энергетикой. Это, на мой взгляд, вероятно, поскольку в основе формирования гармоничной устойчивой структуры, полученной когда-то на уровне действия универсальных сил, лежало взаимодействие энергий. Затем, в процессе воплощения структуры в физический мир, характер первоначальных энергий, скорее всего, изменяется, поскольку воплощение, как я отмечала, связано с нарастанием инь-составляющей¹⁷⁵.

Теперь обратимся к тому этапу эволюции структуры, который связан с рождением отдельных представителей нового вида, т.е. конкретных субъектов. Там, в каждом отдельном случае, будут свои вариации энергий, осуществляемые в рамках того диапазона свободы (разброса вариантов значений), который допускается структурой вида. Все это означает, что, хотя на уровне глубинной реальности была найдена одна-единственная структура, являющаяся оптимумом для данного вида существ, на

деле (т.е. в физическом мире), из-за упоминавшихся выше обстоятельств, структуры с таким соотношением энергий не удастся встретить ни в коем случае. Т.е. все то, что будет иметься в физическом мире, хотя и воспроизведет базисные параметры первоначальной структуры, будет в большей или меньшей степени от нее отличаться.

Но изначально найденная структура все же остается оптимумом для данного вида, т.к. именно она лежала в основе воплотившегося в физический мир. Именно она явилась результатом той игры универсальных сил, которая, собственно говоря, и обусловила возникновение нового типа живых существ.

В этой связи я думаю, что энергетическое функционирование изначально найденной структуры было для данного вида существ оптимальным. Все варианты ее воплощения в физическом мире будут менее совершенны именно в энергетическом плане. Любая форма, полученная в результате случайной мутации, если она оказалась по тем или иным причинам, в том или ином отношении, более близкой к оптимуму, окажется энергетически более совершенной. Это выразится в том, что она будет более устойчивой к внешним воздействиям, более пластичной (и в силу этого, легче приспосабливающейся к изменениям условий), она окажется способной функционировать таким образом, чтобы, имея пропорционально меньшее количество поступающей энергии, продуцировать более высокий результат.

Внешним выражением подобных особенностей, как мне кажется, станет бóльшая энергетическая заряженность сущности. Окружающими это будет спонтанно ощущаться как более мощная энергетика данного представителя популяции. А далее вступают в действие психологические механизмы. Они, как мне представляется, должны были в процессе эволюции сформироваться таким образом, что бóльшая энергетичность ощущается окружающими как бóльшая сексуальная привлекатель-

ность особи. Это и обеспечит возможность того, что в процессе естественного отбора предпочитаемыми (совершенно спонтанно и устойчиво) окажутся носители благоприятных мутаций, какими бы ни были сами эти мутации, т.е. какие бы будущие свойства они ни обуславливали.

Так и окажется возможным, что случайная благоприятная мутация, которая когда-нибудь, в отдаленном будущем, приведет к формированию адаптивно ценного качества (в том числе, и когнитивного), уже в момент появления первого носителя благоприятной мутации будет ощущаться членами сообщества и устойчиво отбираться. Причем такой выбор, скорее всего, будет неосознаваемым, спонтанным. Просто носители благоприятной мутации, в силу большей близости к видовому оптимуму, будут обладать несколько отличной энергетикой, что и будет ощущаться-переживаться остальными как бóльшая сексуальная привлекательность данного конкретного индивида. Именно это обстоятельство и обусловит, как устойчивое предпочтение такой особи в брачном поведении, так и ее бóльший репродуктивный успех.

Такая модель позволяет сохранить идею естественного отбора, избавившись при этом от несоответствий, о которых я говорила выше.

Коротко подведем итог анализа природы человеческого сознания.

Оно может рассматриваться как производное от *универсальной силы «сознание»*, участвующей в создании человека как вида. Вот какую цепочку взаимосвязей я здесь вижу. Универсальные силы, действующие на уровне глубинной реальности, формируют структуру «человек». Поскольку она совершенна и гармонична, она получает автоматическое воплощение в физическом мире. Вещество-носитель физического мира — *материя-сознание*. Все, что встречается в нем, состоит из *сознающей* материи или материального сознания, в зависимости от уровня представленности энергий инь и ян в каждом конк-

ретном объекте. Такова же природа и человека. Именно благодаря сущностному единству со всем окружающим, он имеет возможность спонтанного постижения сущности объектов в глубинном внутреннем переживании.

Но в тот момент, когда это средство используется для постижения добра и зла (сущностей, не органичных миру из-за исключительной представленности лишь одного из видов энергии в каждом из них), его внутренняя природа распадается на противоположные начала: *несознающую материю* и *нематериальное сознание*. Оба они не органичны миру, в котором все содержит хотя бы зародыш, крупицу противоположного начала, а не исключительно один из видов энергии (одну из противоположностей). С этого момента радикально изменяется не только внутренняя природа человека, но и видение им мира, его отношения с миром, способы постижения. В частности, из-за возникшего несоответствия внутренней природы человека и объектов непосредственное постижение последних в глубинном внутреннем переживании становится невозможным.

Однако выживание требует компенсации этой потери. Средством, позволяющим выявлять сущность предметов, располагая возможностью непосредственно взаимодействовать лишь с их поверхностными проявлениями, и является *человеческое сознание*. Оно непосредственно связано с идеей *самости*. Последняя возникает как ответ на новые условия существования человека, когда им утрачена целостность и доминируют тенденции к распаду. Самость призвана обеспечить насильственное, принудительное поддержание стабильности структуры, которая утратила естественное равновесие. Проявлением действия этой силы в сфере мышления и будет *специфически человеческое сознание*.

Таким образом, сознание человека является компенсаторно-адаптивной стратегией консолидирующего характера: а) оно призвано обеспечить адаптацию челове-

ка в изменившихся условиях; б) для этого оно должно обеспечить новые способы постижения сущности объектов; в) эти задачи оно решает в соответствии со своей внутренней природой консолидирующего начала.

Поскольку внутренняя природа субъекта и объектов теперь различна, спонтанное проживание сущности другого в себе больше не возможно. Но «знать» — это, по-прежнему, постичь как часть самого себя. Как же этого добиться? Именно сознание решает эту задачу.

Сознание является янской сущностью. Это следует и из того, что в его основе — одна из противоположностей, возникших в результате диссоциации исходного вещества-носителя (а именно, нематериальное сознание — чистое ян), и из того, что оно является лишь одним из проявлений самости — тоже янского конструкта.

Подобная характеристика указывает на колоссальную творческую способность сознания, а также на его огромную проникающую мощь. Дело в том, что энергия ян — мужская, активная, созидательная. А все объекты физического мира состоят из вещества-носителя, в котором, пусть и в разных пропорциях, но обязательно представлены оба вида энергии, и ян, и инь. Поэтому проникающая сила сознания оказывается выше, чем возможности сопротивляться этому проникновению у *любого объекта* физического мира. Именно поэтому сознание может быть использовано в роли средства постижения даже тогда, когда объекты внешнего мира оказываются отделены от субъекта внешними оболочками и барьерами.

Кроме того, сознание, преодолевая сопротивление объектов, привносит в них человеческую энергию, со всей его расщепленностью, противоречивостью и дисгармонией. Можно сказать, что человек *насилъственно* кормит внешние объекты той пищей, которую — по собственной воле — испробовал сам (в момент постижения добра и зла). И внешние объекты, как и ранее сам чело-

век, в результате такой операции оказываются заражены той же противоречивостью и дисгармоничностью. В результате их внутренняя природа становится той же, что у человека. Это снова делает возможным проживание сущности объекта в себе, хотя, как видим, и на новой основе.

Таким образом, человеческое сознание действительно производно от универсальной силы «сознание», хотя связь между ними достаточно отдаленная, а процессы, которые протекали в ходе трансформации одного в другое, достаточно сильно изменили природу последнего по сравнению с его прообразом. Это объясняет, почему человеческое сознание, хотя, безусловно, и обладает ограниченными ресурсами по сравнению с универсальной силой «сознание», тем не менее, тоже создает собственные структуры, формирует собственную реальность и воздействует, пусть и косвенно, на течение физических процессов.

Таковы, в самом общем виде, некоторые итоги обсуждения в монографии проблем эволюции и сознания. Я отдаю себе отчет в глобальности и необозримости этих тем и не предполагаю, что найдено решение проблем. Тем не менее, я надеюсь, что вопросы, которые я затронула, противоречия существующих подходов, которые я заострила, чтобы стала очевидной необходимость поиска иных вариантов ответов, модели, которые я предложила, все-таки окажутся интересными для читателя.

Примечания

- 1 Это связано с тем, что символ, по самой своей природе, представляет собой конструкт, используемый для репрезентации с помощью обыденных средств человека тех пластов реальности, которые превосходят его обыденные возможности постижения.
- 2 Несмотря на декларируемую адаптивную ценность особей с запретом на инцестное поведение.
- 3 «Известна ли нам какая-либо генетическая ситуация, в которой происходит быстрый выход из "опасного" состояния гетерозиготности, скажем, всего за два поколения? Такая ситуация может создаваться, когда брат и сестра наследуют от одного из своих родителей одну и ту же перестройку и производят в инцестном браке гомозиготное потомство. В этой группе гомозигот фертильность опять была бы нормальной, тогда как скрещивания в общей популяции дали бы только гетерозиготных потомков, имеющих пониженную плодовитость. Следовательно, этот механизм воздвиг бы эффективный репродуктивный барьер, что создало бы наилучшие условия для постепенного становления нового вида... Может ли быть так, что новые виды приматов берут начало от одной пары особей? Или более конкретно: реально ли, что все человеческие существа происходят от одной предковой пары? Как это ни удивительно, миф об Адаме и Еве как паре прародителей человечества может со временем получить научное обоснование». — Фогель Ф., Мотульски А. Генетика человека. М., 1990. Т. 3. С. 14–15.
- 4 Зона Брока и зона Вернике — участки мозга, связанные с продуцированием и распознаванием речи.
- 5 Фогель Ф., Мотульски А. Генетика человека. Т. 3. М., 1990. С. 33–34.
- 6 Подчеркну: *в естественных условиях*, а не в условиях лабораторного эксперимента!
- 7 Т.е. доминантных, представителями которых у людей и окажутся вожди племен.
- 8 Подчеркнем: именно *внешнее*, а не способность заботиться о самке и о потомстве (как пишут в англоязычной литературе, «склонность выполнять социальный контракт»), не меньшая (или бóльшая — кому что нравится) агрессивность, не особые душевные или мыслительные достоинства, а именно особенности *внешнего облика*.
- 9 Lumsden Ch., Gushurst A. Gene-Culture coevolution: Humankind in the making // Sociobiology and Epistemology. Dordrecht, 1985. P. 9.

- ¹⁰ Солбриг О., Солбриг Д. Популяционная биология и эволюция. М., 1982. С. 267.
- ¹¹ Так Э.Уилсон утверждает, что различные формы верований будут удерживаться и распространяться в сообществе, если они способствуют повышению адаптивных возможностей человека. Т.е. их полезность должна обнаруживать себя как совокупный результат в целом возрастающей приспособленности членов сообщества (*Wilson E.O. On Human Nature. Cambridge-L., 1978. P. 175*).
- ¹² Адаптивная ценность связана с более высокой интенсивностью размножения, или относительно более высокой выживаемостью потомства, или такой ситуацией, когда совокупный эффект смертности и скорости размножения выражается в увеличении числа выживающих потомков.
- ¹³ *Wilson E.O. On Human Nature. P. 176-177.* Ср. также: «Мозг существует, т.к. он обеспечивает выживание и умножение генов, направляющих его формирование. Сознание есть средство выживания и размножения, а разум — это лишь одна из разновидностей техники» (*Wilson E.O. Sociobiology: New Synthesis. Cambridge, 1975. P. 2*).
- ¹⁴ Это ограничения, налагаемые на возможные пути развития мыслительных структур субъекта его генетическими предрасположенностями.
- ¹⁵ *Lumsden Ch.J., Gushurst A.C. Gene-Culture Coevolution: Humankind in the Making // Sociobiology and Epistemology. P. 7.*
- ¹⁶ *Bouchard Th.J. Whenever the Twain Shall Meet // The Sciences. Sept./ Oct. 1997. P. 54.*
- ¹⁷ *Ruse M. Evolutionary Epistemology: Can Sociobiology Help? // Sociobiology and Epistemology. Boston, 1985. P. 252.*
- ¹⁸ «Теория, наиболее широко распространенная среди биологов, заключается в том, что индивиды эволюционировали, чтобы максимизировать вероятность выживания не для себя, а для их генов, и что они достигали этого за счет репродукции и передачи потомкам и другим носителям их собственных генов». — *Alexander R.D. The Biology of Moral Systems. N.Y., 1987. P. 38.*
- ¹⁹ «Обсуждение культуры в этом эссе осуществляется в терминах поведения, а не идей, верований и чувств, потому что именно поведение влияет на репродуктивный успех непосредственно. Идеи, верования и чувства, с точки зрения поведенческой биологии, важны в той мере, в какой они воздействуют на поведение». — *Irons W. Cultural and biological success // Evolutionary Biology and Human Social Behavior: An Anthropological Perspective. North Scituate, 1979. P. 9.*

- 20 «Совершенно разные множества приблизительно одинаковых (близких) механизмов могут вести к тому, что оказывается одной и той же целью у разных индивидов или разными целями у того же самого индивида в разное время и в разных обстоятельствах». — Ibid. P. 18.
- 21 *Symons D.* A critic of Darwinian anthropology // *Ethol. Sociobiology.* 1989, 10. P. 131-144.
- 22 *Crauford Ch.* Evolutionary psychology: Counting babies or studying information-processing mechanisms // *Evolutionary perspectives on human reproductive behavior.* N.Y., 2000. P. 24-25.
- 23 *Hass R.G., Chudhary N., Kleyman E., Nussbaum A., Pulizzi A., Tison J.* The relationship between the theory of evolution and the social sciences, particularly psychology // *Evolutionary perspectives of human reproductive behavior.* N.Y., 2000. P. 11.
- 24 Ibid., P. 11.
- 25 Адаптации понимаются как «множества процессов решения, которые делали для предковых организмов возможным анализ в терминах издержек-преимуществ, осуществлявшийся в ответ на специфическое множество параметров среды, и которые организовывали конечные процессы согласно этим параметрам таким образом, чтобы гены, опосредующие адаптацию, могли выжить и репродуцироваться в состязании с альтернативными генами». — *Crauford Ch.* Evolutionary psychology: Counting babies or studying information-processing mechanisms. N.Y., 2000. P. 26.
- 26 Поскольку нас в данном случае интересует возможность объяснения когнитивной эволюции за счет фенотипической специфичности особи-носителя, случайная мутация X должна быть такова, что в плане внешности особи-носителя она проявится в виде качества P, но она же (в перспективе) будет лежать в основе нового когнитивного свойства.
- 27 А дальше уже вступают в действие психологические механизмы, обеспечивающие восприятие таким образом выделенной (распознанной) особи как особенно привлекательной для брачного взаимодействия.
- 28 *Chandler J.L.R., Van De Vijver G.* Preface // *Closure. Emergent organizations and their dynamics.* N.Y., 2000. P. IX.
- 29 *Van De Vijver G.* Identification and psychic closure. A dynamic structuralist approach of the psyche // *Closure.* N.Y., 2000. P. 2.
- 30 *Князева Е.Н.* Топология когнитивной деятельности: синергетический подход // *Эволюция, язык, познание.* М., 2000. С. 227.
- 31 Взаимовлияние и взаимосвязь телесного и психического в человеке, отражение внутренних, ментальных, характеристик во внешнем облике рассматриваются в психосоматике и психологии телесности.

- 32 Надо иметь в виду, что связь психического и телесного не является односторонней и не ограничивается влиянием психики на тело. Постепенно устойчивый способ реагирования становится автоматическим и вызывает соответствующий отклик на ментальном уровне.
- 33 Все эти вопросы детально прорабатываются в психологии телесности в связи с возможностью вызывать благоприятные психологические изменения, воздействуя на мышечную структуру человека. В частности, специалисты выявляют корреляции между внешним видом субъекта, характерными для него паттернами мышечного реагирования (включая предпочитаемые позы и телодвижения), а также фундаментальными параметрами личности (личностный тип, пережитые психотравмы и даже среда, в которой человек формировался). См., например, *Лоуэн А. Предательство тела*. Екатеринбург, 1999; *Никитин В.Н. Психология телесного сознания*. М., 1998.
- 34 Понятия «энергия», «заряд», «разрядка» являются ключевыми в телесно ориентированной психотерапии А.Лоуэна. Этот подход предполагает рассмотрение происходящего в человеческом теле, как одной из форм проявления динамики энергетических процессов, другой формой проявления которых являются ментальные процессы. (См., напр., *Лоуэн А. Биоэнергетика*. СПб., 1998.).
- 35 Усилий – не в плане каких-либо действий или телодвижений, а в плане самопринуждения.
- 36 Имеется в виду определение понятия «гармония».
- 37 *Принципом* удовольствия, по А.Лоуэну.
- 38 «Если сталь поместить внутри магнитного поля, она становится магнитом. Если вспомнить, что наши тела созданы из тканей, обладающих проводимостью, а также то, что мы находимся в магнитном поле Земли, то можно вполне обоснованно предположить, что наши тела подобны магниту» (*Ян Цзюньмин. Корни китайского цигун. Секреты практики цигун*. К., 1997. С. 73.)
- 39 «Когда говорят, что *ци* является *Инь* или *Ян*, это значит, что эта *ци* слишком сильна или слишком слаба для конкретной ситуации. Это относительный, но не абсолютный признак... Чтобы говорить об определенном уровне *ци* в теле, за точку отсчета следует брать уровень, при котором человек чувствует себя наиболее приемлемо в данных конкретных обстоятельствах» (Там же. С. 67-68.).
- 40 И это, кстати говоря, так и есть: данные об аборигенах Африки, бушменах Австралии, о неординарных формах восприятия левшей при некоторых видах мозговых нарушений, а также в особых состояниях сознания (медитативные практики, психотехники и др.) подтверждают такое предположение.

- 41 Имеются эмпирические подтверждения того, что такая система действительно существует. В частности, лечебные воздействия китайских медиков на биологически активные точки, расположенные на меридианах движения ци в организме, дают замечательный оздоровительный и лечебный эффект. Вот, например, как об этом пишет специалист в области цигун-терапии: «В организме человека *ци* циркулирует по меридианам (каналам), это традиционное понятие в восточной медицине, не имеющее анатомического аналога. Связать систему меридианов с анатомией человека и увидеть ее практически невозможно, однако говорить о мистическом происхождении каналов нельзя, так как из века в век, воздействуя на организм больного человека посредством системы меридианов, восточные медики добивались прекрасных результатов. Это не отрицают и европейские специалисты, изучавшие основы восточной медицины». (*У Вэйсинь*. Секреты цигун-терапии. СПб., М., 2000. С. 18.).
- 42 См.: *Канетти Э.* Масса и власть. М., 1997. С. 359-364.
- 43 См. данные Т.А.Доброхотовой и Н.Н.Брагиной в их книге «Левши». (М., 1994.).
- 44 Чрезвычайно интересный материал, относящийся к данной проблеме, можно найти в книге О'Брайен Б. Необыкновенное путешествие в безумие и обратно. М., 1996. (Это история женщины, заболевшей шизофренией, самостоятельно излечившейся от тяжелого недуга, и с тонкой наблюдательностью и самоиронией поведавшей об этом периоде своей жизни.).
- 45 *Канетти Э.* Масса и власть. С. 359-364.
- 46 Там же.
- 47 См. в The Sciences. January/February, 2000. P. 44.
- 48 *Тинберген Н.* Поведение животных. М., 1985. С. 40.
- 49 Там же. С. 43, 46.
- 50 Там же. С. 42.
- 51 Там же. С. 42.
- 52 Эта идея подробно разрабатывается основоположниками теории нейро-лингвистического программирования Бендлером Р. и Гриндером Дж. См. их книгу «Структура магии». СПб., 1993. Т. 2.
- 53 Хорошая иллюстрация мироощущения человека на ранних стадиях его эволюции см.: *Нойманн Э.* Происхождение и развитие сознания. М., 1998. С. 31: «Маленький, немощный, много спящий, т.е. большей частью бессознательный, он плавает среди своих инстинктов подобно животному. Выношенный и рожденный великой Матерью Природой, взлелеянный ее руками, он, несмотря ни на что, предоставлен ей полностью. Он – ничто, мир – все. Мир

- укрывает и кормит его, в то время как он сам едва ли чего желает или что-то делает. Ничего не делая, он инертно лежит в бессознательном, просто существуя в неисчерпаемом сумеречном мире, все его потребности легко удовлетворяются великим кормильцем – таково это раннее, блаженное состояние.
- 54 Об этом хорошо сказано у Судзуки: как только ты осознаешь происходящее, оно больше не происходит. Человек только тогда глубоко взаимодействует с миром, когда перестает осознавать это взаимодействие. До тех пор, пока остается хоть малейшее место для осознания того, что с тобой происходит (не важно, осознание ли это угасания твоего сознания, понимание, что вступил в подлинный контакт с миром и видишь вещи в их «таковости»), этого с тобой *не происходит*. – См.: Судзуки Д.Т. Мистицизм: христианский и буддистский. Киев, 1996. С. 43-44.
- 55 Это тот же уровень абстракции, который имеют в виду, когда говорят об универсальных силах, именуемых еще «стихиями»: у греков это огонь, вода, земля, воздух; у китайцев – дерево, огонь, почва, металл, вода. Встречается, также, название «первозлементы». Например, «Каждый первоэлемент – это символ жизненных процессов, протекающих как в природе, так и в человеке». (*У Вэйсинь*. Секреты цигун-терапии. СПб., 2000. С. 15.).
- 56 *У Вэйсинь*. Секреты цигун-терапии. С. 32.
- 57 Достаточно подробный анализ разных подходов см., например, Уилбер К. Никаких границ. М., 1998.
- 58 Когда я говорю «субъект становится объектом» я не имею в виду буквальное, физическое, превращения. Речь идет о способности ощущать и переживать процессы, происходящие в другом, как собственные, внутренние, «во мне самом совершающиеся». И когда происходящее с другим и в другом становится происходящим с тобой и в тебе, то это равносильно тому, что ты *стал* этим другим.
- 59 *Сатпрем*. Мать. Новый вид. Т. 2. СПб., 1997. С. 195-213.
- 60 Хотя на самом деле и первый мир не исчезает, и второй не появляется. Мир один и тот же. Изменяются те составляющие (объекты) мира, которые оказываются резонансными по отношению к новым параметрам излучения-сознания человека.
- 61 Уилбер К. Никаких границ. М., 1998.
- 62 «Установлено, что обезьяны обладают способностью собирать орудия из частей, различать такие понятия, как форма и цвет, и даже узнавать себя в зеркале. В ходе экспериментов человекообразные обезьяны проявляли удивительные умственные способности. Вопрос о том, почему они не пользуются ими в условиях дикой природы, озадачивает многих исследователей. Вероятно, обезьяны

используют свои способности не для конструирования орудий или решения головоломок, а для достижения успеха в рамках социальной структуры своей группы, что увеличивает их шансы оставить большее число потомков». — *Фогель Ф., Мотульски А.* Генетика человека. М., 1990. С. 29.

63 *Грант В.* Эволюционный процесс. М., 1991. С. 431.

64 Кстати, на мой взгляд, именно в таком мироощущении причина отсутствия других времен, кроме настоящего, в некоторых примитивных языках.

65 Как показал еще З.Фрейд, первым принципом, регулирующим отношения живого существа с миром, является принцип удовольствия. Принцип реальности, предполагающий функционирование в условиях отсроченного удовольствия, а иногда и вообще неудовольствия, формируется гораздо позднее.

66 *Ламберт Д.* Доисторический человек. Кембриджский путеводитель. С. 92.
67 Соответствующие выводы делаются в психологии телесности. В частности, см.: *Лоуэн А.* Физическая динамика структуры характера. М., 1996.

68 *Ламберт Д.* Доисторический человек. С. 92.

69 Например, на больших глубинах, куда солнечный свет совсем не проникает, и где царит полная темнота, единственной основой коммуникативного взаимодействия является люминесценция. Собственное свечение глубоководных обитателей сообщает не только, что перед вами живой объект, но и о его внутреннем состоянии.

70 «Сенсорная система мотыльков очень чувствительна к сигналам, генерируемым летучими мышами. Частотный спектр и громкость всех звуковых сигналов закономерно меняются с увеличением расстояния. Именно эту информацию и способны различать нейроны мотылька. Одни из этих нейронов отвечают импульсами на звуковые сигналы летучей мыши, спектральные и энергетические характеристики которых соответствуют удаленностям, превышающим 40 м. В этом случае мотылек просто меняет направление полета и удаляется от источника звуков. При сигналах, характеристики которых свидетельствуют о том, что хищник находится на расстоянии менее 10 м., активизируется другая группа нейронов. В результате запускается совершенно иная поведенческая программа: мотылек начинает внезапно менять направление полета. "Нырки" и броски из стороны в сторону резко затрудняют летучей мыши ее задачу, т.к. ее эхолотный принцип локализации основан на экстраполяции положения и удаленности распознанного объекта». (*Кликс Ф.* Пробуждающееся мышление. У истоков человеческого интеллекта. М., 1983. С. 58.).

- 71 *Любищев А.А., Гурвич А.Г.* Диалог о биополе. М., 1998.
- 72 *Хазрат Инайат Хан.* Мистицизм звука. М., 1997. С. 73.
- 73 Вот как об этом пишут китайцы: «Любое единое целое (явление, существо, состояние и т.д.) состоит из двух противоположных начал – *инь* и *ян*, – соперничающих и дополняющих друг друга» (*У Вэйсинь.* Секреты цигун-терапии. СПб., 2000. С. 24.).
- 74 Подобно тому, как младенец вначале постигает мир, пробуя все на вкус. (И здесь мы видим онто- и филогенетические параллели, которые, в свою очередь, имеют и символическую представленность).
- 75 Вот как психологически выглядит этот феномен: «Предположим, что в вас существует бессознательный лжец, и вы познакомились с человеком, который нагло врет. Вы можете распознать лжеца в другом человеке, поскольку вы сами лжец. В противном случае вы не распознаете лжеца в другом человеке. Распознать определенное качество в другом человеке можно только тогда, когда вы обладаете этим качеством и знаете, что чувствует человек, когда врет». – *Франц фон М.-Л.* Алхимия. СПб., 1997. С. 36.
- 76 Понятие, используемое в китайской традиции для передачи (выражения) эффекта избыточного присутствия энергии ци. Соответственно, «охлаждение» означает недостаток энергии для нормального протекания процессов (как в организме, так и в среде).
- 77 Имеется в виду следующее: в китайской традиции считается, что для нормального, гармоничного функционирования организма важно не только то, чтобы все его органы получали нужное количество энергии, но и чтобы она, условно говоря, была необходимого «знака»: некоторые системы преимущественно иньские (например, система почек), другие – янские (система толстого и тонкого кишечника). И если энергии приходит достаточно, но она не того качества, то одни органы будут перегреваться (в западной традиции этому понятию примерно соответствует представление о воспалительном процессе), другие – остывать (онкология).
- 78 Только такое состояние позволяет достичь просветления, проживать каждый момент в режиме «здесь и теперь», воспринимать окружающее ярко, насыщенно, адекватно.
- 79 *Гудолл Дж.* Шимпанзе в природе: поведение. М., 1992. С. 587-588.
- 80 *Франц М.-Л. фон.* Психология сказки. СПб., 1998. С. 237.
- 81 «В течение всей нашей жизни нам говорится, что нам не разрешено открыто выражать себя, и мы ставим здесь скобку, там тиски и еще застёжку, вскоре наши тела полны ментальных и физических заторов. К тому времени, когда мы становимся взрослыми, мы ощущаем себя настолько зажатыми, что наши тела не могут больше

уступать. Мы спотыкаемся, ушибаемся, становимся оболочками, которые постоянно обороняются от внешнего. Мы манипулируем собой, чтобы подогнуть себя под какие-то шаблоны, и, как результат, наши тела обороняются от неестественных наслоений» (*Чунлян Ал Хуан*. Обнимая тигра, возвращаюсь к горе. Сущность Тай-цзи. М., 1996. С. 120).

82 Понять, в какой степени каждый из нас живет, подчиняясь принципу реальности, а в какой — принципу удовольствия, легко, если обратить внимание на то, преимущественно в каких выражениях мы формулируем свои намерения. Если это «я должен (должна)», «мне необходимо», «следует сделать то-то и то-то», то это — верный признак того, что мы функционируем на базе принципа реальности, слишком многое в нашей жизни пытаемся взять под сознательный, волевой контроль. Само по себе это было бы не так уж и страшно, если бы не одно обстоятельство: любое принуждение вызывает спонтанное желание противодействовать ему. Это значит, что, адресуя самим себе подобного рода приказы, мы сами же провоцируем возникновение и рост сопротивления внутри себя. И это сопротивление мы вынуждены преодолевать, еще мощнее задействуя свою волю. Но усиление давления вызывает еще большее сопротивление. Как видим, получается замкнутый круг, который преодолевается только благодаря постоянному насилию над собой, и которое мы не замечаем только потому, что оно стало неотъемлемой частью нашей повседневной жизни.

Что в такой ситуации можно сделать? Для начала: попытаться отследить моменты возникновения суждений долженствования, а далее попытаться заменить их на «Я хочу». Это, как ни странно, не так уж противоестественно: если в нас возникло некое побуждение, пусть и формулируемое в форме приказа, что-то в нас самих *на самом деле хочет* (именно хочет!), чтобы искомое действие совершилось. Более того, «устойчивые обязательства (как раз и выражаемые в форме долженствования. — *И.Б.*) являются сигналом, что вы делаете что-то такое, относительно чего вы не признаете, что *хотите* это делать». — *Уилбер К.* Никаких границ. М., 1998. С. 106.

83 Еще раз подчеркну: высвобождение, уменьшение зажимов продуктивно и не разрушительно тогда, когда оно происходит вследствие осознания-проживания в себе самом пагубности лично и конкретно для себя того, от чего человек решает отказаться. А вовсе не как результат культивирования вседозволенности.

84 *Ардов В.* Коварный лунатик // Советский юмористический рассказ 20-30 годов. М., 1987. С. 71.

85 *Канетти Э.* Масса и власть. М., 1997. С. 359-364.

86 «Развитие эго в нашей культуре проходит через выбор между хорошим и плохим, правым и неправым, нравящимся и несимпатичным. Плохое, неправильное и несимпатичное неизбежно оказывается в тени, становится ужасным. Вскорости подавленная сторона вытесняется; архетип тени, обладающий в потенции разрушительной силой, «инстинктом ко злу» или «деструдо», активируется негодными импульсами повседневной жизни. Чем более правым я делаюсь, тем больше тень насыщается противоположными мотивами, доходя до крайностей доктора Джекила и мистера Хайда. Поскольку тень является фигурой архетипической, а не просто ширмой для подавления, то она выступает живой личностью со своими намерениями, чувствами и идеями.

Сохраняя невинность и собственную правоту в эго-сознании, я задвигаю тень во мрак, которому она принадлежит архетипически, как дьявол изображению ада или преступник ночной фантазии» (*Хиллман Д.* Архетипическая психология. СПб, 1996. С. 39.).

87 Вспомним буддийское: «Просто позволь событиям течь».

88 Ведь вот интересно: мы говорим в отношении восприятия человека, что это мир средних размерностей, и не удивляемся этому, и не отрицаем того, что существует многое, не воспринимаемое нами. Но точно также мы можем сказать, что мир жизни человека – это мир тонкой пленки живого, образовавшейся на поверхности Земли. Однако это не означает, что ею и исчерпывается все богатство форм жизни, точно также как возможностями нашего «среднеразмержного» восприятия не исчерпывается разнообразие того, что в принципе может быть воспринято, и, между прочим, нами же (только при определенных условиях – в том числе, и с использованием научных приборов, и при определенных обстоятельствах – допустим, в измененных состояниях сознания).

89 Вот яркое выражение мироощущения такого человека: «...Все становится обманом, "да" превращается в "нет", добро – в зло, воля к очищению – в еще большее помутнение, жажда универсализации – в еще более тягостную темницу, стремление к преобразованию – в полное затемнение, ведь дорога неведома, и нам неизвестно, что происходит; мы даже не знаем, к чему стремиться, а чего избегать... когда мы исчерпаны до дна, истощены от усталости (но и усталость – эта, может быть, фальшива), изнемогаем от того, что вокруг – одни невозможности, когда нас осаждают бесконечные бурлящие мысли, и мы, как пьяные, едва идем в тумане боли...» – *Саттрем.* Мать. Новый вид. СПб., 1997. С. 192.

- 90 Мать говорила, что если в человеке остается хоть *малейшее сопротивление* происходящему и воспринимаемому, он просто не выдержит той колоссальной мощи энергии, которая начинает течь через него. Она разрушит, расплавит его. Только полный внутренний покой, собранность и в то же время расслабленность позволяют выдержать встречу с энергиями альтернативной реальности. Зато, если человек смог создать условия для подобного взаимодействия, он ощущает такое счастье, такую полноту жизни, любви и постижения, которые ему не доводилось переживать в «нашем» мире.
- 91 *Сатпрем*. Мать, или Новый вид. СПб., 1997; *его же*. Мать, или Мутация смерти. СПб., 1997.
- 92 Термин «самость» в данном случае используется не в положительном юнгианском смысле, как целостность, высшая степень реализации личности, а в буддийском, как отгороженность от мира иллюзорными барьерами независимости от него.
- 93 Я говорю о *Я-тенденции*, имея в виду *склонность* рассматривать происходящее в мире с точки зрения того, каково происходящее «лично для меня».
- 94 Мать многократно отмечала, что эго, самость являются той силой, которая выбрасывает человека из взаимодействия с миром гармонии и мгновенно погружает его в наш мир расщепленности и дисгармонии. И хотя она это не только превосходно осознавала, но и отследила на своем опыте, буквально прожила в себе, все равно ей не удавалось достаточно долго удерживать состояние несамосознательности. В какой-то момент пробуждалось эго, и она оказывалась «выброшенной» в наш мир.
- 95 Я употребляю это понятие как собирательное: это могут быть и жрецы, и вожди, и духовные подвижники.
- 96 Между прочим, сам факт того, что человек *пытается*, делает его попытки безуспешными.
- 97 Это, как ни странно, действительно метод. В частности, им нередко пользуются животные. Например, запертая в клетку крыса, желая освободиться, хаотично тычется в разные предметы, пока не обнаружит тот, который ответит на ее воздействие. Тогда процент случайных хаотических действий уменьшается, и она начинает преимущественно тыкать и толкать поддавшийся воздействию предмет или его составные части. Так крысам удается открывать задвижки и покидать самые хитроумные ловушки.
- 98 *Выготский Л.С., Лурия А.Р.* Этюды по истории поведения. М.-Л., 1930.

99 Кстати, о страхе нового или неофобии. Были проведены экспериментальные исследования, в ходе которых крыс помещали в новую для них клетку с ящиком внутри. Крысы демонстрировали познавательное поведение: ощупывали ящик вибриссами, обнюхивали его, толкали, залезали на него. Если их *сначала* помещали в клетку, а *через два часа* приносили ящик, то они проявляли большее беспокойство: не сразу решались приступить к обследованию нового предмета, начинали суетиться, вели себя возбужденно. Но наибольший стресс крысы испытывали, когда ящик вносили после того, как они *успевали привыкнуть* к своему окружению, например, через двое суток после их водворения в клетку. В этом случае резко возрастало агрессивное и половое поведение. Проходило длительное время, прежде чем они решались приступить к обследованию нового объекта. Все это, на мой взгляд, дает представление о тех чувствах, которые должен был пережить человек, встретившись с совершенно новым для него миром. Те объекты, с которыми он столкнулся сразу, вероятно, вызвали ориентировочное поведение. Те, которые оказались в сфере его внимания спустя некоторое время, обусловили большее беспокойство. Те же, которые стали появляться позднее, когда он уже успел привыкнуть к своему окружению, должны были вызывать просто настоящий страх. А ведь это, фактически, вся последующая эволюция. Если помним, у крыс этот страх компенсировался за счет более выраженного агрессивного и полового поведения. Ничего не напоминает?

100 Для сравнения: примитивное мышление вообще не задается этим вопросом. Вспомним работу Эванс-Притчарда, в которой он показал, как примитивы реагируют на попытки западного человека доискаться корней происходящего. Так называемое, «восточное мышление» демонстрирует другую особенность: там происходящее воспринимается как некая констелляция событий, определенным образом между собой, безусловно, связанных, но вовсе не обязательно причинно-следственными отношениями. Эта сеть взаимоувязанных событий рассматривается как проявление принципа синхронии. (*Франц М.-Л. фон. Прорисание и синхрония. СПб., 1998*).

101 Имеется в виду то, что за изменением характера излучения человека последовало изменение параметров объектов, откликающихся на такое воздействие. Раньше объект «отзывался» как целостная сущность, поскольку к нему приходило излучение целостной сущности. После разделения внутреннего мира человека на противоположности «отзываться» на его излучение стали отдельные

аспекты объектов. Таким образом, целостная и адекватная картина оказалась невозможной в результате непосредственного усмотрения. Сейчас мы можем ее пытаться восстановить, узнав, что присутствуют такие-то противоположные тенденции, и они определенным образом взаимодействуют в данном объекте. Но это опять мыслительная процедура. Это опять результат домысливания, реконструкции, а не непосредственного постижения в собственном опыте.

¹⁰² Ее сторонники (Я.Гримм, В.Гумбольдт, В.Шлейхер и др.) считают, что речь развилась не из фонем, рассматриваемых нами сейчас как элементарные неделимые звуки, а из конгломератов звукосочетаний, которые воспринимаются сегодня как «нечленораздельный звук». Предполагается, что шумовые сигналы, как наиболее примитивные, были первичными в эволюции звуковой сигнализации, и именно на их основе, путем отсечения одних и усиления других компонентов (прообразом этого процесса, на мой взгляд, может выступать процесс ритуализации поведения у животных), возникли тональные сигналы. Например, Г.Н.Симкин предлагает такую последовательность развития систем сигнализации: первичный шумовой сигнал – скрежет – скрип – тональный сигнал (*Симкин Г.Н.* Акустический сигнал и система сигнализации мелких млекопитающих // Зоологический журнал. 1969. Т. 48. Вып. 4. С. 579-586.).

¹⁰³ *Силаева О.Л., Вараксин А.П., Ильичев В.Д.* Имитационные взаимоотношения между человеком и животными. Акустический анализ. М., 1999.

¹⁰⁴ Там же. С. 13.

¹⁰⁵ Форманта – максимум концентрации энергии в звуковом спектре.

¹⁰⁶ Там же. С. 17.

¹⁰⁷ Акустический анализ показал, что фонемный сигнал «говорящей»птицы, сформированный на основе прототипного сигнала человека, отличается от сигнала последнего по целому ряду параметров. Среди них: распределение энергии основного тона по периодам (у птицы она сосредотачивается в одном из конечных периодов, у человека – в срединных или в их первой трети), превосходство сигнала птицы по вариативности (колебание формантных пиков по частоте внутри одного сигнала, колебание по длительности между разными сигналами) и др.

¹⁰⁸ Там же. С. 35.

¹⁰⁹ Там же. С. 37-38.

¹¹⁰ Там же. С. 27.

- 111 Там расположен аппарат третичной гностической коры, в которой объединяется работа зрительных, осязательно-двигательных и слуховестibuлярных отделов мозга.
- 112 *Лурия А.Р.* Романтические эссе. М., 1996. С. 187.
- 113 Там же. С. 185.
- 114 Там же. С. 190-191.
- 115 Разумеется, это не относится к людям, профессионально подготовленным для интерпретации языка тела, а также особенно чувствительным, восприимчивым личностям.
- 116 *Лурия А.Р.* Романтические эссе. С. 22.
- 117 Там же. С. 24.
- 118 Там же. С. 52.
- 119 Там же. С. 68-69.
- 120 *Журавлев А.П.* Фонетическое значение. Л., 1974. С. 100.
- 121 *Черепанова И.Ю.* Дом колдуньи. Язык творческого бессознательного. М., 1996. С. 87.
- 122 Там же. С. 90.
- 123 Не хочется называть их сверхъестественными, потому что ничего сверхъестественного в них нет. Это *мы* их зачастую воспринимаем подобным образом, т.к., во-первых, не понимаем их природы, и, во-вторых, совершенно справедливо замечаем, что большинство людей ими не обладают. А поскольку для нас «типичное», «естественное» и «свойственное большинству членов сообщества в обычных условиях» – это одно и то же, то, разумеется, эти способности начинают выступать как «сверхъестественные».
- 124 Диметилтриптамин. Т.Маккенна характеризует его следующим образом: «Даже истинные психонавты внутреннего космоса не так уж часто прибегают к ДМТ, поэтому необходимо сказать о нем хотя бы несколько слов... Галлюцинации, которые вызывает ДМТ, длятся от трех до семи минут и бывают необычайно своеобразны. Они до того причудливы и сильны, что даже самые рьяные поклонники галлюциногенов их, как правило, избегают. Тем не менее, ДМТ – наиболее распространенный и часто встречающийся из природных галлюциногенов; туземные племена, населяющие тропики Южной Америки, используют его либо как основу для своих галлюциногенных снадобий, либо в чистом виде. Как продукт метаболизма растений, он никогда не встречается в природе в концентрациях, близких к тем, которые имеет лабораторный продукт. Однако южноамериканские шаманы, используя различные химические соединения, усиливающие действие ДМТ, умудряются выходить на тот уровень забвения реальности, который

дает чистый препарат» (*Маккенна Т. Истые галлюцинации, или быль о необыкновенных приключениях автора в дьявольском раю. Киев, 1996. С. 20-21.*).

125 Там же. С. 22.

126 Там же. С. 23.

127 Психической адекватностью.

128 *Маккенна Т. Истые галлюцинации. С. 76.*

129 Характерно то, как психотерапевты оценивают всякого рода «особые способности»: «...Ей грозит перспектива стать ясновидящей, с неизбежной в таких случаях долей безумия». — *Франц М.-Л. фон. Психология сказки. СПб., 1998. С. 191.*

130 *Маккенна Т. Истые галлюцинации. К., 1996. С. 94-95.*

131 «Можно задаться вопросом о том, как художник углубляется в дух изображаемого растения, если, например, речь идет о знаменитой картине XIII века, на которой Моккей (Му-цзи) изобразил гибискус? Эта картина сейчас считается национальным сокровищем и хранится в Киото в храме Дайтокудзи. Секрет в том, чтобы стать растением. Но как человек может стать растением? Оказывается, само уже стремление человека нарисовать растение или животное подразумевает, что в нем есть что-то соответствующее этому растению или животному. Если это действительно так, он вполне может стать объектом, который желает изобразить.

На практике это достигается посредством интроспективного рассмотрения растения. При этом сознание должно быть полностью свободно от субъективных эгоцентрических мотивов. Оно становится созвучным Пустоте, или *таковости*, и тогда человек, созерцающий объект, перестает осознавать себя отличным от него и отождествляется с ним. Это отождествление дает возможность художнику чувствовать пульсацию жизни, которая проявляется одновременно в нем и в объекте. Вот что имеют в виду, когда говорят, что субъект теряет себя в объекте и что не художник, а сам объект рисует картину, овладевая кистью художника, его рукой, его пальцами». — *Судзуки Д.Т. Мистицизм: христианский и буддистский. Киев, 1996. С. 43-44.*

132 *Маккенна Т. Истые галлюцинации. С. 100.*

133 Там же. С. 101.

134 На наименее исследованных притоках Амазонки «ходят упорные слухи о некоем магическом веществе, которое искусные шаманы выделяют из своего тела. Оно якобы помогает им врачевать, творить чудеса и добывать сведения, которые невозможно получить никаким из обычных способов. Как волшебные зеркала, знакомые

нам по сказкам, волшебные жидкости из бытующих в джунглях поверий – это окна, позволяющие заглянуть в далекие времена и края». – Там же. С. 103.

135 Там же. С. 101.

136 Именно поэтому в культуре, и экзотерической, и эзотерической, такое большое значение придается знанию имени. В примитивных сообществах существуют ритуалы, связанные с процедурой присвоения имени. Тайна имени хранится и оберегается от посторонних, поскольку считается, что, зная имя, можно навредить его носителю. Поэтому нередко подлинным именем человека вообще не называют, чтобы оно не стало известным недоброжелателям. Богов также избегают называть по имени (особенно в тех случаях, когда их боятся), употребляя разные иносказательные обороты.

137 Подробнее об этом см.: *Бескова И.А.* Язык символов как эпистемологический феномен // *Эволюция, язык, познание.* М., 2000. С. 156-161.

138 Чтобы не усложнять текст, будем пока говорить только об одной из возможных форм репрезентации содержания – символической, т.е. о символах, выраженных в языке, хотя сказанное справедливо и для «образных символов».

139 *Судzuki Д.Т.* Мистицизм: христианский и буддистский. Киев, 1996. С. 43.

140 *Доброхотова Т.А., Брагина Н.П.* Левши. М., 1994. С. 129-142; *Они же.* Проблема «мозг-сознание» в свете современных представлений о функциональной асимметрии мозга // *Мозг и сознание.* М., 1990. С. 87-88.

141 *Невярович В.* *Терапия души.* (Святоотеческая психотерапия). М., 1997.

142 Следует учитывать, что практически все психические процессы являются сложными по функциональной организации и обеспечиваются тесным взаимодействием обоих полушарий. Причем роль каждого из них может меняться в зависимости от задачи, на решение которой направлена психическая деятельность, и структуры ее организации. Поэтому можно говорить лишь о парциальной доминантности левого полушария у правой и правого – у левой.

143 Или фантастические объекты, полученные в результате сочетания разных параметров объектов физического мира – как я потом покажу, это ничего не меняет.

144 В традиционной модели этого нет: там человек зачастую использует готовый, уже существующий, объект для выражения искомого содержания.

- 145 Конечно, вопрос об авторстве в символизме обычно не ставится в явной форме, за исключением тех случаев, когда символ относительно недавнего происхождения и история его возникновения примерно просматривается. Тем не менее, автор у символа должен быть, если мы не предполагаем, что они переданы человечеству богами или героями. Да и в этом последнем случае нередко указывают, через кого было передано такое знание. Например, знание рун было получено в ходе шаманской инициации скандинавским героем богом Одином после того, как он девять дней провисел вниз головой на ясене Иггдрасиль.
- 146 А она обязательно будет выступать как случайная, даже если сам автор исследования будет настаивать, что понимает ее как необходимую, до тех пор, пока не будет показано, *в чем именно* ее необходимость, какова конкретно *природа* этой связи.
- 147 Текст здесь понимается в широком смысле: как форма передачи некоторого значимого содержания, не зависимо от того, какие средства при этом использовались – символические или образные.
- 148 Хотя и те, и другие могут быть фантастическими, но они все равно состоят из знакомых нам компонентов. И тогда получается то же самое: непривычное сочетание привычного, знакомого, узнаваемого.
- 149 Действительность здесь понимается широко: не только как действительность физического мира, но и как действительность всех типов миров, формирующихся на всю глубину взаимодействия и взаимопроникновения энергий ян и инь.
- 150 Очень характерную оценку перспективы обладания «паранормальными способностями» дает М.-Л. фон Франц, анализируя судьбу героини одной из волшебных сказок: «После встречи с лунным духом у нашей героини открывается способность видеть религиозные обряды и жертвоприношения, совершающиеся внизу, на Земле. Иными словами, подобно провидцам, она видит то, чего не видят другие, и *ей грозит перспектива стать ясновидящей, с неизбежной в таких случаях долей безумия*» (курсив мой – И.Б.). – Франц М.-Л. фон. Психология сказки. СПб., 1998. С. 191.
- 151 Чтобы было понятнее, что имеется в виду, рассмотрим символ спирали. Что он означает? Является ли он изображением некоего существа (подобно тому, как иногда говорят «символ быка», «символ оленя») или же это абстрактное изображение (например, вроде зигзага)? Я думаю, большинство из нас склонны думать, что абстрактное. Но, как выяснилось, в глубинах океана живет существо (люминофора), имеющее вид спирали в пространственном представлении. Наверное, если бы мы это знали заранее, мы бы назвали символ спирали изображением люминофоры (ведь похоже!). Вероятно, именно этот соблазн (считать символом

- похожий реальный объект) реализуется, когда мы начинаем говорить, что змея – символ мудрости, бык – символ мужской производительной силы и т.п. Так и получается, что знакомые человеку из его повседневного опыта существа начинают рассматриваться как символы. На самом же деле, символ выражает знание о природе некой *универсальной силы*. Просто ее репрезентация специфически человеческими средствами напоминает то или иное существо, знакомое нам из взаимодействия с поверхностной реальностью. Поэтому иногда и путаются из-за этого, говоря, что это «символ оленя», а это «символ быка».
- 152 Термин, используемый в буддийской традиции для характеристики обычного режима функционирования бодрствующего сознания.
- 153 *Голан А.* Символ и миф. М., Иерусалим. 1994. С. 23.
- 154 Там же. С. 24.
- 155 Там же. С. 252.
- 156 Мне эта ситуация напоминает ту, которая существовала в теологии, когда специалисты спорили по поводу того, сколько ангелов может поместиться на конце иглы: в принципе, и обсуждать этот вопрос можно (если возникает, почему не обсудить?), и доказать ничего нельзя. Но в науке это не очень хорошая ситуация.
- 157 Термин, обозначающий в концепции М.-Л. фон Франц бессознательное мировоззрение.
- 158 *Франц фон М.-Л.* Психология сказки. М., 1998. С. 186-187.
- 159 Техника амплификации (расширения содержания) предложена Юнгом. Предполагает уточнение значения символа, который встретился человеку либо в сновидении, либо в дневной фантазии, за счет сопоставления содержания пережитого человеком с общекультурной мифологией и с его собственным жизненным опытом.
- 160 Там же. С. 217.
- 161 Вот как об этом пишет американский аналитический психолог, многолетний директор института Юнга в Цюрихе, Дж.Хиллман: «Так как образы фантазии являются основой сознания, мы ищем их в психотерапии. Фантазии, как таковые, могут и не возникнуть. Пациенты зачастую "не имеют фантазий". Кроме того, фантазии могут принимать вид планов, отчетов о самих себе, обрывков из общедоступной массовой культуры, особенно их очаровавших, проявиться в личных ненавистях и страстных желаниях, в любых взаимоотношениях. Психотерапевт выслушивает этот материал метафорически, образно, пытаясь прежде всего "до-слушаться" до фантазии, чем до буквального содержания... Мы различаем части личности, опрашивая каждое чувство, мнение, реакцию, к какому комплексу они принадлежат. "Кто сейчас говорит? Мать, герой, мудрый старец?" Мы пытаемся развивать знание самого себя через

- знание различных общностей, говорящих через рупор эго. Только сделав их отчетливо различимыми и идентифицировав их, человек оказывается способным увидеть и понять, кто есть он сам». — *Хиллман Дж.* Архетипическая психология. СПб., 1996. С. 49.
- 162 Понятие образа, как фундаментальной составляющей человеческой души и подлинного объекта психотерапевтической деятельности, наиболее полно разработано в архетипической психологии. Вот что об этом пишет Дж.Хиллман: «Образ служит той данностью, с которой начинается архетипическая психология. Юнг отождествляет образ с психическим... Этот принцип был разработан в архетипической психологии для обозначения того факта, что душа состоит из образов и преимущественно представляет собой деятельность воображения, которая в первозданном, парадигматическом виде представлена сновидением... Источником образов — образов-сновидений, образов-фантазий, поэтических образов — служит спонтанная деятельность самой души. Поэтому в архетипической психологии термин "образ" не относится к послеобразу, т.е. к результату ощущений и восприятий. Не означает "образ" и ментальной конструкции, представляющей в символической форме некоторые идеи и чувства, выражением которых служит данный образ. В действительности образ соотносится только с самим собой... Как и в сновидениях, образы приходят и уходят по своему соизволению, следуя своему ритму, в рамках внутренней специфики своих собственных отношений независимо от личностной психодинамики. Фактически образы являются той основой, которая обеспечивает возможность реализации такой психодинамики». — *Хиллман Дж.* Архетипическая психология. СПб., 1996. С. 62-64.
- 163 *Криппнер С., Диллард Дж.* Сновидения и творческий подход к решению проблем. М., 1997. С. 49-50.
- 164 Там же. С. 44-45.
- 165 Там же. С. 42.
- 166 «Анализ любого комплекса показывает, что он состоит из личных ассоциаций и их личных же переживаний. Но Юнг признавал, что энергия, которую может мобилизовать комплекс, автономность его поведения и архаический универсальный характер его образного представления, не могут быть объяснены всецело через личный опыт. Он, таким образом, выдвинул гипотезу, что сердцевина комплекса имеет архетипическую природу, и что личностный материал собирается группами и организуется архетипическим образом, и заряжается инстинктивной энергией на соматическом уровне. Например, мой материнский комплекс выстроен на моих переживаниях, связанных с моей матерью и на моих отношениях с

ее миром. Но паттернизация этих переживаний и огромный эмоциональный заряд, который этот паттерн в себе несет, относятся к архетипической великой матери и к инстинктивным желаниям, табу и магии, вовлеченным в отношения мать-сын, наряду с богатыми коллективными фантазиями и ролями, которые имеют дело с природой, воспитанием, кормлением, ростом, защитой, предохранением, заботливостью и т.д.» — Хиллман Дж. Архетипическая психология. С. 48.

167 Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Интуиция как самодостраивание // Вопросы философии. 1994. № 2.

168 См.: О'Брайен Б. Необыкновенное путешествие в безумие и обратно. СПб., М., 1996.

169 Канетти Э. Масса и власть. М., 1997. С. 359-364.

170 См. данные Т.А.Доброхотовой и Н.Н.Брагиной. Исследовательницы отмечают, что «у левшей галлюцинации отличаются не только тем, что во много раз чаще, чем у правшей, и мало или вовсе не зависимы от стороны поражения мозга. Для них характерна тенденция к сочетанию различных галлюцинаций – зрительных, слуховых, осязательных (особо часто возникающих), обонятельных, вкусовых. Представлены еще другие галлюцинации, которые невозможно отнести к какой-либо сенсорной модальности (будто у таких левшей не пять, а больше органов чувств). В своей совокупности эти галлюцинации создают ощущение присутствия «постороннего человека», которого левша «воспринимает» слухом, зрением, осязанием и такими ощущениями, как колебания воздуха, вызываемые «дыханием» того человека, шевеления волос на затылке, прикосновения рукой и т.д. Чаще всего левши «ощущают» человека сзади себя. По силе переживания галлюцинации левши почти равны восприятию реальных событий. Они отличаются еще ритмичностью: появляются и исчезают, повторяясь «сотни раз»... У левшей нами описаны не встречающиеся у правшей феномены, приводившие нас в замешательство, представлявшиеся необъяснимыми. В них речь идет как бы об иных, чем у правшей, способностях восприятия мира. Как будет видно, сенсорные сферы различной модальности у левшей будто недостаточно дифференцированы, неотграничены и способны к «взаимопомощи». Среди этих феноменов кожно-оптическое чувство: больные могли «читать», «видеть» кожей, чаще, пальцев рук; осязанием они иногда различали соленое и сладкое. Другое явление, испытываемое левшами пароксизмально (в момент приступа), названо феноменом расширения зрительного пространства: больные становились способными видеть то, что располагалось явно за пределами досягаемого зрением пространства; больные видели,

например, объекты, находившиеся сзади них. Наиболее интригующим представляется феномен предвосхищения, также возникающий пароксизмально: во время приступа больные оказывались способными видеть, слышать (воспринимать с помощью органов чувств) события будущего времени. Описан феномен обратной последовательности устной и письменной речи... Описаны разные формы зеркальной деятельности – письмо, чтение, восприятие, рисование, движение, представление. Некоторые из них – письмо, восприятие – отмечены и у здоровых левшей. Так, зеркальное восприятие возникало в полете у летчиков-левшей: крен самолета влево они воспринимали как крен вправо, и их действия по управлению машиной, предпринимавшиеся соответственно собственному восприятию, приводили к аварийной ситуации». – *Брагина Н.Н., Доброхотова Т.А.* Проблема «мозг-сознание» в свете современных представлений о функциональной асимметрии мозга // Мозг и сознание. М., 1990. С. 87-88.

- 171 Больные с определенного типа патологиями, а также люди с некоторыми личностными особенностями, спонтанно имеют облегченный доступ к такого рода содержаниям.
- 172 В концепции *М.-Л. фон Франц* этот термин обозначает бессознательное мировоззрение.
- 173 *Франц М.-Л. фон.* Психология сказки. С. 290.
- 174 Иначе у нее не будет возможности оставить пропорционально большее число потомков.
- 175 Об этом, как мне кажется, свидетельствует феномен неотении, когда зародыш данного вида оказывается больше похож на своего эволюционно более позднего собрата, чем на взрослый вариант особи своего же вида. И вот почему. Поскольку я полагаю, что эмбриогенез отражает ту фазу эволюции человека как вида, которая протекала на уровне действия универсальных сил, то эмбрион – это материальное воплощение (воплощение в веществе-носителе нашего мира) того структурного оптимума, который был получен на глубинном уровне. Взрослая же особь, в соответствии с таким представлением, являет собой результат эволюции структуры уже в нашем мире. Детеныш шимпанзе больше похож на взрослого человека, чем на взрослого шимпанзе потому, что сам процесс материализации (воплощения в физический мир) изменяет первоначальную представленность энергий.

Оглавление

Введение	3
1. ЭВОЛЮЦИОННАЯ ПАРАДИГМА	9
1.1. Противоречия концепции естественного отбора	9
1.2. Социобиология и эволюционная психология в подходе к проблеме репродуктивного поведения	15
1.3. Парадоксы предпочтения фенотипии	23
2. ГРЕХОПАДЕНИЕ В ФИЛОГЕНЕТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ	35
2.1. Реликтовое мироощущение	36
2.2. Формирование человека как вида на уровне универсальных сил	47
2.3. Логика формирования видов	49
2.4. Объемная модель эволюции	54
2.5. Природа универсальной силы «сознание» в нашем мире	60
2.6. Филогенетические корреляции грехопадения	64
2.7. Неотения	72
3. СОЗНАНИЕ КАК ИЗЛУЧЕНИЕ	76
3.1. «Все, что мы воспринимаем, поистине, заслужено нами»	76
3.2. Живое в многомерном мире	85
4. РОЖДЕНИЕ СОЗНАНИЯ	91
4.1. Эго-панцирь	92
4.2. Буквальная интерпретация эпизода грехопадения	97
4.3. Включение самосознания-самоконтроля	104
4.4. Человеческое сознание	107
5. СОВРЕМЕННЫЕ КОГНИТИВНЫЕ СПОСОБНОСТИ	115
5.1. Сознание и я-ось	125
5.2. Сознание как шаги в пустоте	132
5.3. В чем божественность постижения добра и зла?	140
6. ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЯЗЫКА	150
6.1. Именованье как звукоподражание	151
6.2. Диффузный синестезический образ звуков	154
6.3. Опыт переживания альтернативной реальности	163
6.4. Выражение сущности на основе звукоподражания внутреннему ощущению объекта	170

7. ПРИРОДА СИМВОЛИЗМА	174
7.1. Язык символов как эпистемологический феномен	175
7.2. Логика возникновения символа	181
8. ПОСТИЖЕНИЕ СИМВОЛА КАК ПЕРЕЖИВАНИЕ.....	203
8.1. Сознание как средство постижения	204
8.2. Наша цивилизация ездит на «символах неба»	210
9. БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ	218
9.1. Образ «лавы» как метафора бессознательного	223
9.2. Феномен предзнания	233
Заключение	239
Примечания	246

Научное издание

Бескова Ирина Александровна

**ЭВОЛЮЦИЯ И СОЗНАНИЕ
(когнитивно-символический анализ)**

*Утверждено к печати Ученым советом
Института философии РАН*

В авторской редакции

Художник: *В.К.Кузнецов*

Технический редактор: *Ю.А.Аношина*

Корректор: *А.А.Смирнова*

Лицензия ЛР № 020831 от 12.10.98 г.

Подписано в печать с оригинал-макета 13.03.2001.

Формат 70x100 1/32. Печать офсетная. Гарнитура Таймс.

Усл. печ. л. 8,37. Уч.-изд. л. 11,89. Тираж 500 экз. Заказ № 007.

Оригинал-макет изготовлен в Институте философии РАН

Компьютерный набор: *Т.В.Прохорова*

Компьютерная верстка: *Ю.А.Аношина*

Отпечатано в ЦОП Института философии РАН

119842, Москва, Волхонка, 14